

АРАБСКИЙ КРИЗИС

**И ЕГО
МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ**

АРАБСКИЙ КРИЗИС и его международные последствия

URSS

URSS

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ АФРИКИ РАН

Центр цивилизационных и региональных исследований

«АРАБСКИЙ КРИЗИС» И ЕГО МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Под общей редакцией
академика РАН
А. М. Васильева

Ответственные редакторы
А. Д. Саватеев, Л. М. Исаев

URSS

МОСКВА

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук Ю. Н. Винокуров, Л. М. Исаев,
д-р ист. наук А. Д. Саватеев, д-р ист. наук И. В. Следзевский

Руководитель авторского коллектива:

д-р ист. наук И. В. Следзевский

«Арабский кризис» и его международные последствия / Под общ. ред. А. М. Васильева. Отв. ред. А. Д. Саватеев, Л. М. Исаев. — М.: ЛЕНАНД, 2014. — 256 с.

Данная монография предлагает вниманию читателя комплексный анализ социально-политических потрясений в ряде основных арабских государств, так или иначе затронутых событиями «арабской весны». Авторами книги предпринята попытка проанализировать события, произошедшие с 2011 по 2013 гг. на всем арабоязычном пространстве от Марокко до Ирака, с целью формирования у читателя возможно более полного понимания феномена так называемой «арабской весны». В рамках данной работы детально исследованы предпосылки народных волнений, основные акторы и движущие силы, описан ход развития событий и обозначены основные внутренние и международные последствия, которые приобретают все более острый характер, втягивают в водоворот происходящего европейские, азиатские государства, страны Тропической Африки.

Авторы надеются, что данная монография будет интересна как специалистам, так и широкому кругу читателей, интересующихся современными тенденциями и рисками социально-политического развития в целом и в особенности в странах Ближнего Востока и Северной Африки.

В данной научной работе использованы результаты проекта «Мониторинг рисков социально-политической дестабилизации», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 году

Рецензенты:

д-р ист. наук А. Ш. Кадырбаев (Институт востоковедения РАН);
д-р экон. наук А. В. Акимов (Институт востоковедения РАН)

Формат 60×90/16. Печ. л. 16. Зак. №

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978–5–9710–1260–3

© ЛЕНАНД, 2014

15939 ID 187781

9 785971 012603

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА	
	E-mail: URSS@URSS.ru
	Каталог изданий в Интернете: http://URSS.ru
	Тел./факс (многоканальный): + 7 (499) 724 25 45
	URSS

Оглавление

Введение	5
Раздел I	Арабский кризис в развитии	9
	<i>Социально-политические и идейные корни современных переворотов в арабском мире.</i>	9
	<i>Цивилизационный диссонанс как экзистенциальная основа протестных тенденций в исламском мире.</i>	16
	<i>Демографические предпосылки Арабского кризиса и социально-демографические риски Тропической Африки.</i>	30
	<i>Политические потрясения в арабском мире: общее и особенное.</i>	57
	<i>Инструменты протестной активности в арабских странах: традиционные СМИ vs новые медиа.</i>	68
Раздел II	Роль исламского фактора в Арабском кризисе	80
	<i>Развитие «арабской весны» и радикальный исламизм.</i>	80
	<i>Политический процесс и перспективы правящих режимов в Египте и Тунисе</i>	95
	<i>Исламисты и политический процесс в Египте после «арабской весны».</i>	110
	<i>«Смутное время» продолжается?</i>	124

	<i>Стабильность на фоне «арабской весны»: опыт Марокко</i>	162
Раздел III	<i>Региональные и международные аспекты Арабского кризиса</i>	176
	<i>Наращение геополитического кризиса в регионе Большого Ближнего Востока</i>	176
	<i>«Арабская весна» в контексте глобализации и регионализации мировой политики</i>	185
	<i>«Арабская весна»: что после?</i>	196
	<i>Формирование «афразийской» зоны нестабильности</i>	207
	<i>Протестные движения в современном мире: новые пути или старые заблуждения</i>	229
Заключение	238
Информация об авторах	246

Введение

Кризис арабского мира и трансформация мирового порядка

Монографическое исследование «Арабский кризис и его международные последствия» подготовлено группой известных российских востоковедов и африканистов, объединившихся для изучения кризисных процессов, которые потрясают арабский мир с начала 2011 г. Основой для создания исследовательского коллектива послужили две научные конференции по тематике арабского кризиса, организованные Центром цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН. Первая конференция «Революционные события в арабских странах: причины, движущие силы, возможные последствия» была проведена в мае 2011 г. по свежим следам бурных событий в Тунисе и Египте. Результатом ее работы стала публикация книги «Протестные движения в арабских странах: Предпосылки особенности, перспективы»¹. Вторая конференция «Арабский кризис и трансформация мирового порядка» состоялась в июне 2013 года. В этих конференциях приняли участие авторитетные российские ученые: исламоведы, политологи, историки, экономисты, объединенные стремлением вскрыть новые тенденции в общественно-политических процессах в арабском мире. Участники исследовательского коллектива представляют авторитетные научные центры и университеты страны: Институт Африки РАН, Институт востоковедения РАН, Российский государственный гуманитарный университет, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, Российский университет дружбы народов.

¹ Протестные движения в арабских странах: Предпосылки особенности, перспективы / Отв. ред. И.В. Следзевский, А.Д. Саватеев. – М.: Либроком, 2012.

Данная монография продолжает исследование событий в арабском мире, их внутренних и международных последствий. Нарастающая нестабильность и быстрая изменчивость политического пейзажа стали характерными особенностями социально-политического развития региона Ближнего Востока и Северной Африки. Однако после событий 2011 г. эти особенности стали проявляться еще ярче, в более широких международных масштабах, выходящих за рамки арабского мира, стали еще острее. Процессы социально-политической дестабилизации в арабских странах и в прилегающих регионах лишь усиливаются, выходят из-под контроля тех внутриарабских и международных сил, которые рассчитывали воспользоваться состоянием региональной «политической турбулентности». Дальнейшее нарастание волнений не просто способно – оно уже сейчас привело к изменению геостратегического положения этого региона.

Проблематика монографии отражает глубину арабского кризиса и его выход за пределы Северной Африки и Ближнего Востока.

Страны региона впервые за годы своего независимого развития столкнулись с проблемой масштабного, глубокого социально-политического реформирования общества и власти и, главное, проблемой осознания элитой новых реальностей, которые грозят как ее существованию, так и выживанию самого государства. Первоначальная растерянность лидеров государств и политических партий, столкнувшихся со столь масштабными антиправительственными протестами, сменилась судорожными поисками способов собственного выживания, которые в ряде случаев приобрели хаотичный характер. Смещение прежних, казавшихся всемогущими, лидеров, появление новых, иногда неожиданных фигур во главе государства стало обыденным явлением. Так, за последние три года в Египте трижды менялось правительство, и каждое из них исповедовало свою особую стратегию. В основе этих перемен, как правило, лежало насилие, сопровождавшее роспуск представительных органов власти, отстранение законно избранных президентов, а святость конституции – ушла в прошлое.

Вместе с тем дальнейшее нарастание кризиса обнажила неспособность и альтернативной силы – политического ислама осуществить реформирование общества и системы власти в соответствии с вызовами времени, на основе расширения демократии. Да, в

Египте, Марокко, Тунисе исламистским партиям удавалось побеждать на выборах, причем с достаточно внушительным отрывом. Однако в полной мере испытать ответственность за политический курс довелось только египетским «Братьям-мусульманам». Она оказалось им не по плечу: лидеры этого движения не смогли начать вывод страны из кризиса и своими действиями только обострили социально-политическую ситуацию. В монографии сделана попытка ответить на вопрос о том, почему исламские политические движения оказались не в состоянии воплотить ожидания большинства мусульман на основе исламской идентичности, не смогли найти общего языка и основы для сотрудничества с иными политическими и конфессиональными силами.

Один из главных и наиболее сложных вопросов этой книги – несоответствие духу времени как прежних авторитарных режимов, так и неспособность к самореформированию, вялость, отсутствие созидательных начал сменивших их правительств. По сути, авторы монографии ставят под сомнение действенность и состоятельность политического класса ряда арабских и смежных с ними стран – от Центральной Азии до Тропической Африки, его способность не только выстроить систему эффективной политической власти, представляющей различные слои общества, но и поддерживать необходимый уровень политической стабильности перед лицом нарастающих экономических и социально-политических проблем.

Книга делится на три раздела. В первом разделе «Арабский кризис в развитии» анализируются корни, предпосылки политических потрясений, технология организации протестных выступлений, развитие и результаты хаотизации политического процесса. Авторы считают, что в основе бурных событий лежат как социально-политические проблемы, так и противоречия между существующими цивилизационными началами и неспособностью личности и общества найти ответ на вызовы современности в этих рамках. Кризис проходит через сознание каждого человека и вызывает реакцию как отдельного индивида, так и массы. Второй раздел «Роль исламского фактора в арабском кризисе» посвящен политической роли ислама в современных арабских обществах. Авторы отмечают, что участие в политических событиях исламистских сил, которые первоначально не спешили заявить о себе, ныне развернулось в мощное политическое движение. Оно отражает не столько «поли-

тический проект» салафитов или «Братьев-мусульман», сколько состояние арабского общества, в котором подавляющее большинство мусульман не представляют себя вне ценностей ислама, его социокультурной организации. Авторы третьего раздела фокусируют внимание читателя на общеарабских проблемах, порожденных восстаниями в отдельных странах, и отзвуками этих потрясений в мире в целом – азиатском, африканском, европейском.

Введение к книге написано А.Д. Саватеевым и Л.М. Исаевым. Первую главу монографии подготовили следующие авторы: Р.Г. Ланда («Социально-политические и идейные корни современных переворотов в арабском мире»); Э.Ф. Кисриев («Цивилизационный диссонанс как экзистенциальная основа протестных тенденций в исламском мире»); А.М. Васильев, Ю.В. Зинькина, А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, И.В. Следзевский, Н.В. Сухов, С.Ю. Малков, А.Д. Хаматшин («Демографические предпосылки Арабского кризиса и социально-демографические риски Тропической Африки»); А.А. Ткаченко («Политические потрясения в арабском мире: общее и особенное»); А.Р. Шишкина («Инструменты протестной активности в арабских странах: традиционные СМИ vs новые медиа»). В работе над второй главой принимали участие: Б.В. Долгов («Развитие “арабской весны” и радикальный исламизм»); И.В. Следзевский («Политический процесс и перспективы правящих режимов в Египте и Тунисе»); Л.М. Исаев («Исламисты и политический процесс в Египте после “арабской весны”»); А.М. Васильев и Д.И. Виницкий («“Смутное время” продолжается?»); В.В. Орлов («Стабильность на фоне “арабской весны”: опыт Марокко»). Разделы третьей главы книги были написаны: И.В. Следзевским («Наращение геополитического кризиса в регионе Большого Ближнего Востока»); В.С. Ягъей («“Арабская весна” в контексте глобализации и регионализации мировой политики»); К.М. Труевцевым («“Арабская весна”: что после?»); А.В. Коротаевым и Л.М. Исаевым («Формирование “афразийской” зоны нестабильности»); А.Г. Сулейманяном («Протестные движения в современном мире: новые пути или старые заблуждения?»). Над Заключением работали А.Д. Саватеев, И.В. Следзевский и Ю.Н. Винокуров.

Раздел I

АРАБСКИЙ КРИЗИС В РАЗВИТИИ

Социально-политические и идейные корни современных переворотов в арабском мире^{*}

Мир ислама переживает очень сложный период своей истории. Этот период, начавшийся в последней четверти XX века, характеризуется господством идеологии «политического ислама» или «исламизма». Так назвал выдающийся исламовед XX века М. Родинсон следствие «совокупности глубоких перемен, сотворивших историю мусульманского мира» (см.: Rodinson 1989: 120-121; Rodinson 1995: 25). Причем исламизм – это уже третья волна политического подъема мусульманских народов, если считать первой волной панисламизм XIX века, явившийся непосредственной реакцией на колониальную экспансию Запада, а второй – национализм. Национализм помог странам Востока добиться формальной независимости, но не смог решить их насущных проблем, ибо национальные правительства большинства этих стран не располагали ни квалифицированными кадрами, ни (за редкими исключениями) необходимыми ресурсами, ни новейшими технологиями (Ланда 2012: 53). Таким образом, воссоздавались условия для новоколониальной зависимости стран Востока, формально ставших самостоятельными, от стран Запада, фактически сохранивших свои традиционные позиции господства.

Но сохранять эти позиции становилось все труднее. Поэтому Запад стал еще усерднее, чем раньше, искать союзников на Восто-

^{*} Данная глава публикуется в авторской редакции.

ке. Он нашел их в лице некоторых групп чиновничества, буржуазии и интеллигенции, получившей образование на Западе. Но они были слабо организованы и недостаточно влиятельны. В то же время в ряде стран Востока (не только в монархиях) возникла специфическая синкретическая социальная прослойка. Сочетая экономическое богатство, обладание властью и традиционным влиянием, умело используя харизму знатного происхождения и все способы эксплуатации подданных (в том числе внеэкономические), она правит абсолютно, образуя одновременно своеобразную фракцию международного финансового капитала. Обычно это – сотни (редко тысячи) высших бюрократов, бизнесменов и других представителей элиты общества, сплоченные в аристократические кланы и семейства (см.: Ланда 1999: 251-255; Weber 1947: 37). Им противостояла все более нищавшая часть общества, образованная социальными маргиналами. В некоторых странах их было до 35-40%, и неуклонный рост этой части грозил социальным взрывом (Ланда, Цветкова, Исаев, Бибилова 2009: 7-8; The Middle East 1992: 73-74).

Но над благополучием арабской политической и деловой верхушки общества с 1952 г. нависала угроза свержения. Национальные революции в Египте (1952 г.), Ираке (1958 г.), Алжире (1954-1962 гг.), Йемене (1962 г.), Ливии и Судане (1969 г.) были направлены против империализма, но и против его союзников в лице феодалов, компрадоров, прозападной бюрократии. Они привели к власти военно-революционные режимы с четко выраженной (за некоторыми исключениями) республиканской и антимонархической ориентацией. Поэтому прежние аристократические группы – правящие элиты и финансовые воротилы, несмотря на принципиальное сотрудничество с Западом, стали искать контактов с исламистами, включая их радикальное крыло. Они делали ставку на вспыхнувшее еще в конце 1954 г. острое соперничество между исламистами и военными революционерами Египта, впоследствии переросшее в борьбу за власть исламистов вообще со светскими националистами от Бургибы в Тунисе и Каддафи в Ливии до баасистов Сирии и Ирака.

Одновременно с этим влияние исламистов и вообще идеологии «политического ислама» росло, будучи спровоцированным наличием советских войск в Афганистане в 1979-1989 гг. и успехами исламской революции в Иране 1978-1979 гг. Эти события были ис-

пользованы для переориентации всей прежней критики Запада на Советский Союз и для сеяния розни среди самих арабов (вывода Египта из единого арабского фронта путем Кэмп-Дэвидских соглашений, попыток сокрушить Палестинское движение сопротивления в 1970-80-е гг., провоцирования войны Ирака с Ираном в 1980-1988 гг.). На этом фоне влияние «политического ислама» увеличивалось все больше, как и его агрессивность. Исламисты всюду, но прежде всего – в арабских странах, стали требовать «создания исламского государства любой ценой», а границы государств объявляли «не имеющими значения». На практике это выразилось в засылке вооруженных групп «исламистов-добровольцев» в страны, где им удалось развязать конфликты (от Синьцзяна и Кашмира до Алжира и Мали), в сборе средств в их пользу среди диаспор мусульман в Европе и Америке. Это позволяло, в частности, платить каждому из арабских моджахедов в Афганистане по 1500 долл. США в месяц (см.: Ланда 2005: 43-45; Jonson 1999: 1).

С другой стороны, наличие харизматических лидеров (Г.А. Насер, Х. Бумедьен, Х. Бургиба, М. Каддафи, Х. Асад) придавало устойчивость светским националистическим режимам. Определенную роль играла и помощь СССР (примерно до начала 1980-х гг.) в экономическом, военно-техническом и культурном плане содействовавшая строительству независимых светских государств в арабском мире. Но к началу XXI века эти факторы уже отсутствовали. Да и светские режимы в значительной мере утратили свой авторитет, а новые лидеры (С. Хуссейн, Х. Мубарак, З.А. Бен Али) оказались в той или иной мере скомпрометированы либо коррупцией, либо жестокостью своих репрессивных методов. Их политика вызывала все большее недовольство населения, более 40% которого среди арабов составляла молодежь в возрасте 15-30 лет. Значительная часть этих людей страдала от безработицы, низкой оплаты труда, неуважения их гражданских прав. В то же время это были, как правило, обладатели дипломов о высшем и среднем образовании, которое многие из них получили на Западе (в Европе и сейчас учатся и работают до 1 млн тунисцев, а у себя на родине они ежегодно принимают несколько миллионов туристов из Европы и США) (Васильев 2011: 2-6). Именно они начали то, что потом назвали «арабской политической весной» и «революцией образованной молодежи».

Мало кто обратил внимание, что в первых протестных выступлениях практически не было исламистов. Предполагали всякое: и то, что исламисты были не готовы выступить, и то, что они боялись «засветиться» раньше времени и «спугнуть» Запад. Однако последующий ход событий, когда исламисты активно включились в события, породил третью гипотезу: исламисты действительно выжидали, пока «образованная молодежь», которую, в отличие от исламистов, полиция не привыкла преследовать, добьется первых результатов и сойдет со сцены, поскольку не имеет ни четкой организации, ни единой идеологии, ни политического опыта (которым исламисты, особенно в Египте и Тунисе овладели неплохо). Так, собственно, и произошло. Причем, явно с ведома Запада и связанных с ним местных «сил порядка». Что говорит в пользу этой гипотезы? Неудача одновременно предпринятых попыток переворота в Марокко, Алжире, Иордании и Бахрейне. В Алжире, судя по всему, народ устал от антиколониальной войны 1954-1962 гг. и гражданской 1991-2002 гг. К тому же, выступления там охватили, и то недостаточно интенсивно, лишь берберов, т.е. менее 20% населения. Остальные три страны были прозападными монархиями, которые никто свергать не собирался. Саудовцы даже послали свои войска на помощь эмиру Бахрейна (Куприн 2011: 27-28).

В Ливии, наоборот, было приложено максимум усилий для свержения режима М. Каддафи, явно не ожидавшего, что на него, помимо всегда недовольной им промонархической Киренаики и тайно проникших в страну наемников – профессионалов, включая боевиков аль-Каиды, обрушится также авиация 14 стран НАТО и примкнувших к ним Катара, Иордании и ОАЭ, совершившая тысячи авиавылетов, а также подразделения спецназа Великобритании, Франции и того же Катара. В общей сложности они убили свыше 50 тыс. ливийцев и разрушили многие города, а заодно – транспортную и энергетическую систему Ливии – самой, пожалуй, процветавшей до этого североафриканской страны (Сурков 2012: 4). Ливия лежит в развалинах, но ее губителям это только на руку: они уже наладили добычу (практически – хищение) ливийской нефти, ибо нет теперь государства, которое могло бы им запретить это, а договариваться с враждующими на территории этого уничтоженного государства семью (или больше?) группировками гораздо проще: их можно подкупить обмануть, сравить между собой, вос-

пользовавшись их зависимостью от поставок извне вооружений, финансов и снабжения.

В Сирии подобный сценарий не прошел. Здесь антирежимные силы встретили более упорное и организованное сопротивление сирийской армии, правящей партии Баас и других партий, которых не устраивает перспектива исчезнуть в пучине исламо-экстремизма, никогда особой популярностью в Сирии не пользовавшегося. Это уже было доказано в 1978-1982 гг., когда исламисты, поднявшие мятеж против режима Хафеза Асада, держались в первую очередь за счет поддержки оружием, финансами и кадрами извне, но в конце концов потерпели поражение, несмотря на усилия США, правохристианских сил Ливана и ряда арабских монархий. Сейчас мятежники взяли курс на разжигание межконфессиональных и межэтнических противоречий в Сирии.

Конечно, в Сирии, как и везде, есть люди, недовольные существующим в стране режимом. И кое-кто из них вполне искренне участвует в повстанческом движении, тон в котором задают исламисты, а за кулисами его действует «ваххабитский тандем» Саудовской Аравии и Катара. Есть даже такие мнения, что этот тандем будто бы с согласия США готов всюду в арабском мире насадить демократию. Но весь мир насмотрелся досыта на подобную «демократию» в Ливии и в других местах, где побывала «Аль-Каида». И вряд ли кто-либо согласится считать это демократией.

«Арабская политическая весна», начинавшаяся в 2011 г. как «революция образованной молодежи», как «движение нового типа», как надежда на социальные перемены и совершенствование общества, ожиданий оптимистов не оправдала. Общедемократическое направление в эволюции арабского общества ослабло, чем попытались воспользоваться исламистские круги. С конца 1970-х гг. они упорно прокладывали себе дорогу к признанию в обществе, в том числе среди таких модернизовавшихся (и даже в ряде случаев «вестернизовавшихся») социальных слоев как интеллигенция, госслужащие, студенчество, офицерство, предприниматели. Однако пребывание у власти для исламистов, даже избранных в соответствии с демократической процедурой, как, например, в Египте, оказалось достаточно кратким.

Разумеется, сейчас рано ставить точку и говорить о победе исламизма. Возможно, исламистам, да и то не везде, удастся лишь

отсрочить окончательную секуляризацию арабского общества. Борьба за нее пока что проиграна лишь в Ливии, но в Тунисе и даже Египте об этом говорить рано. Многое, конечно, решит исход борьбы в Сирии, предсказывать который сегодня, вряд ли кто решится, несмотря на ряд позитивных явлений последнего времени. И вполне возможно, что резкое повышение информированности (а также, хоть и в меньшей степени, образованности) населения арабских стран тоже должно сыграть свою роль.

Несмотря на усиливающийся процесс социальной поляризации среди арабов, главным вопросом при всех поворотах их политической жизни в ближайшее время будет не расслоение или расстановка политических сил, не обострение или ослабление конфликтов между ними, а степень осмысления ими своего положения в обществе, их идейное самоопределение. Потому что исламизм претендует на идеологическую монополию, на ограничение общественной и политической (да и всякой иной) мысли рамками ислама, причем все чаще – в интерпретации исламских радикалов. Удастся ему это или нет – от этого будут зависеть и социально-политическая ориентация арабского общества, и идейная подоплека поворотов в его развитии.

Библиография

- Васильев А.М. 2011. *Цунами революций: новые геополитические реалии*. М. 1999.
- Куприн А.И. 2011. *Власть и оппозиция в странах Магриба*. М. 1999.
- Ланда Р.Г. 2005. *Политический ислам: предварительные итоги*. М.
- Ланда Р.Г. 2012. Арабский мир: конец «эпохи Насера» // *Восток*, №6.
- Ланда Р.Г., Цветкова Н.Н., Исаев В.А., Бибикина О.П. 2009. *Восточный социум и религия*. М.
- Сурков Н. 2012. Наблюдателей в Сирии встречают обстрелами // *Независимая газета*, №73. 16.04.2012.
- Jonson L. 1999. *Political Islam and conflicts in Russia and Central Asia*. Stockholm.
- Rodinson M. 1989. *La fascination de l'islam*. Paris.
- Rodinson M. 1995. *L'Islam: politique et croyance*. Paris.
- Traboulsi F.A. 2007. *History of Modern Lebanon*. London.
1992. *The Middle East viewed from the North*. Bergen.
- Weber M. 1947. *The theory of social and economic organization*. London.

Цивилизационный диссонанс как экзистенциальная основа протестных тенденций в исламском мире

Происходящие в арабском мире в последние годы быстрые и радикальные социально-политические трансформации – новый и неожиданный исторический феномен, который не укладывается в традиционные схемы, ставшие давно общеупотребительными для ученых, они требуют нового теоретического осмысления.

Во всем многообразии описаний событий «арабской весны» и рассуждений журналистов, экспертов и ученых-исследователей относительно природы происходящего сейчас в арабском мире, можно аналитически выделить три теоретико-методологических подхода и соответствующей этим подходам тематики. Их можно условно обозначить так: теолого-идеологический, позитивистский и цивилизационный.

Теолого-идеологический подход. Данный подход представляет собой точку зрения на события «арабской весны», в котором основное внимание уделяется религиозной (исламской) составляющей. Подразумевается, что ислам или отдельные теологические его направления решающим образом мотивируют группы приверженцев на определенного рода политические действия. Эти религиозно мотивированные акции, а также, разумеется, реакция на них со стороны противостоящих им сил, определяют общий ход происходящих событий. Вследствие этого основное внимание уделяется идеологии, организации и практике исламских движений как таковых, их отдельных направлений в таких терминах как «ваххабизм», «салафизм», «суфизм», «тарикатизм», «такфиризм», «джихадизм», «халифатизм» и др., а также исламских политических партий в мусульманских странах, таких например как «ан-Нахда» в Тунисе или «Братья-мусульмане» в Египте.

Позитивистский подход. К нему можно отнести и традиционный марксистско-ленинский взгляд, а в целом, объективистское, материалистическое видение природы происходящих событий. В данном случае уделяют главное внимание конкретным экономическим, политическим, социальным, демографическим параметрам рассматриваемых обществ, в которых обнаруживают причины недовольства и политической активности масс. Это могут быть, скажем, такие социальные характеристики, как относительно высокий уровень обнищания масс, безработица в целом или, в особенности, среди молодежи, политика авторитарной и коррумпированной власти престарелых руководителей, рост имущественной дифференциации, процессы ускоренной урбанизации и т.д. К этому типу исследовательского подхода можно отнести и рассуждения об исключительной мобилизующей и регулирующей роли современных социальных сетей, базирующихся на Интернете.

Цивилизационный подход. В данном случае на передний план рассуждений относительно резкого оживления радикальных общественных движения, вспышки революционных настроений в ряде арабских стран выступает культурологическая проблематика относительно несовместимости «западного» и «восточного» обществ. В литературе часто просматривается взгляд на события в арабo-мусульманских странах как на проявление борьбы несовместимых культурных кодов, в которой неизбежен решительный выбор – либо отказ от своей культурной исламской основы и переход на магистральный путь вестернизации и либерализации, либо его сохранение. Данный подход, как правило, опирается на концепции американского политолога Сэмюэля Хантингтона относительно того, что в современных условиях главным источником конфликтов становятся культурные по своей природе несоответствия между различными цивилизациями. В своей первой на шумевшей статье 1993 г. на эту тему он написал:

«Полагаю, что в нарождающемся мире основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. Нация-государство останется главным действующим лицом в международных делах, но наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям. Столкно-

вление цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями – это и есть линии будущих фронтов» (Хантингтон 1994: 33).

Однако ни один из этих трех подходов не дает удовлетворительного объяснения причин или понимания факторов, которые обуславливают бурную политическую активность населения, приведшую к серьезным политическим трансформациям в указанных арабских странах. Теолого-идеологический подход рассмотрения и объяснения «арабских революций» с нашей точки зрения категорически неприемлем, позитивистский является научно обоснованным и продуктивным, но вспомогательным, недостаточным для понимания внутреннего существа происходящего. При этом цивилизационный подход представляется наиболее релевантным в осмыслении существа происходящего, но не в той интерпретации, которую он получил в работах С. Хантингтона и тех цивилизационистов, которые следуют в русле его концепции. Остановимся на этом подробнее.

Центральным понятием цивилизационного подхода является, разумеется, понятие «цивилизации». Рассмотрим, как понимает его сам Хантингтон.

«Цивилизация представляет собой некую культурную сущность. Деревни, регионы, этнические группы, народы, религиозные общины – все они обладают своей особой культурой, отражающей различные уровни культурной неоднородности. Деревня в Южной Италии по своей культуре может отличаться от такой же деревни в Северной Италии, но при этом они остаются именно итальянскими селами, их не спутаешь с немецкими. В свою очередь европейские страны имеют общие культурные черты, которые отличают их от китайского или арабского мира» (Хантингтон 1994: 34).

В этом по мнению Хантингтона суть дела, ибо

«западный мир, арабский регион и Китай не являются частями более широкой культурной общности. Они представляют собой цивилизации. Мы можем – определить цивилизацию как культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей. Следующую ступень составляет уже то, что отличает род человеческий от других видов живых существ. Цивилизации определяются наличием общих черт объективного порядка, таких как язык,

история, религия, обычаи, институты, – а также субъективной самоидентификацией людей» (Хантингтон 1994: 34).

Надо признать, что это определение в своих общих чертах соответствует ранее уже высказываемым соображениям относительно концепции «цивилизации» у выдающихся мыслителей, начиная с Н. Данилевского, и далее О. Шпенглера, А. Тойнби и др. Однако в связи с рассматриваемой нами проблематикой современных радикальных трансформаций в арабском мире и с другими схожими явлениями нынешнего глобализирующегося мира данный подход к пониманию «цивилизации» вызывает по меньшей мере два вопроса.

Во-первых, насколько могут быть продуктивными исследования современных социокультурных и политических эксцессов, протекающих в условиях постиндустриального мира с его всепроникающей и тотальной глобализацией, опирающиеся на представления о цивилизациях как отчетливо различных огромных социокультурных ареалов со специфическим мироустройством жизни, с которыми современные люди себя отождествляют на предельном уровне культурной идентификации? Этот вопрос мы пока отложим, чтобы вернуться к нему позднее. А сейчас сосредоточим внимание на другом, более важном в методологическом отношении вопросе.

Второй вопрос относится к проблеме реификации (овеществления) социальных категорий. Как известно, Э. Дюркгейм в «Правилах социологического метода» сформулировал методологически важное т.н. «первое правило»: рассматривайте социальные факты как вещи. Действительно без овеществления невозможно представить и исследовать устойчивые социальные состояния, такие скажем, как социальный институт, класс, социальная роль, формация, государство, право, культура и т.д. Понятие «цивилизации» также является продуктом категоризации огромного материала об особенностях культуры народов мира и предстает овеществленным объектом. Вместе с тем, реификация, т.е. восприятие феноменов человеческой деятельности в качестве объектов вроде природных явлений, будучи часто неизбежным допущением в исследовании общественных процессов, должна иметь и свои пределы, за которыми мысль начинает плодить и оперировать надуманными тяжеловесными конструктами, наделенными онтологическим статусом.

Отсюда вопрос: не выходит ли рассматриваемая концепция цивилизации за рамки допустимой и оправданной объективации?

Этот вопрос не может быть решен в рамках той же исследовательской парадигмы. Необходим взгляд с иных методологических позиций. На мой взгляд, такая смена методологической парадигмы цивилизационного подхода необходима применительно к проблемам современных, чрезвычайно динамичных и всеохватывающих социальных трансформаций. Наиболее плодотворной для их осмысления, по моему мнению, является теория, предложенная П. Бергером и Т. Лукманом в книге «Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания» (Бергер, Лукман 1995).

Социология знания, пожалуй, самое «философичное» направление в социологии. Оно занято осмыслением природы и функции знания в социальных процессах и воздействия социальных процессов на содержание знания. Отметим кратко, что это направление социологической мысли восходит к философии Г. Гегеля с его центральной идеей исторического развития человечества как процесса «самопознания Духа». К. Маркс сыграл ключевую роль в научной постановке основных положений социологии знания. Важным вкладом в развитие этого направления стали идеи Ф. Ницше, относительно роли «ложного сознания» – обмана, самообмана и иллюзий, присущих человеческой жизни, а также разработка им понятия «*ressentiment*» (ментальной конструкции, порождающей в социальном контексте определенные человеческие типы). Сам термин «социология знания» был введен в науку философом М. Шелером, а К. Мангейм придал ей социологическую направленность. Следует отметить и вклад В. Парето с его концепцией идеологий как теоретических конструкций оправдания (рационализации) поступков, о подлинных причинах которых сами их акторы не имеют представления. Важная роль в развитии социологии знания принадлежит и «феноменологической социологии», которая восходит к философии Э. Гуссерля, переработанной в социологическую дисциплину А. Шюцем. Концепция «знания» в данном случае подразумевает не столько философские, религиозные, идеологические или научные представления и взгляды, сколько обыденные соображения обычных людей, благодаря которым только и могут складываться нормы и институты человеческого взаимодействия и в которых эти

люди сами формируются в качестве участников социального процесса.

Теория социального конструирования реальности была сформулирована в русле социологии знания, но она должна рассматриваться как самостоятельный и цельный взгляд на природу общества и как научная парадигма, открывающая новые возможности исследования в рамках цивилизационного подхода к проблематике современной чрезвычайно динамичной, ускользающей от жесткой концептуализации реальности. Она позволяет снять гносеологические издержки, вызванные чрезмерной объективацией концепции цивилизации применительно к современным динамично изменяющимся и многообразно переплетающимся социокультурным процессам. Ее ключевые понятия – знание и реальность. Реальность – качество, присущее феноменам, иметь бытие, независимое от нашей воли и желаний, а знание – уверенность в том, что эти феномены являются реальными и обладают определенными характеристиками (Бергер, Лукман 1995: 12-13). Реальность определяется через знания, а знания черпаются и закрепляются из реальности. Знание объективирует мир и упорядочивает его с помощью языка и универсального для всего человечества когнитивного аппарата – логики. Знания программируют опыт и создают тем самым объективный мир. Этот мир становится внутренним миром человека как совокупность его представлений об объективном мире. Тем самым, объективный социальный мир предстает в качестве институционально определенной реальности. Таким образом, знание оказывается сердцевиной «фундаментальной диалектики общества», как выражаются сами авторы этой концепции, потому что знание приобретает путем социализации, опосредует объективированные структуры социального мира и интернализируется (усваивается) с помощью социализации (аккультурации) в рамках индивидуального сознания.

В теоретических разработках Бергера и Лукмана нет специального обращения к понятиям «культура», «цивилизация» и т.д., и вообще к сугубо культурологическим аспектам социальной проблематики. Между тем их подход к пониманию диалектики взаимного продуцирования «знания» и «реальности», «институционального порядка» и «легитимации символического универсума» в их взаимной обусловленности открывает новые возможности изуче-

ния актуальной социально-политической проблематики в рамках цивилизационного подхода.

«Социология знания должна изучать все то, что считается в обществе «знанием», невзирая на обоснованность или необоснованность (по любым критериям) такого «знания». И поскольку всякое человеческое «знание» развивается, передается и сохраняется в социальных ситуациях, социология знания должна попытаться понять процессы, посредством которых это происходит и в результате чего «знание» становится само собой разумеющейся «реальностью» для рядового человека. Иначе говоря, мы считаем, что социология знания имеет дело с анализом социального конструирования реальности» (Бергер, Лукман 1995: 13-14).

Данный подход к пониманию социальной реальности лишает социальные категории реифицированной незыблемости, тяжело-весной объективации. Цивилизация в рамках этого подхода – это социальный конструкт, существование которого погружено в динамику непрерывных трансформаций как самой реальности, так и социального знания о ней.

Почему эти соображения столь важны при рассмотрении современных революций в арабском мире? Дело в том, что цивилизации, складывавшиеся в прошлом на протяжении многих веков в процессах локального взаимодействия людей на компактных участках Земли, теперь разрушаются в системах знаний о реальности, они раскалываются на мозаичные фрагменты и перемешиваются так же как их носители на всех участках всего пространства человеческих отношений. Антропологические возможности человека позволяют ему социализироваться в любом культурном окружении и стать участником конструирования любой социокультурной целостности. Парадигма «конструирования реальности» Бергера и Лукмана позволяет распознать и проследить эти процессы воспроизводства человека культурой и культуры человеком, когда определенное общество участвует в социализации определенного человека, а определенный человек участвует наряду с другими в конструировании определенного социума.

Поэтому в новых условиях влияние фактора цивилизаций обнаруживает себя не столько в качестве массивной объективной реальности, т.е. больших реифицированных сущностей, вступающих в конфликты между собой усилиями своих адептов. Динамизм со-

временной жизни, приводящий к перманентной незавершенности объективирования социальных структур и, обусловленной этим, неизбежной неполноты и неустойчивости знаний о них, приводит к тому, что теперь цивилизации в большей мере проявляют себя в пределах субъективной реальности, т.е. в сознании современного, захватываемого динамизмом быстрых изменений индивидуума. Субъективная реальность является проекцией (разумеется, не механической) объективной реальности, в которой мы наблюдаем радикальные трансформации всего социокультурного порядка. Теперь конфликт цивилизаций обнаруживает себя полней и весомей с точки зрения своих социальных и политических последствий в знании о реальности конкретного индивидуума.

В этой связи можно говорить о феномене «цивилизационного диссонанса», по аналогии с концепцией «когнитивного диссонанса», предложенного уже давно Л. Фестингером (см.: Фестингер 1999). В основе концепции Фестингера лежит довольно распространенная среди социальных психологов теория «когнитивного соответствия» (см., напр.: Андреева, Богомолова, Петровская 2002), означающая, что психическая конституция человека не желает быть несбалансированной, дисгармоничной и если такое случается, то включаются психологические механизмы возвращения к внутренней согласованности. Остроумные психологические эксперименты, поставленные Фестингером, позволили ему установить три направления усилий человеческой психики вернуться к внутренней согласованности: человек изменяет поведение, изменяет имеющиеся у него знания или избирательно усваивает новые знания. Эти открытия позволили лучше понять многие аспекты психологии человеческого поведения, предсказывать и даже управлять им.

Фестингер изучал диссонанс в психике человека, когда в нем сталкиваются компоненты, принадлежащие к одной и той же культурной матрице, в свою очередь цивилизационный диссонанс имеет отношение к контроверзам в сознании современного человека, в котором часто уживаются элементы несопоставимых культурных кодов, т.е. о конфликте цивилизаций в структуре знаний. В теории Фестингера когнитивный диссонанс стремится к своему разрешению по причине того, что человеческая психика не терпит внутренних несоответствий. В этой связи, важно установить, почему и

как в принципе может разрешаться в современном человеке, возникающий в нем цивилизационный диссонанс?

Теория социального конструирования реальности Бергера и Лукмана позволяет найти ответы на эти вопросы. Вне всякой связи с упомянутыми выше психологическими теориями, Бергер и Лукман также обращаются к вопросу относительно природы согласованности институционального порядка любого социума, т.е. той гармонии, которую человек, как правило, ощущает внутри того или иного цельного, привычного для него социокультурного пространства. По их мнению, здесь срабатывают логические механизмы, свойственные человеку, как социальному существу. По мнению Бергера и Лукмана, именно логика увязывает разрозненные институциональные процессы в согласованное целое. Но это не логика отношений социальных институтов, а рефлексия человека по их поводу. К любым утверждениям относительно логики институтов нужно подходить с большой осторожностью, считают Бергер и Лукман.

«Логика свойственна не институтам и их внешней функциональности, но способу рефлексии по их поводу. Иначе говоря, рефлектирующее сознание переносит свойство логики на институциональный порядок» (Бергер, Лукман 1995: 108).

Социальное взаимодействие людей может складываться и развиваться исключительно логично, поскольку любая знаковая система может базироваться исключительно на логике. Логика скрепляет знания, и объективированный социальный мир предусматривает наложение на него логики. Поэтому социализированный индивид знает, что его социальный мир представляет собой связанное целое и будет объяснять его правильное или неправильное функционирование в терминах логичности или нелогичности. Отсюда исследователю любого общества очень легко предположить, что социальные институты действительно функционируют и осуществляют интеграцию так, как им положено (Бергер, Лукман 1995: 108).

Таким образом, интегрированная и устойчивая целостность институционального порядка, в который погружен индивид, является продуктом неизбежно логического согласования среди его участников. Но обычному индивиду кажется, что эта логика присуща

внутренней природе институционального порядка. В действительности же интеграция институтов носит надстроечный характер, она не продукт внутреннего процесса формирования и функционирования институтов, как это утверждается, скажем, в концепциях структурно-функционального направления, а результат человеческого рефлексирования на их счет. Таким образом, цельность и согласованность какого-то конкретного институционального порядка является продуктом легитимации, т.е. усилий по согласованию, установлению и закреплению непротиворечивого смысла того или иного институционального порядка.

Этим теоретическим положениям относительно логики институционального порядка авторы «Социального конструирования реальности» придавали большое методологическое значение.

«Это имеет огромное значение для анализа социальных феноменов. Если интеграцию институционального порядка понимать лишь в терминах «знания», имеющегося у его членов, это означает, что анализ этого «знания» является существенным для анализа рассматриваемого институционального порядка»(Бергер, Лукман 1995: 109).

Внутренняя согласованность (логичность) институциональных структур какого-то социокультурного целого представляют собой результат легитимации символического универсума, т.е. идеологией данного общества, которая определяет мотивационную динамику институционализированного поведения человека. Социализированный индивид знает, что его социальный мир – это связанное непротиворечивое в своих основных частях целое, в котором определены все сферы институционализированного поведения и роли, которые следует играть в контексте этого институционального порядка. В результате поведение становится предсказуемым, поскольку знание обо всем этом социально объективировано в качестве совокупности общепринятых истин. При этом любое принципиальное отклонение от норм институционального порядка воспринимается как уход от реальности. Такие отклонения называются моральной испорченностью, умственной болезнью или невежеством и т.д.

Состояние цивилизационного диссонанса, которое возникает у современных людей в ходе непрерывно развивающейся глобализации суть результаты хронического отставания процессов легитимации непрерывно преобразующегося институционального поряд-

ка. В результате этого люди остро ощущают и переживают конфликт цивилизаций, проецируя его во вне. В систему социального знания человека непрерывно вторгаются и требуют непротиворечивого согласования (легитимации) диссонирующие компоненты. Символический универсум личности оказывается противоречивым не психологически, а логически. В данном случае не психологические, как в случае с феноменом когнитивного диссонанса Фестингера, а логические, т.е. идеологические ресурсы оказываются инструментами преодоления личностью цивилизационного диссонанса. Конфликт цивилизаций, проникший в структуры субъективного знания индивида, разрушает традиционные легитимации и перед личностью встают проблемы экзистенциального уровня. Они требуют своего разрешения, и сила этих требований соответствует уровню диссонанса.

Разрешение цивилизационного диссонанса, образующегося у индивидуума в ходе социализации (аккультурации) в нынешних условиях всеохватывающей глобализации, может осуществляться, по-видимому, в двух основных направлениях: ментальном и поведенческом.

Ментальные усилия могут быть направлены на попытки примирения и согласования диссонирующих смыслов. Это может проявляться в повышенном внимании к идеологической проблематике, к новым политическим или религиозным учениям, обращению к прошлому духовному опыту и т.д. Эта обостренная работа мысли будет, скорее всего, направлена либо на достижение максимально высокого уровня рационализации, логичности новых принимаемых объяснительных схем, либо, наоборот – радикальным поворотом от логики в пространство мистического освоения реальности. Все эти усилия будут достигаться за счет отказа от традиционных, еще недавно общепринятых, привычных и понятных всем концепций легитимации человеческого миропорядка.

Поведенческие усилия также могут быть разными. Это и активный поиск новой нетривиальной информации, новых неординарных наставников. Это могут быть решительные политические или религиозные обращения. Это могут быть активные поиски единомыслия, смены идентичностей, стремление найти новые связи и отношения с единомышленниками. Это может быть стремление покинуть привычную среду обитания, в которой рос человек и пе-

реезд в иные регионы страны или мира, погружение в иную культурную среду, в которой цивилизационный диссонанс временно ослабнет, но может и возрасти. Человек может либо отвернуться от мира, погрузиться в одиночество и отчуждение, либо превратиться в активного участника общественно-политического дискурса относительно путей общественного развития, члена различного рода организаций, социальных инициатив, или даже непосредственно вступить в прямую «борьбу за преобразование мира». И это всегда будет категорическое неприятие статуса-кво и обостренное ощущение абсурда социальной реальности, вопиющей несправедливости человеческих отношений.

Например, в исламском мире в отношении религиозного исповедания существенное развитие сейчас повсеместно получают, как правило, два направления: мистическое (тарикатские братства с непререкаемым авторитетом учителя и жесткой ритуализацией всех сторон жизни) и предельная рационализация исламского учения, замыкающегося для обеспечения максимальной логической непротиворечивости на безусловной сущности Всесильного Аллаха (убеждения ваххабитов или салафитов). И первое, и второе направление увязывает свою приверженность историческим аналогам далекого прошлого, однако подлинная природа этих, казалось бы, диаметрально разнонаправленных исламистских течений следует искать, по-видимому, в усилиях их адептов преодолеть цивилизационный диссонанс. В это же время обычный, традиционный ислам, который имел свои специфические особенности в каждом отдельном социокультурном ареале и не нуждался ни в предельной рационализации, ни в крайней мистифицированности, все более теряет своих приверженцев и ослабевает в настоящее время.

Именно в этой связи теолого-идеологический подход к осмыслению нынешних социально-политических трансформаций в исламском мире, на мой взгляд, не состоятелен. Религиозный исламский активизм и те формы, которые он приобретает, являются следствием цивилизационного диссонанса. Многие исследователи придерживаются мнения, что именно положения исламской теологической доктрины непосредственно мотивируют своих приверженцев на акции политического радикализма. Поэтому, разумеется, желательно, чтобы ислам оставался в рамках своего традиционного бытования, когда он не создавал тех глобальных проблем, с кото-

рыми сталкивается западный в лице радикального исламизма. Нельзя отрицать существование тех проблем, которые создают современному миру радикальные исламские движения, но представлять дело так, что суть проблем в религии ислама, просто недоразумение или сознательное отвлечение внимания от подлинных причин происходящего. Приводить отдельные цитаты из Корана с целью доказательства происхождения исламского радикализма – профанация научного исследования.

Есть основания высказать предположение, что страны, которые имели в своем традиционном доиндустриальном прошлом высокий уровень развития, а ныне оказались отсталыми, испытывающими могучее и всесторонне воздействие передовых стран, оказываются сейчас, как это ни покажется парадоксальным, более передовыми с позиции их уровня постиндустриального развития. В этих странах глобализация пускает более глубокие корни, разрушающие привычную реальность бытия. Эти страны переживают больший социальный динамизм, чем высокоразвитые страны, их институциональные структуры в большей степени подвержены внешнему влиянию, в них болезненней развиваются внутренние эксцессы. В них институциональный порядок и знания о нем в большей мере порождают цивилизационный диссонанс, что существенно усиливает «социальное брожение».

Столь быстрые и неожиданные крушения режимов в указанных арабских странах могут быть обусловлены нарастающей внутренней неустойчивостью равновесия. Режимы рушились под воздействием резонансных эффектов совпадения внешних «колебательных движений» с внутренними. Все это обусловлено, в целом, усиливающейся динамикой изменений институционального порядка, вызванного глобализацией, а критическую массу приверженцев радикального слома системы формирует цивилизационный диссонанс.

Однако все это не означает, что цивилизационный диссонанс проявляет себя только в мусульманских странах или в странах третьего мира. Запад является, конечно, более устойчивым, поскольку именно он предстает сейчас ведущую силу глобализации. Однако конфликт цивилизаций захватывает индивидуумов в любой точке современного мира, и повсеместно все чаще и чаще будут наблюдаться свидетельства усилий личностей по разрешению цивилиза-

ционного диссонанса. А. Брейвик и Д. Ассанж с Б. Мэннингом из «Викиликс», а также Э. Сноуден – поступки всех этих людей, сколь бы разнонаправленными они ни были, – суть реакции личности на цивилизационный диссонанс, усиливающийся по мере расширения и углубления всепроникающих тенденций глобализации.

В этой связи слова С. Хантингтона о том, что «столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики» и что «линии разлома между цивилизациями – это и есть линии будущих фронтов» (Хантингтон 1994: 33), являются крайне актуальными при одной важной оговорке: линии разлома цивилизаций образуются в наше время, прежде всего, в головах наших современников.

Библиография

Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. 2002. *Зарубежная социальная психология XX столетия: теоретические подходы*. М.

Бергер П., Лукман Т. 1999. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М.

Фестингер Л. 1999. *Теория когнитивного диссонанса*. СПб.

Хантингтон С. 1994. Столкновение цивилизаций? // *Политические исследования*, №1.

Демографические предпосылки Арабского кризиса и социально- демографические риски Тропической Африки¹

Говоря об угрозах дестабилизации в «афразийской» зоне нестабильности, ни в коем случае нельзя забывать, что еще более мощные угрозы дестабилизации назревают в регионе, непосредственно примыкающем к «афразийской» зоне с юга, в Тропической Африке. Важно при этом иметь в виду, что речь в последнем случае идет о потенциально несравненно более масштабной дестабилизации, способной далеко затмить трагедию «арабской весны» – если в арабском мире речь шла о десятках тысяч жертв, то в Тропической Африке речь может пойти о миллионах и десятках миллионов.

Для начала обратимся к исследованию демографической ситуации в арабских странах. Как известно, демографические предпосылки сыграли важную роль в событиях «арабской весны». При этом по режиму Мубарака в первую очередь ударили успехи, достигнутые им (и его предшественником) в модернизации Египта, успехи, обеспечившие резкое падение в 1975–1990 гг. смертности вообще и младенческой и детской смертности в особенности, успехов без которых очень многие молодые египтяне, с пеной у рта требовавшие на Тахрире отставки (или даже смерти) Мубарака и «падения режима», просто умерли бы не дожив до того возраста, когда они смогли бы выйти на улицы с подобными требованиями (Коротаяев, Зинькина 2011б).

Начнем с того, что рекомендованная ВОЗ норма среднедушевого потребления продовольствия составляет 2300–2400 ккал на человека в день (см., напр.: Naïken 2002). Еще в начале

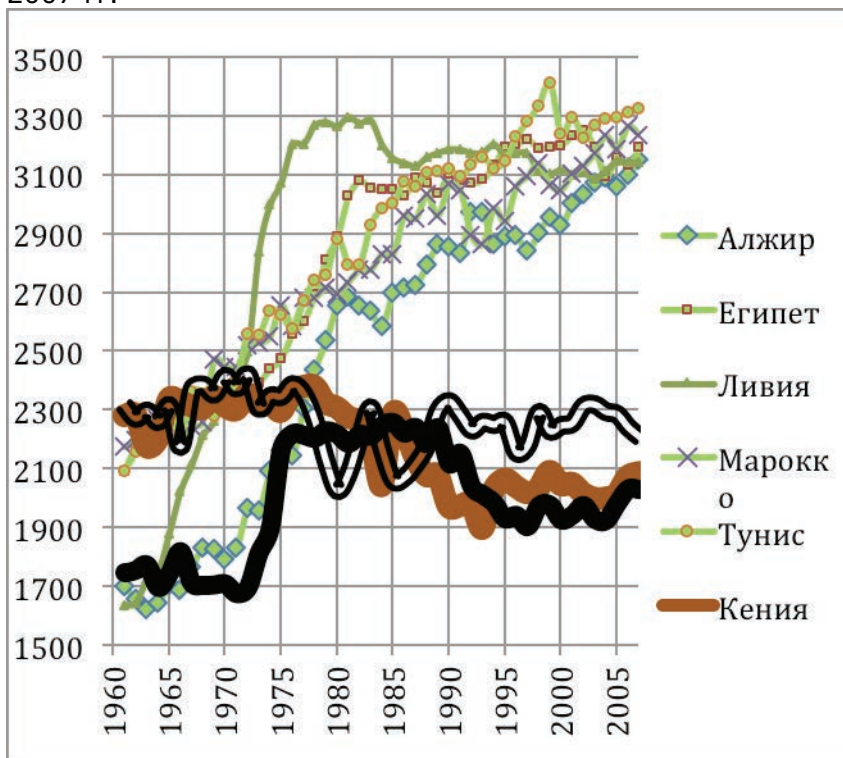
¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 07–06–00314).

1960-х гг. среднедушевое потребления продовольствия египтянами было ниже этого уровня (Коротаев, Зинькина 2011б). Таким образом, в Египте еще в начале 1960-х гг. проблема недоедания стояла вполне реально. Однако уже к середине 60-х гг. Египет выходит на этот уровень, но вплоть до 1974 г. не может его превысить. После 1973 г. подушевое потребление продовольствия пошло резко вверх, уже в 1982 г. (т.е. через год после смерти Садата) превысив порог в 3000 ккал и никогда уже после этого ниже данного порога не опускаясь. После этого перед большинством египтян уже стояла скорее проблема переизбытка, чем недоедания. Все это, конечно, трудно не связать с начатыми садатовской администрацией в 1974 г. достаточно успешными экономическими реформами (т.н. *инфитах*) (Коротаев, Халтурина, Малков, Божевольнов, Кобзева, Зинькина 2010: 165-169; Коротаев, Халтурина, Кобзева, Зинькина 2011: 66-70). Таким образом, можно сказать, что в 1970-е – 1980-е гг. Египту удалось выйти из т.н. «мальтузианской ловушки». На протяжении доиндустриальной истории человечества (в особенности применительно к сверхсложным аграрным социальным системам) масштабные внутрисполитические потрясения были очень часто связаны именно с нахождением человеческих обществ в мальтузианской ловушке (см., напр.: Нефедов 2007; Турчин 2007; Коротаев, Халтурина, Божевольнов 2010). Однако нами было показано, что выход из мальтузианской ловушки несколько парадоксальным образом (ведь социальный взрыв происходит на фоне долгосрочной тенденции к улучшению материальных условий жизни большинства населения) также может систематически (и совершенно закономерно) сопровождаться серьезными социально-политическими потрясениями (к которым можно отнести и большинство революций Нового и Новейшего времени). Это явление было названо нами «ловушкой на выходе из ловушки» (Коротаев, Халтурина, Малков, Божевольнов, Кобзева, Зинькина 2010; Коротаев, Халтурина, Кобзева, Зинькина 2011: 45-88). Египетская революция 2011 г. может здесь рассматриваться в качестве характерного примера (не лишнего, впрочем, определенных особенностей).

Что касается стран Тропической Африки, то многие из них до сих пор не вышли из «мальтузианской ловушки» (Рис. 1).

Рис. 1. Динамика душевого потребления продовольствия (ккал/чел./день) в Северной и Восточной Африке, 1961–2007 гг.

Источник: FAO 2011.

Контраст между Северной и Восточной Африкой здесь вполне очевиден. Рекомендуемая ВОЗ норма потребления продовольствия составляет 2200–2300 ккал на чел. в день. Как мы видим, еще в начале 1960-х гг. в странах Северной Африки этот показатель был ниже данного уровня. В дальнейшем странам Северной Африки удалось добиться систематического превышения темпами экономического роста скорости увеличения численности населения, а затем и очень существенного снижения рождаемости. В результате всем странам Северной Африки удалось достаточно уверенно выйти из мальтузианской ловушки и проблема голода перед ними с 1970-х гг. уже не стоит. То же самое, отметим,

относится в настоящее время к большинству обществ мира, которые либо уже вышли из мальтузианской ловушки, либо находятся в состоянии достаточно уверенного выхода. Между тем многим странам Тропической Африки из мальтузианской ловушки так пока выйти и не удалось, что хорошо видно на приведенной выше диаграмме применительно к странам Восточной Африки.

При этом, если люди, ранее недоедавшие, полностью и окончательно решают проблему голода и начинают есть вдоволь, то продолжительность их жизни увеличивается, а смертность в соответствующей популяции сокращается. И действительно, во всех известных нам случаях выход из мальтузианской ловушки сопровождался стремительным ростом ожидаемой продолжительности жизни и резким сокращением смертности. Египет здесь, естественно, не был исключением (Коротаев, Зинькина 2011б). Выход Египта из мальтузианской ловушки вполне предсказуемым образом сопровождался стремительным ростом ожидаемой продолжительности жизни, смертность же при этом всего за 20 лет (с 1970 по 1990 гг.) сократилась почти в два раза!

В полном соответствии с теорией демографического перехода (см.: Вишневский 1976; Вишневский 2005; Chesnais J. C. 1992; Коротаев, Малков, Халтурина 2007), через какое-то время после этого последовало и снижение рождаемости, но, как обычно, с заметным запозданием.

Нельзя сказать, что администрация Мубарака не понимала скрытой опасности, таившейся в растущем разрыве между рождаемостью и смертностью, и практически с самого начала правления Мубарака (1981 г.) она начала предпринимать меры, направленные на сокращение рождаемости (Fargues 1997: 117-118). Однако только во второй половине 1980-х гг. египетскому правительству удалось разработать действительно эффективную программу таких мер. Эта программа осуществлялась египетским правительством совместно с международной организацией USAID и была направлена на широкомасштабное внедрение практик планирования семьи (Moreland 2006). В 1985 г. специальным указом Хосни Мубарака был учрежден Национальный совет по вопросам народонаселения, разработавший два 5-летних плана по снижению рождаемости. В программу вовлекли религиозных

деятелей от главы старейшего религиозного университета ал-Азхар до имамов деревенских мечетей с тем, чтобы в своих фетвах и проповедях они распространяли идею, что планирование семьи не противоречит Корану – напротив, это богоугодное дело, так как, имея меньше детей, родители смогут дать им счастливое детство и достойное образование (Ali 1997: 40-44). Эта стратегия оказалась действительно успешной – всего за 5 лет, с 1988 по 1992 гг, суммарный коэффициент рождаемости в Египте упал с 5 до 4 детей на женщину.

Тем не менее, вплоть до второй половины 1980-х гг. разрыв между рождаемостью и смертностью нарастал, а вместе с ними нарастали и темпы роста населения. В итоге рост населения в Египте в 1970-е – 1980-е гг. приобрел взрывообразные масштабы (см.: Коротаев, Зинькина 2011б), и начал заметно замедляться только с конца 1980-х гг. Конечно же, столь быстрый рост населения будет неизбежно создавать в любой системе серьезные структурные напряжения. Однако этот фактор был здесь отнюдь не единственной силой, такого рода структурные напряжения генерировавшей.

Теперь зададим себе вопрос – а как выход из мальтузианской ловушки должен отразиться на младенческой и детской смертности? Дети особенно сильно страдают от недоедания; к тому же, тот факт, что страна выходит из мальтузианской ловушки практически по определению означает, что темпы экономического роста в этой стране существенно обгоняют темпы роста численности ее населения, а значит, эта страна достаточно успешно модернизируется и обладает достаточными ресурсами для развития в ней современной системы здравоохранения, что особенно способствует снижению именно младенческой и детской смертности. И действительно, во всех известных нам случаях выход социальных систем из мальтузианской ловушки сопровождался особенно быстрым снижением именно младенческой и детской смертности. Египет и здесь не был исключением (см.: Коротаев, Зинькина 2011б). Если общая смертность в Египте в 1975–1995 гг. упала в два раза, то детская и младенческая смертность за тот же исторически краткий промежуток сократилась в три раза.

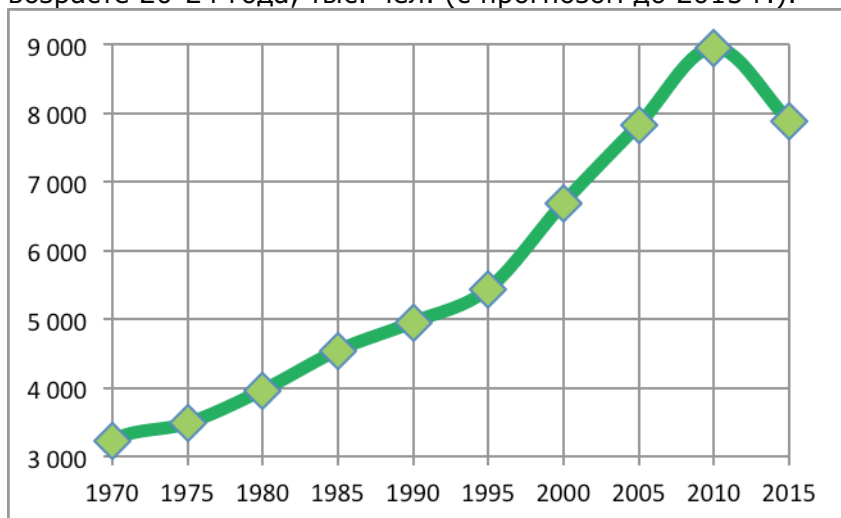
Итак, на первой фазе демографического перехода (которая, отметим, в тенденции совпадает с процессом выхода из мальтузианской ловушки) происходит радикальное снижение смертности. При этом наиболее быстрыми темпами сокращается младенческая и детская смертность, и это происходит на фоне остающейся по-прежнему на очень высоком уровне рождаемости. В результате если в традиционных обществах (до начала демографического перехода) из 6–7 детей, рожденных женщиной на протяжении ее жизни, до репродуктивного возраста доживало 2–3 ребенка, то на первой фазе демографического перехода в связи с резким падением младенческой и детской смертности до репродуктивного возраста может уже доживать и 5–6 детей (а с учетом того, что суммарный коэффициент рождаемости на первой фазе демографического перехода нередко даже растет, то до репродуктивного возраста может доживать и 7–8 детей). Это ведет не только к резкому ускорению темпов демографического роста («демографическому взрыву»), но и к тому, что поколение детей оказывается значительно многочисленнее поколения родителей, а это в результате ведет к росту удельного веса молодежи в общем населении. Как известно, на второй фазе демографического перехода происходит сильное уменьшение рождаемости (в тенденции ведущее к сокращению доли молодежи в общей численности населения), но происходит это со значительным запаздыванием, в результате чего в демографической истории соответствующей страны образуется т.н. «молодежный бугор» (*youth bulge*). Египет и здесь не был исключением (см.: Коротаяев, Зинькина 2011б).

Как отмечает Дж. Голдстоун, «быстрый рост [удельного веса] молодежи может подорвать существующие политические коалиции, порождая нестабильность. Большие когорты молодежи зачастую привлекают новые или гетеродоксальные религии, бросающие вызов старым формам власти. К тому же поскольку большинство молодых людей имеют меньше обязательств в плане семьи и карьеры, они относительно легко мобилизуются для участия в социальных или политических конфликтах. Молодежь играла важнейшую роль в политическом насилии на протяжении всей письменной истории, и наличие «молодежного бугра» (необычно высокой пропорции молодежи в возрасте 15–24 лет в

общем взрослом населении) исторически коррелировало с временами политических кризисов. Большинство крупных революций... – [включая и] большинство революций XX века в развивающихся странах – произошли там, где наблюдались особо значительные молодежные бугры» (Goldstone 2002: 11-12).

Рассмотрим теперь динамику абсолютной численности египтян в возрасте 20–24 года после 1970 г. (см. Рис. 2):

Рис. 2. Динамика численности египетской молодежи в возрасте 20-24 года, тыс. чел. (с прогнозом до 2015 г.).

Источник: UN Population Division 2012.

Предсказуемым образом, именно в абсолютных числах рост размеров данной возрастной когорты выглядит наиболее впечатляюще – как мы видим, всего лишь за последние 15 лет ее численность выросла почти в два раза. А ведь это именно те люди, которые выходят на рынок труда, и понятно, что даже быстро растущей экономике быстро создать миллионы рабочих мест, необходимые для их трудоустройства практически невозможно. А если экономический рост хоть немного замедлится (хотя бы и по объективным, независящим от администрации соответствующей страны обстоятельствам)?

Здесь стоит особо рассмотреть вопрос о египетской безработице. Ее уровень к началу Египетской революции был по мировым меркам не особенно высоким – порядка 9% (см.: Коротаев, Зинькина 2011а). Но при этом надо учесть то важное (и обусловленное как раз созданным выходом Египта из мальтузианской ловушки «молодежным бугром») обстоятельство, что около половины всех египетских безработных относились именно к возрастной группе 20–24 года (Al-jihaz al-markaziyy li-l-ta`bi`ah al-`ammah wa-l-ihsa` 2010). Общее число безработных в Египте – порядка двух с половиной миллионов (Sa`dah Fu`ad Abd al-Rahman 2010). Таким образом, в стране накануне революции было более миллиона безработных этой возрастной группы, которые и составили ударную силу революции.

Да, процентный уровень безработицы в Египте с середины 1990-х гг. практически не изменился. Но численность-то египетской молодежи за тот же самый период выросла почти в два раза. А значит, как минимум во столько же выросло и число молодых безработных (это, кстати, о том, как опасно доверяться процентам).

И еще одна деталь. То же самое исследование, проведенное Центральным агентством по общественной мобилизации и статистики Египта в III квартале 2010 г. (мы на него уже выше ссылались применительно к доле молодежи среди египетских безработных), выявило и еще одно впечатляющее обстоятельство – более 43% египетских безработных имело высшее образование (Al-jihaz al-markaziyy li-l-ta`bi`ah al-`ammah wa-l-ihsa` 2010)! Таким образом, ударный отряд египетской революции был не только молодым, но и очень высоко образованным. Мы считаем, что это обстоятельство и придало заметную специфику Египетской революции, обусловив, в том числе, и ее определенную эмоциональную привлекательность для представителей Первого мира, а главное – относительную (в особенности по меркам Третьего мира) «малокровность». Действительно, несмотря на колоссальный размах египетских событий, вовлекших в свой круговорот на многие дни миллионы людей, общее число погибших оценивается разными источниками в интервале между 300 и 900 человек (при этом в подавляющем большинстве это были погибшие от рук не восставших, а сил безопасности и привлеченных ими к подавлению восстания уголовных элементов).

Напомним, что во время предыдущих крупных народных волнений в Египте – «хлебных бунтов» 1977 г. (в качестве главной ударной силы в которых выступила малообразованная египетская молодежь), которые продолжались всего два дня и имели число участников, измерявшееся сотнями тысяч (а не миллионами, как в 2011 г.) – погибло около 800 человек (Hirst 1977: 19-20). В этом отношении Египетская революция 2011 г. оказалась пока ближе к молодежным волнениям (и «бархатным реолюциям») в Европе и Северной Америки последних десятилетий, чем к кровавым народным восстаниям и революциям в Третьем Море.

Однако вряд ли Египетская революция приобрела необходимый размах, если бы ее протестная база сводилась бы лишь к неустроенной высокообразованной молодежи, если бы последнюю не оказались готовы поддержать миллионы египтян (самого разного возраста, занятия и образовательного уровня), оказавшихся ниже черты бедности в результате роста мировых цен на продовольствие (несмотря на все серьезные меры противодействия этому, предпринимаемые администрацией Мубарака). Именно сочетание присутствия многочисленной неустроенной высокообразованной молодежи и миллионов египтян, оказавшихся за считанные месяцы ниже уровня бедности, и создало социальный взрывчатый материал, необходимый для революции.

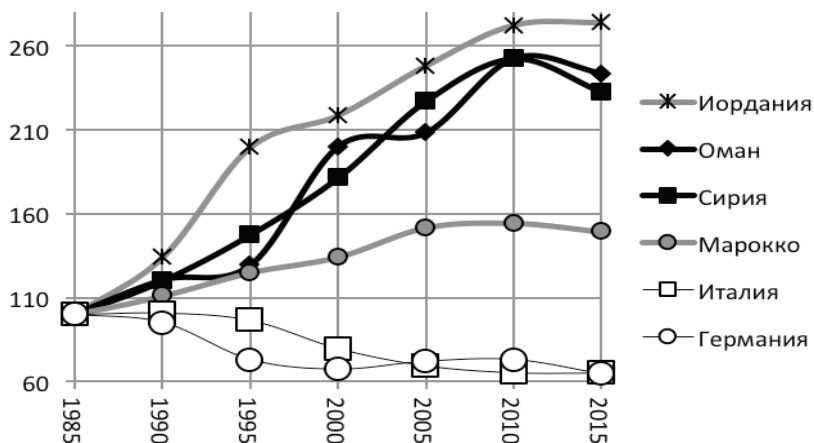
Однако, как известно, одной лишь взрывчатки для взрыва недостаточно. Необходима еще и искра. Поэтому мы считаем, что выше нами были описаны лишь необходимые, а не достаточные условия египетского социального взрыва.

Упомянем в заключение и еще несколько факторов, без наличия некоторых из которых Египетская революция могла и не произойти. Начнем с того, что некоторые из претензий восставших к режиму Мубарака были все-таки совершенно обоснованными. Да, действительно, десятилетия чрезвычайного положения создали ситуацию полной бесконтрольности сил безопасности, что привело к массовому использованию пыток по отношению к недовольным режимом. Стоит вспомнить и о распространении Интернета, создавшем для египетской образованной молодежи невиданно мощные средства самоорганизации, и о арабских спутниковых каналах и их талантливых тележурналистах, передававших необыкновенно эмоционально яркие образы народных

выступлений во все концы арабского мира. Ну и конечно, как и многие, мы полагаем, что египетские события вряд ли стали бы возможными, если бы революция в Тунисе не оказалась бы столь быстрой и бескровной, если бы она не создала ощущения, что смены власти в арабской стране можно добиться столь быстрым и бескровным образом.

Таким образом, мы полагаем, что Египетская революция не была бы возможна без определенных объективных предпосылок, но она все-таки не была и неизбежной. В конце концов, молодежный бугор в Египте должен был стремительно пойти на спад (стремительно ослабляя каждый год давление на рынок труда), продуманная программа экономических реформ позволяла рассчитывать на выход Египта на темпы роста уровня «экономического чуда» (т.е. порядка 10% в год), что в совокупности и должно было в самые ближайшие годы (в совокупности с ожидавшейся от Гамаля Мубарака политической либерализацией) рассосать накопивший к январю 2011 г. социальный взрывчатый материал.

Рис. 3. Относительная динамика численности молодежи в возрасте 2024 года, 100 = 1985 г. (с прогнозом до 2015 г.) в Иордании, Омане, Сирии и Марокко в сопоставлении со странами Запада.

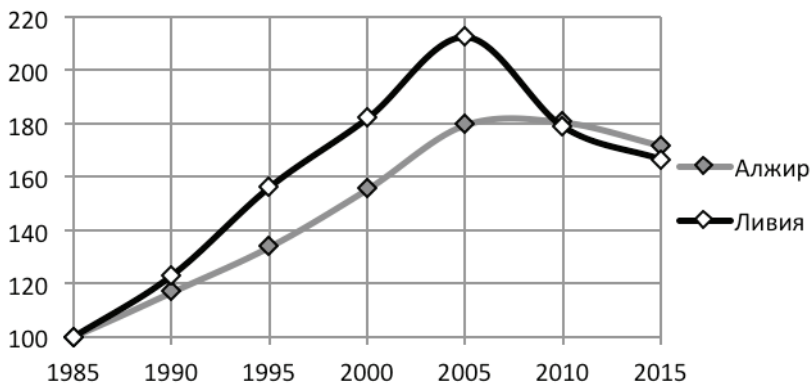
Источник: UN Population Division 2011.

Пик абсолютной численности молодежи в возрасте 20–24 года наблюдался также в Сирии, Омане, Марокко и Иордании (см. Рис. 3).

Нетрудно видеть, что марокканский «молодежный бугор» является здесь наименее выразительным; но, как кажется, это как раз то исключение, которое скорее подтверждает правило, чем его опровергает.

В Ливии и Алжире пик численности молодежи в возрасте 20–24 года пришелся на середину 2000-х гг. (см. Рис. 4).

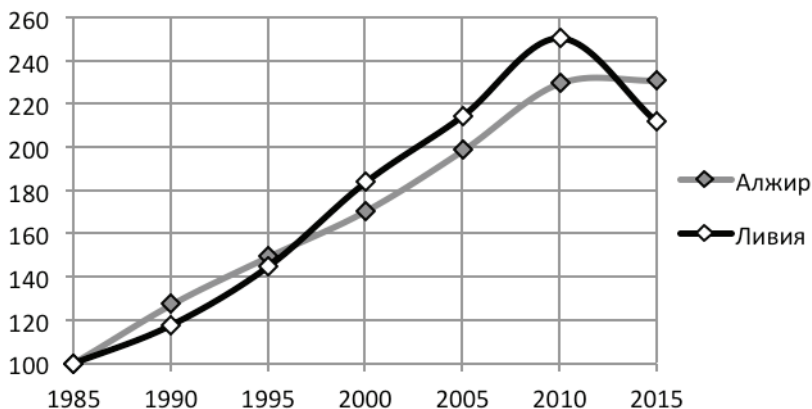
Рис. 4. Относительная динамика численности молодежи в возрасте 20–24 года, 100 = 1985 г. (с прогнозом до 2015 г.) в Ливии и Алжире.

Источник: UN Population Division 2011.

Однако на 2010–2011 гг. в этих странах пришелся пик численности молодежи в возрасте 25–29 лет, что, как представляется, наложило определенный отпечаток на протекание здесь событий Арабской весны (относительно – в сопоставлении с Тунисом и Египтом – низкая интенсивность социально-политического конфликта в Алжире и неожиданно низкая кровопролитность полномасштабной гражданской войны [осложненной к тому же самой серьезной внешней интервенцией] в Ливии) (см. Рис. 5).

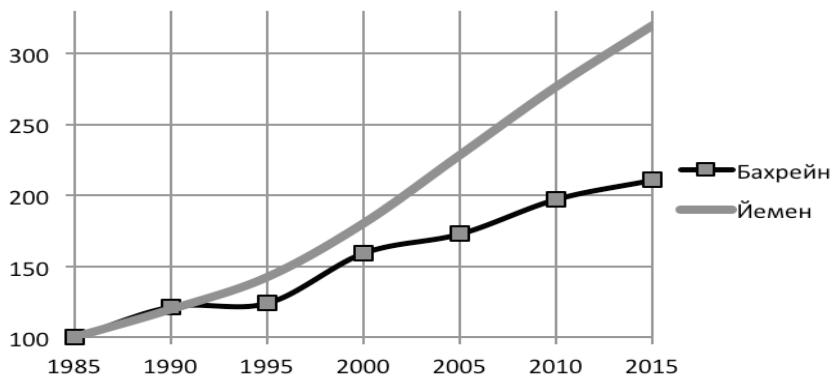
Рис. 5. Относительная динамика численности молодежи в возрасте 25–29 лет, 100 = 1985 г. (с прогнозом до 2015 г.) в Ливии и Алжире.

Источник: UN Population Division Database 2011.

Наконец, на Бахрейне и в Йемене достижение пика численности молодежи в возрасте 20–24 года ожидается еще только в будущем (см. Рис. 6).

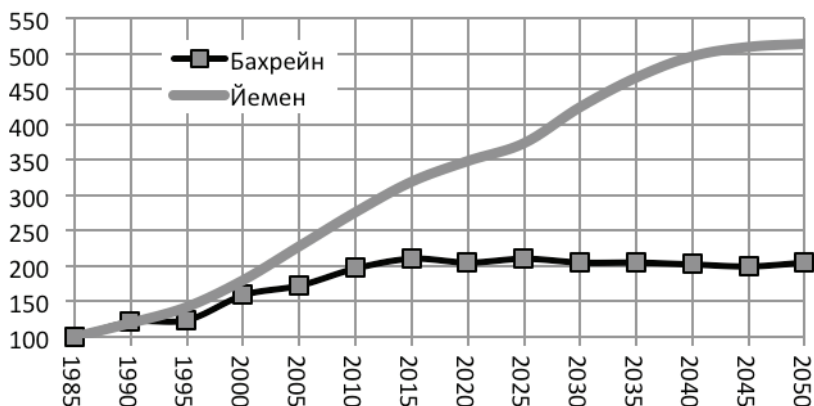
Рис. 6. Относительная динамика численности молодежи в возрасте 20–24 года, 100 = 1985 г. (с прогнозом до 2015 г.) на Бахрейне и в Йемене.

Источник: UN Population Division Database 2011.

Однако, конечно же, ситуация на Бахрейне и в Йемене кардинально различается не только экономически и социально, но и структурно-демографически. Действительно, если на Бахрейне стабилизация численности молодежи ожидается уже после 2015 г., то для Йемена она прогнозируется экспертами ООН только после 2040 г. (см. Рис. 7).

Рис. 7. Относительная динамика численности молодежи в возрасте 20–24 года, 100 = 1985 г. (с прогнозом до 2050 г.) на Бахрейне и в Йемене.

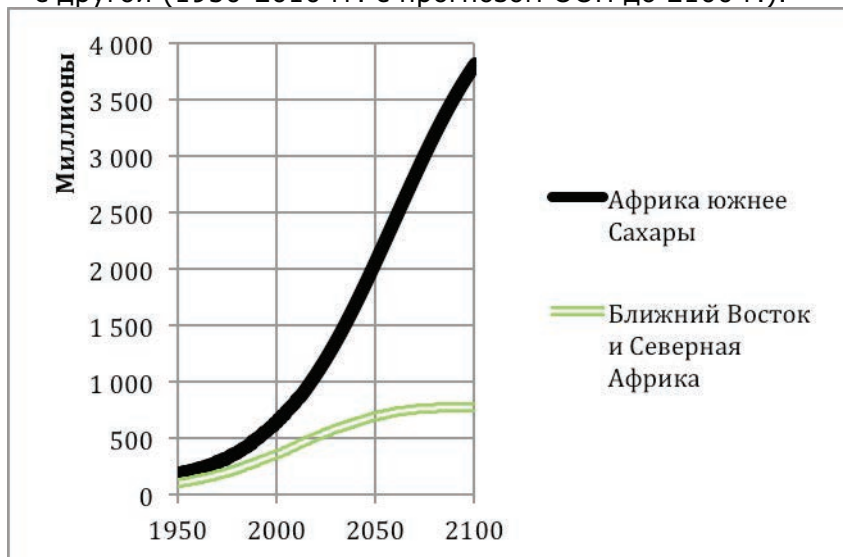
Источник: UN Population Division Database 2011.

Таким образом, надо отметить, что если в большинстве арабских стран структурно-демографические факторы в ближайшие годы будут способствовать социально-политической стабилизации, то в Йемене структурно-демографические факторы социально-политической дестабилизации являются не только самыми мощными во всем арабском мире, но они еще и будут сохраняться в будущем долгие годы (и даже десятилетия), что напрямую связано с колоссальным отставанием Йемена от остальных арабских стран в прохождении демографического (и, шире, модернизационного) перехода.

Теперь рассмотрим аналогичные демографические показатели в странах Тропической Африки. Разница в численности населения

между арабским регионом и странами южнее Сахары очевидна и в прогнозируемом будущем будет только увеличиваться (Рис. 8).

Рис. 8. Численность населения Ближнего Востока и Северной Африки с одной стороны и Африки южнее Сахары – с другой (1950-2010 гг. с прогнозом ООН до 2100 г.).

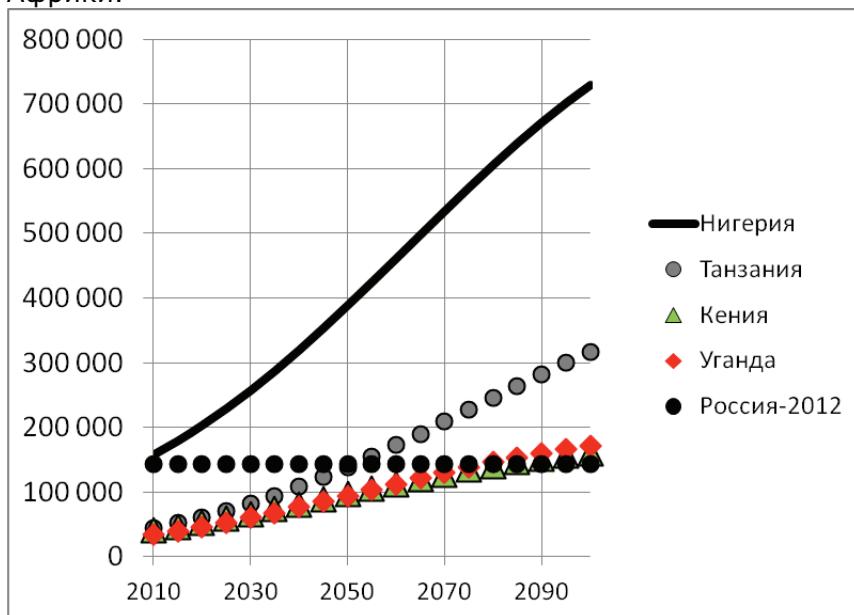

Источник: UN Population Division Database 2011.

Угроза демографического взрыва была «на слуху» в мировом сообществе в 1970-е гг. прошлого века. С тех пор большинство стран благополучно завершили демографический переход и более-менее стабилизировали численность населения (или, как минимум, сильно замедлили его рост). Однако последний прогноз Бюро народонаселения ООН показывает, что в XXI веке остался макрорегион мира, где угроза демографического взрыва не просто реальна, но является одним из основных сценарием будущего на ближайшие десятилетия – Африка южнее Сахары. По прогнозам, такие некрупные страны, как Нигер, Малави, Замбия (13–15 млн человек населения) к концу века сравняются по численности с современной Россией. Небольшие восточноафриканские страны (35 – 40 млн человек) Кения и Уганда вырастут до половины населения Советского Союза – 160 – 170 млн человек. Население

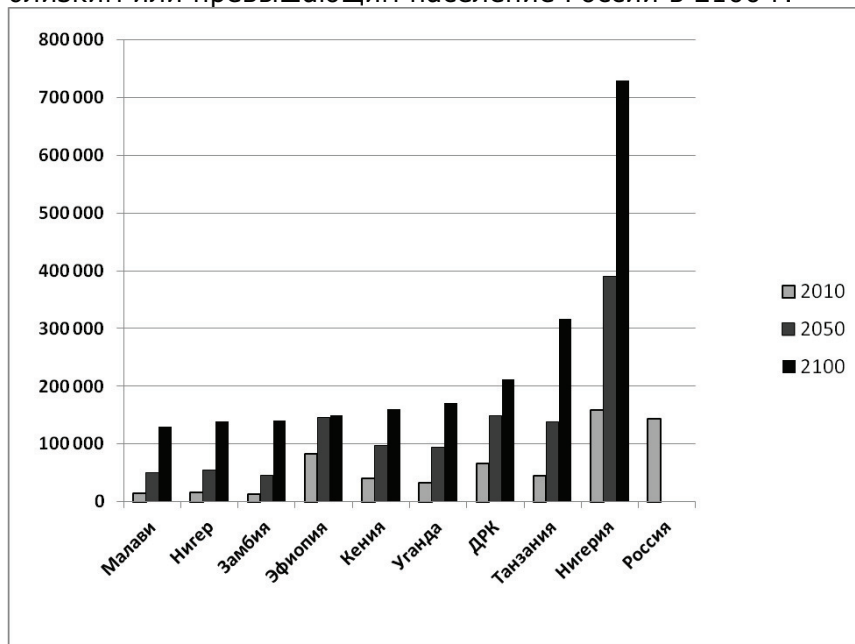
Танзании достигнет численности населения России уже к 2050 г., а к концу нашего века будет превышать его более чем вдвое. Население же Нигерии, по некоторым подсчетам, превзойдет современную численность населения нашей страны почти в пять раз (!) (см. Рис. 9, 10). Такой взрывообразный рост населения, несомненно, способен обернуться для этих стран и для мирового сообщества в целом крупномасштабной гуманитарной катастрофой.

Рис. 9. Средний прогноз ООН по динамике численности населения (в тыс. чел.) некоторых стран Тропической Африки.

Источник: UN Population Division 2012.

Рис. 10. Африканские страны с населением (в тыс. чел.) близким или превышающим население России в 2100 г.

Источник: UN Population Division 2012.

Особенно впечатляет Малави, совсем небольшая страна на юго-востоке Африки (площадью меньше Вологодской области), численность населения которой, согласно среднему прогнозу ООН, должна приблизиться к численности населения России. С другой стороны, вполне очевидно, что наиболее масштабный социально-демографический коллапс (с десятками миллионов погибших и однозначно глобальными последствиями) может произойти в Нигерии (если там в самое ближайшее время не будут приняты адекватные меры, направленные на предотвращение взрывообразного роста населения).

При этом прогноз ООН предполагает, что снижение рождаемости во всех этих странах в ближайшее время заметно ускорится – но, как мы видим, этого ускорения совершенно недостаточно для предотвращения демографической катастрофы.

Ситуация усугубляется тем, что многим странам Тропической Африки до сих пор не удалось выбраться из т.н. «мальтузианской ловушки» – примерно в половине стран региона душевое потребление продовольствия едва достигает нормы ВОЗ или находится существенно ниже нее, иногда на грани голода. Увеличить же душевое потребление продовольствия в Африке не получается, во многом потому, что чрезвычайно быстрый рост населения сейчас в буквальном смысле «съедает» рост производительности труда – особенно в аграрном секторе, где до сих пор занята заметная часть африканского населения. Если же население вырастет в несколько раз за следующие десятилетия, это, по всей вероятности, обернется масштабным голодом и гуманитарной катастрофой.

Тем не менее, несмотря на свою остроту, проблема взрывообразного роста населения в Тропической Африке оказалась вне фокуса внимания международного сообщества. Дело в том, что пик алармистских настроений относительно демографического взрыва в Тропической Африке пришелся на 1970-е – начало 1990-х гг. (см.: Ehrlich P.R. 1968; Ehrlich P.R., Ehrlich A.H. 1990) Примечательно, что именно в это время рождаемость в большинстве стран Африки южнее Сахары стала сокращаться и при этом все более быстрыми темпами.

К началу 2000-х гг. знание о том, что рождаемость в Тропической Африке снижается все более быстрыми темпами, распространилось среди мирового сообщества. Представлялось, что снижение рождаемости, единожды начавшись, будет непрерывно продолжаться вплоть до выхода на уровень воспроизводства населения. Эксперты ООН прогнозировали стабилизацию численности населения Африки южнее Сахары на относительно безопасных уровнях (см. ниже Рис. 11).

И мировое сообщество более или менее успокоилось. После Каирской международной конференции по населению в 1994 г. фокус международного внимания сместился с программ снижения рождаемости (в первую очередь, через распространение контрацепции) на повышение репродуктивного здоровья населения, поддержку участия женщин в принятии решений и др. (Blanc, Tsui 2005; Cleland, Bernstein, Ezeh, Faundes, Glasier, Innis 2006). За сменой приоритетов последовало закрытие программ распространения контрацепции в целом ряде частных фондов, а также, к примеру, в бри-

танском Агентстве международной помощи (*DfID*). В целом объемы международной финансовой поддержки программ распространения контрацепции уменьшились с 560 млн долларов в 1995 г. до 460 млн долл. США в 2003 г. (UN Economic and Social Council 2004).

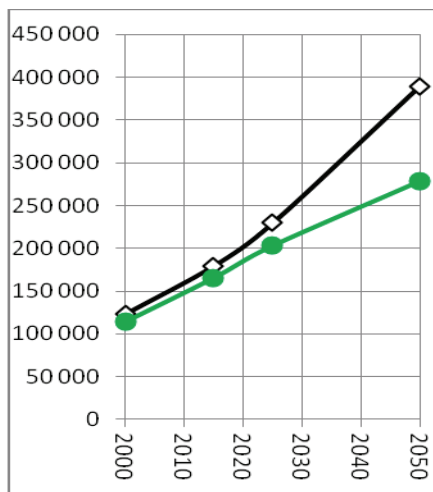
Более того, именно в середине 1990-х гг. у программ планирования семьи появился чрезвычайно мощный «соперник», оттянувший на себя значительные объемы международной финансовой помощи, а также «ресурс внимания» – эпидемия ВИЧ/СПИД, достигшая к тому времени угрожающих масштабов, в первую очередь, именно в ряде стран Тропической Африки. По некоторым оценкам, между 1995 г. и 2007 г. доля программ планирования семьи в объеме международной помощи упала с 54% до менее 5%, в то время как доля программ по противодействию ВИЧ выросла с 10% до 85% (Ezeh, Mberu, Emina 2009).

Однако успокоение было преждевременным. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. в большинстве стран Тропической Африки снижение рождаемости массово замедлилось или вовсе прекратилось, кое-где рождаемость даже начала расти. Более того, рождаемость «застыла» на очень высоких уровнях, в большинстве случаев – 5,5 – 6 детей на женщину.

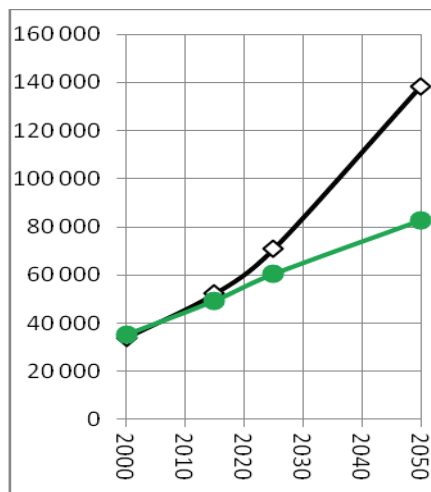
С учетом периода «застывания» рождаемости на высоком уровне экспертам ООН пришлось пересмотреть в сторону увеличения свои прогнозы десятилетней давности по очень многим странам Тропической Африки (Рисунок 3). Последняя серия прогнозов показала, что риск крупномасштабных гуманитарных катастроф в этом регионе несравненно более серьезен, чем это представлялось еще 10 лет назад. Между тем, мировое сообщество никак не осознает возрождения страшной угрозы масштабных социально-демографических катастроф в Тропической Африке. И есть риск того, что когда оно это угрозу, наконец, осознает, будет уже поздно.

Рис. 11. Сопоставление двух средних прогнозов ООН – 2000 и 2012 гг. по некоторым странам Тропической Африки (в тыс. чел.).

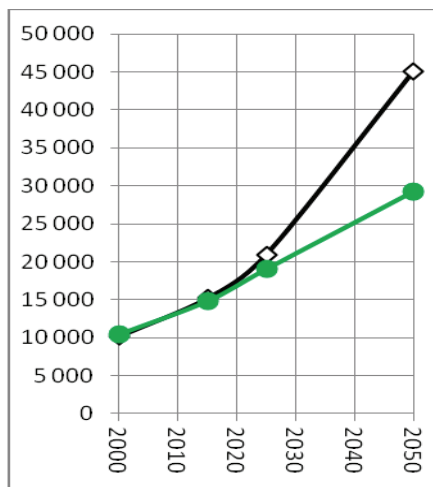
Нигерия

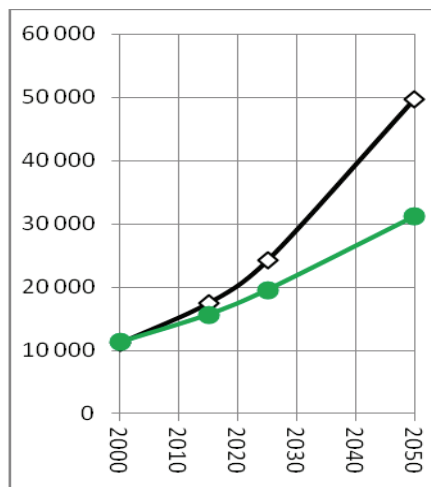
Танзания

Замбия

Малави

Источник: UN Population Division 2012.

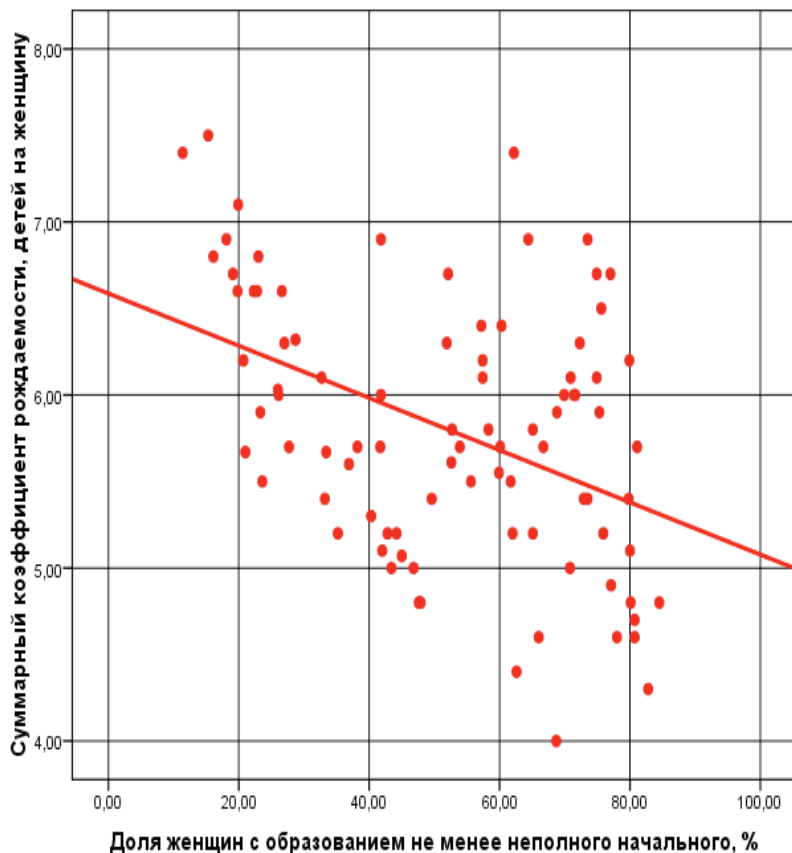
Так что же можно и нужно сделать для того, чтобы угроза была предотвращена?

Во-первых, образование. Женское образование – важнейший инструмент влияния на рождаемость. Например, выдающийся демограф Джон Бонгаартс исследовал выборку из 30 африканских стран и пришел к выводу, что во всех 30 странах рождаемость была ниже у женщин со средним и выше образованием, чем у женщин с начальным образованием, при этом в 27 странах у женщин с начальным образованием рождаемость была ниже, чем у женщин, не имевших образования (Bongaarts 2010).

Мировое сообщество признало необходимость распространения образования в Тропической Африке. Одна из Тысячелетних целей развития – обеспечение всеобщего начального образования. Однако в этом дискурсе образование рассматривается само по себе, безотносительно его влияния на рождаемость. Мы проанализировали связь между долей женского населения старше 15 лет, имеющей как минимум неполное начальное образование, и суммарным коэффициентом рождаемости, с помощью методов корреляционного анализа (см. Рис. 12). Важнейший вывод – простой ликвидации женской неграмотности (т.е. 100% охвата женского населения неполным начальным образованием) совершенно недостаточно для выведения рождаемости в странах Тропической Африки на уровень замещения. Если охватить как минимум неполным начальным образованием 100% женщин Африки южнее Сахары, рождаемость должна составить несколько больше 5 детей на женщину – все еще катастрофически высокий уровень.

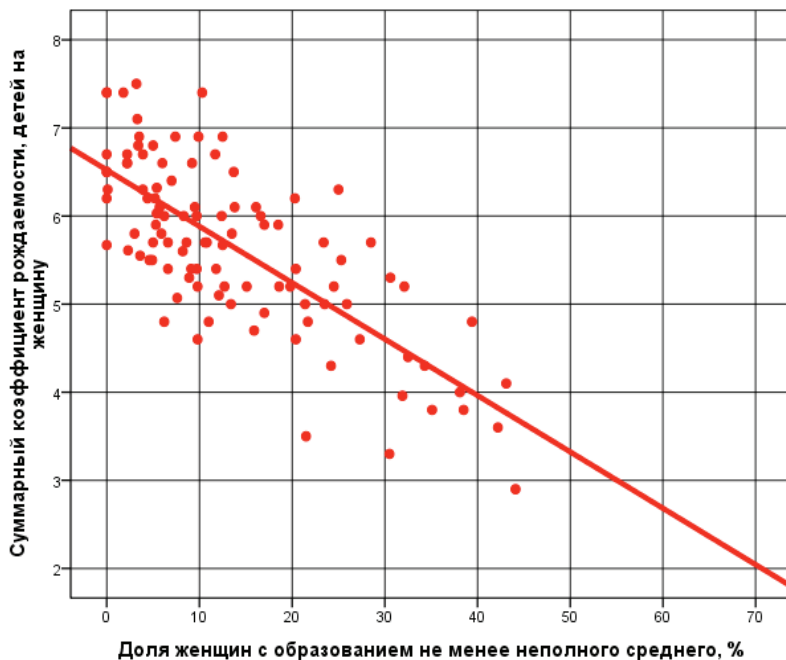
Рассмотрим теперь, какое влияние на рождаемость в Африке южнее Сахары оказывает распространение среднего образования (Рис. 13). Очевидно, что влияние среднего образования на снижение рождаемости значительно сильнее, чем у начального образования. Наш регрессионный анализ показал, что при наличии как минимум неполного среднего (и выше) образования у 70% женского населения старше 15 лет рождаемость в Тропической Африке должна выйти примерно на уровень простого воспроизводства – 2 ребенка на женщину.

Рис. 12. Корреляция между долей женщин, имеющих как минимум неполное начальное образование, и суммарным коэффициентом рождаемости в странах Тропической Африки.

Примечание: $r = -0,42$, $\alpha < 0,001$

Рис. 13. Корреляция между долей женщин, имеющих как минимум неполное среднее образование, и суммарным коэффициентом рождаемости в странах Тропической Африки.

Примечание: $r = -0,757$, $\alpha < 0,001$.

Подчеркнем, что речь идет совсем не о том, чтобы 70% всех африканских девочек стали посещать среднюю школу (хотя и такого результата добиться непросто). Проблема в том, что большинство африканских женщин, не имеющих среднего образования, уже давно вышли из школьного возраста, а сценарий дать среднее образование, скажем, 70% неграмотных африканских женщин 30-летнего возраста едва ли реалистичен. Конечно, необходимо как можно быстрее расширить возможности получения среднего образования взрослыми африканцами. Однако очевидно, что магистральным путем увеличения доли женщин со средним образованием должно стать достижение 100% охвата средним образованием детей школьного возраста вообще и девочек

в особенности – т.е. необходимо как можно быстрее вводить в этих странах всеобщее обязательное среднее образование. При этом даже немедленное введение всеобщего среднего образования² даст заметный эффект, т.е. приведет к заметному росту доли женщин старше 15 лет со средним образованием, лишь через 8–12 лет (в зависимости от возраста старта начального образования и принятой продолжительности обучения в начальной и средней школе)³. Зато эта мера поможет снизить демографическое давление в странах Тропической Африки сразу двумя путями – как с помощью снижения рождаемости, так и за счет ускорения темпов экономического роста (и при этом, как через механизм «демографического бонуса», так и через рост производительности труда).

Введение всеобщего обязательного среднего образования в странах Тропической Африки – это, безусловно, дорогостоящая мера, и самим африканским странам с этим только своими силами справиться невозможно. Мировому сообществу вообще и развитым странам (включая США и Россию) в особенности необходимо оказать здесь государствам Тропической Африки необходимую поддержку, в том числе значительную финансовую помощь. В противном случае в будущем от них потребуются несравненно большие расходы в связи с ликвидацией последствий социально-демографических катастроф в этих странах.

Во-вторых, планирование семьи. Введение обязательного всеобщего среднего образования должно стать главной мерой, однако эффект от него будет сказываться с запозданием, по мере вступления девочек, получивших среднее образование, в активный репродуктивный возраст. Прогнозы же ООН свидетельствуют о необходимости безотлагательных действий по снижению рождаемости. Временной лаг продолжительностью как минимум 8–10 лет (при самом лучшем раскладе, если правительства немедленно бросят все силы на повышение охвата девочек средним

² Напомним, кстати, что введение всеобщего среднего образования предполагает по определению наличие всеобщего начального образования, поэтому большинству стран Тропической Африки придется решать эти вопросы параллельно.

³ Этот срок будет составлять соответственно 6–8 лет в тех странах, где уже реально введено всеобщее начальное образование.

образованием) может оказаться губительным. Вот почему параллельно с развитием среднего образования (которое, повторимся, должно быть первым приоритетом) необходимо принимать и другие меры по снижению рождаемости, которые могут дать более быстрый результат.

Разумно воспользоваться опытом африканских стран, которые при сравнительно небольшой (менее 10%) доле женщин, имеющих неполное среднее и выше образование, смогли добиться заметных успехов в снижении рождаемости. В первую очередь, это Эфиопия и Руанда.

В Эфиопии суммарный коэффициент рождаемости снизился с 5,9 детей на женщину в 2000 г. до 4,8 к 2010 г., т.е. сократился за 10 лет на 1,1 ребенка на женщину. Важно, что рождаемость устойчиво снижалась и в городах, и в сельской местности. При сохранении (или небольшом ускорении) текущих темпов снижения рождаемости Эфиопия должна приблизиться к уровню простого воспроизводства населения ориентировочно к 2030 г., достигнув примерно 2,5 ребенка на женщину. Благодаря достигнутым темпам снижения рождаемости Эфиопия – единственная крупная страна в Тропической Африке, имеющая шансы избежать демографической катастрофы; население здесь удвоится к 2050 г., а затем стабилизируется.

Еще более примечательны демографические успехи Руанды последних лет. Здесь всего за 5 лет, с 2005 г. по 2010 г., удалось сократить рождаемость рекордными для Тропической Африки и очень высокими по мировым меркам темпами – на 25% за 5 лет: с 6,1 до 4,6 ребенка на женщину.

В обеих странах главную роль в достигнутых демографических успехах сыграли масштабные программы по распространению контрацепции среди населения, особенно в сельской местности (в Руанде – специальная президентская программа, в Эфиопии – направление в рамках программы по всеобщему обеспечению сельского населения доступом к первичной охране здоровья и профилактическим мероприятиям). В сельской местности создаются пункты здравоохранения, сотрудницы которых информируют женщин о практиках планирования семьи и мотивируют их использовать. Благодаря этому уровень использования контрацепции среди замужних эфиопок вырос за 10

лет с 3% до 29%, а среди замужних руандиек – с 17% до 52% всего за 5 лет. Этот опыт наглядно демонстрирует, что добиться быстрого снижения рождаемости в африканских странах вполне реально – при наличии соответствующей политической воли.

Итак, избежать катастрофического роста населения, показанного в прогнозах ООН, возможно – если безотлагательно ввести эффективные меры по снижению рождаемости. Магистральным путем снижения рождаемости в Тропической Африке и доведения ее до уровня простого воспроизводства должно стать повышение охвата женщин средним образованием и доведение его до 70% женского населения старше 15 лет. Этого можно добиться только при условии незамедлительного введения всеобщего обязательного среднего образования в странах Тропической Африки. Однако с учетом того, что это долгосрочная мера, эффект от которой даже при ее немедленном введении начнет сказываться лишь через 8–10 лет (по мере вступления девочек, получивших всеобщее среднее образование, в активные репродуктивный возраст), необходимо параллельно принимать и другие меры по снижению рождаемости, которые могут дать более быстрый эффект. В частности, необходимо внедрять масштабные программы распространения контрацепции, обеспечивая доступность практик планирования семьи (и информации о них) для населения, особенно в сельской местности. Сочетание стратегических (всеобщее среднее образование) и тактических (массовое распространение контрацепции) мер является весьма дорогостоящим, однако моделирование демографического будущего Африки показывает, что для большинства стран это единственный способ избежать крупнейшей гуманитарной катастрофы в истории современного мира.

Библиография

- Вишневский А. Г. 1976. *Демографическая революция*. М.: Статистика;
- Вишневский А. Г. 2005. *Избранные демографические труды*. 1: *Демографическая теория и демографическая история*. М.: Наука;
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011а. Египетская революция 2011 г. Структурно-демографический анализ. *Азия и Африка сегодня*. № 7 (648). С. 15–21.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011б. Египетская революция 2011 г. *Азия и Африка сегодня*. № 6 (647). С. 10–16.

Коротаев А.В., Халтурина Д.А., Кобзева С.В., Зинькина Ю.В. 2011. Ловушка на выходе из ловушки? О некоторых особенностях политико-демографической динамики модернизирующихся систем // *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: Красанд/URSS. С. 66–70.

Коротаев А.В., Халтурина Д.А., Малков А.С., Божевольнов Ю.В., Кобзева С.В., Зинькина Ю.В. 2010. *Законы истории: Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития.* М.: ЛКИ/URSS. С. 165–169.

Нефедов С. А. 2007. *Концепция демографических циклов.* Екатеринбург: Издательство УГГУ.

Турчин П. В. 2007. *Историческая динамика. На пути к теоретической истории.* М.: ЛКИ/УРСС.

Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Божевольнов Ю. В. 2010. *Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография. Экономика. Войны.* М.: КомКнига/URSS.

Al-jihaz al-markaziyy li-l-ta`bi`ah al` ammah wa-l-ihsa`. 2010. *Bahth al-qiwa al`amilah li-l-rub` al-thalith (yulyu/aghustus/sibtimbir).* al-Qahirah: Al-jihaz al-markaziyy li-l-ta`bi`ah al` amah wa-l-ihsa`. URL: <http://www.capmas.gov.eg/news.aspx?nid=491>.

Ali K.A. 1997. Modernization and Family Planning Programs in Egypt. Middle East Report, No. 205, Middle East Studies Networks: The Politics of a Field. P. 40–44.

Blanc A.K., Tsui A.O. 2005. The Dilemma of Past Success: Insiders' Views on the Future of the International Family Planning Movement // *Studies in Family Planning*, Vol. 36, No. 4, pp. 263–276.

Bongaarts J. 2010. The Causes of Educational Differences in Fertility in Sub-Saharan Africa // *Poverty, Gender, and Youth Working Paper*. Vol. 20. Population Council, New York.

Chesnais J. C. 1992. *The Demographic Transition: Stages, Patterns, and Economic Implications.* Oxford: Clarendon Press;

Cleland J., Bernstein S., Ezeh A., Faundes A., Glasier A., Innis J. 2006. Family planning: the unfinished agenda // *The Lancet Sexual and Reproductive Health Series*. Vol. 368/9549, pp. 1810–1827.

Ehrlich P.R. 1968. *The Population Bomb.* NY.

Ehrlich P.R., Ehrlich A.H. 1990. *The Population Explosion.* NY.

Ezeh A.C., Mberu B.U., Emina J.O. 2009. Stall in fertility decline in Eastern African countries: regional analysis of patterns, determinants and implications // *Philosophical Transactions of the Royal Society B*. Vol. 364, pp. 2991–3007.

FAO (Food and Agriculture Organization of the United Nation). 2011b. *FAOSTAT. Food and Agriculture Organization Statistics.* URL: <http://faostat.fao.org/>.

Fargues P. 1997. State Policies and the Birth Rate in Egypt: From Socialism to Liberalism // *Population and Development Review* 23(1): 115–138. P. 117–118.

Goldstone J. 2002. Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict. *Journal of International Affairs* 56/1: 11–12.

Hirst D. 1977. How High Life and Scandal Rocked Sadat // *MERIP Reports*, № 54. P. 19–20.

Moreland S. 2006. Egypt's Population Program: Assessing 25 Years of Family Planning. USAID.

Naiken L. 2002. *FAO Methodology for Estimating the Prevalence of Undernourishment*. Paper Presented at International Scientific Symposium on Measurement and Assessment of Food Deprivation and Undernutrition, Rome, Italy. URL: www.fao.org.

Sa'dah Fu'ad Abd al-Rahman (al-muharrir). 2010. Nashrat Suq al-'amal al-misriyy. Nashrah rub' sanawiyyah. I III-2010. al-Qahirah: Wizarat al-qiwa al-'amilah wa-l-hijrah. C. 4.

UN Economic and Social Council. 2004. The flow of financial resources for assisting in the implementation of the programme of action of the International Conference on Population and Development: a ten-year review // *Report of the UN Secretary-General*. New York: United Nations Commission on Population and Development, 37th session, March 22–26, 2004.

UN Population Division. 2012. United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division Database. *World Population Prospects*. URL: <http://www.un.org/esa/population>.

Политические потрясения в арабском мире: общее и особенное*

Арабский Восток объединяет более двух десятков крупных, средних и малых государств, каждое из которых обладает, наряду с общими для стран региона чертами, своими особенностями и характеристиками. Это наглядно проявилось при зарождении, развитии и в (промежуточных) итогах Большой арабской революции, в ходе политических потрясений, беспрецедентных по своим масштабам и глубине.

Общие характерные черты «арабской весны»

В ходе Большой арабской революции в обширном регионе Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) произошел крах сложившейся авторитарной модели политической власти в большой группе стран, которую немалое число специалистов, экспертов по проблемам региона «еще вчера» считали вполне адекватной длительной исторической традиции устройства политической власти в этом регионе.

Беспрецедентные политические потрясения явились закономерным результатом фатальных системных ошибок, совершенных правившими авторитарными режимами: запредельной концентрацией власти, попранием конституционных норм, регулирующих перераспределение властных полномочий, передачу власти; недооценки роли малого и среднего бизнеса в социально-экономической и политической жизни; отсутствием эффективного противодействия тотальной коррупции и т.п.

Одним из общих итогов потрясений стало оживление начавшегося в арабских странах в 70-80-е гг. XX века процесса политических и экономических реформ.

* Данная глава публикуется в авторской редакции.

В большинстве стран, затронутых Арабской весной, с крахом авторитарных режимов и падением роли традиционных партий в общественно-политической жизни, остро ощущался политический вакуум. Его заполнили новые, оппозиционные партии и движения, во многом еще не завершившие свое формирование. Это усиливало и без того высокую степень неопределенности в складывающейся внутривнутриполитической ситуации. Обострилась борьба за власть как видимая, так и латентная, но не менее, а зачастую более острая, между новыми политическими акторами. Положение усугубилось в результате активизации в этом процессе старых политических сил, институтов и структур.

В особенности следует подчеркнуть то, что «зачистка» политического ландшафта в Тунисе, Египте, Ливии, да и в других странах привела к почти полному исчезновению креативной конкурентной политической оппозиции, деградации политической жизни, равно как и национального механизма формирования политической элиты, то есть всего того, что необходимо для укоренения демократической тенденции, институтов и структур гражданского общества.

В обстановке острейшего системного кризиса, хаоса и полной непредсказуемости возникло ощущение приближения стран к политическому коллапсу, а отсутствие реальной власти стало знакомым в условиях краха авторитарных режимов. Именно в этой плоскости возник вопрос о роли военных в условиях системного кризиса. Показательно, что когда в Египте обозначились реальные перспективы скатывания к гражданской войне, политические инструменты и рычаги влияния на процессы в обществе оказались крайне ослаблены, только армия смогла сыграть роль арбитра, сумевшего отвести огромную страну от пропасти, эрозии государственности, гражданской войны. Однако отстранение М.Мурси изменило роль армии и ситуацию в целом - политическая жизнь вышла за рамки легитимности и это резко меняет поведение основных акторов на политической сцене страны, оно стало вновь принимать все более угрожающий характер...

Общей чертой для стран региона стало также формирование новейших технологий подготовки массовых протестных выступлений. Оно явилось прямым следствием того, что оппозиция была до предела ослаблена режимами с использованием административного ресурса подавления, если не уничтожена как явление. В резуль-

тате новые технологии, заменили во многом традиционные политические институты и методы борьбы на политическом поле.

Особо следует отметить такую характерную черту Арабской весны: во многом вопрос о модели власти, о смене ее стоял не в плоскости выбора в той или иной стране между левыми, популистскими идеями, правыми, либерально-демократическими и т.д., а между моделями современного или архаичного мироустройства. Обострилась борьба между современным - формированием элементов и структур гражданского общества - и архаикой - полуразвалившимися или перестраивающимися институтами и структурами авторитарной власти, сопротивление которых немалое и даже усиливающееся в отдельных странах, затронутых потрясениями, что в ряде из них привело от массовых протестных выступлений к гражданской войны.

Страновые, локальные факторы и особенности

Они повлияли на произошедшие и происходящие перемены в той или иной стране региона порой не в меньшей степени, чем общие причины и обстоятельства.

В ряде стран, в частности, Ливии и Сирии, политические потрясения переросли в гражданские войны. В Тунисе, Египте и Йемене ситуация подошла близко к наиболее опасному варианту - широкомасштабным гражданским войнам. Однако усилиями внутренних и внешних акторов ее, где с первого захода, как в Египте, или с нескольких заходов, как в Йемене, удалось предотвратить.

В странах, где действовавшие лидеры были вынуждены уйти, гражданские войны удалось избежать, но там, где они цеплялись за власть, последствия были значительно трагичнее, разразились гражданские войны с многочисленными человеческими жертвами и огромными материальными потерями.

В некоторых странах - Марокко, Иордании, Кувейте, Омане протестные движения в силу разных причин «благополучно» угасли и, в общем, не носили угрожающий режиму характер. До известной степени такая оценка справедлива и в отношении Алжира, хотя в этой стране ситуация приближалась к угрожающей.

Особый случай - протестное движение на Бахрейне, где внешний фактор сыграл решающую роль в предотвращении широко-

масштабного гражданского конфликта (войны), массовых репрессий;

В большинстве стран, затронутых политическими потрясениями, исламский спектр политических сил оказался ведущим. Выборы в Египте 2005 г., когда в условиях использования властями административного ресурса исламисты получили 20% голосов, уже тогда показали их немалый вес и влияние в обществе, которые представляются даже намного большими, чем доля мест в парламенте. Арабская весна показала, что «пульсирующий ислам» может вобрать в условиях кризиса и накала протестных настроений широкий спектр умеренных оппозиционных, прежде всего (но не только) представителей умеренного ислама, и позволить им завоевать на выборах различного уровня большинство депутатских мест; низведение прежними режимами обширного исламского спектра оппозиции до уровня внесистемной имело самые негативные последствия, стало, наряду с другими факторами, «спусковым крючком» массового протестного движения;

Среди особенностей необходимо отметить и то, что в отдельных странах, затронутых потрясениями - в Йемене и Бахрейне - конфессиональный или племенной фактор сыграли решающую роль в развитии протестного движения. Причем те или иные внешние силы стремились повлиять на ситуацию.

Перспективы Большой арабской революции

Глубокий кризис, крах авторитарной модели власти, появление и укоренение элементов демократической модели, гражданского общества составляют суть тех изменений, которые начались в государствах Северной Африки.

События последнего года в регионе показали, что процесс перемен в каждой из арабских стран в чем-то идет по общим «лекалам», но в чем-то отличается большим своеобразием. Следует иметь, что страны региона находились и находятся на различных уровнях социально-экономического развития, а сложившиеся в каждой из них модели политического устройства, авторитарные по своей сути, отличались друг от друга многими чертами. Так, в Египте длительное время до Июльской революции 1952 г. существовала многопартийная система, многопартийный парламент – Народное собрание. Ливия не знала ни многопартийности, ни парламентаризма. Алжир в

основном существовал в условиях однопартийного режима, военного правления, до начала 90-х гг. XX века в стране «де-факто» правила армейская верхушка, ключевые решения принимались при согласии высшего руководства силовых ведомств. В Марокко в условиях независимости сформировавшуюся политическую модель власти можно определить как конституционную парламентскую монархию, причем важно отметить – монарх здесь не только «царствует, но и правит», при этом немалую, а в чем-то определяющую роль играет королевский «двор». Показательно, что марокканские власти пошли на некоторое (по мнению части оппозиции, незначительное) урезание полномочий монарха под давлением «улицы». В Тунисе, стране, которую рассматривали как витрину «дустуровского социализма», президентская парламентская республика явно обростала со временем чертами жесткой авторитарной модели власти с чертами абсолютизма, которые, как и в Египте, проявились, в частности, в образовавшейся в последний период тенденции к наследственной передаче власти.

Один из вариантов развития событий в регионе - турецкий, наиболее цивилизованный из всех – приход к власти умеренных происламски настроенных сил. Иранский вариант, или приход к власти мулл и создание теократического государства рассматривается скорее как исключение. Возможен и ливийский вариант, или гражданская война, но он рассматривается как явление временное и географически ограниченное.

Регион БВСА, несомненно, находится «на исторической развилке», и разброс мнений и оценок среди представителей экспертного сообщества относительно ближайшего будущего стран региона велик. Большая арабская революция, ее последствия во многом будут определять вектор развития каждой из стран Северной Африки и Ближнего Востока не только в ближайшей и среднесрочной, но в долгосрочной перспективе. Этот вектор будет складываться из борьбы, главным образом, двух тенденций, хотя и не только их. С одной стороны, тенденции к сохранению реальных властных функций в руках относительно узкой группы, в основном или частично представленной верхушкой силовых ведомств или, как уже выше упоминалось, «двора» (ближайшего окружения лидера, главы государства) при, вероятно, косметических или протодемократических реформах, преобразованиях. Этот вектор эволюции модели поли-

тической власти можно с некоторой степенью условности определить как косметически «правленая», трансформируемая в замедленном темпе авторитарная модель. Во многом, по крайней мере, на первых этапах, она – видоизмененная, более или менее приспособленная под давлением обстоятельств к реалиям, прежняя модель.

С другой стороны, возникла и реально существует, как результат Арабской весны, тенденция к формированию основ, структур и институтов гражданского общества. Специфической особенностью второй возникающей модели будет, возможно на ограниченный исторический период, доминанта исламского спектра политических сил, представляющих в основном умеренный ислам. Но, возможно, возникнут и некие третий и четвертый векторы политического развития, трансформации модели политической власти - условно говоря «ливийский» (с возможным расколом страны), где возникнут несколько центров власти (раскол страны по историческим провинциям, племенному признаку), а также, условно говоря, «египетский» вектор или «египетская модель» - с элементами парламентской демократии и, одновременно, сильной авторитарной президентской ветвью власти, между которыми лишь с ходом истории установится некий «равновесный» баланс.

Перспективы у каждой из моделей, включая пока трудно различаемые промежуточные, переходные варианты, разумеется, разные. Жизнеспособность той или иной модели во многом будут определять результаты экономической и социальной политики. Авторитарная модель, как правило, не способна или, как показали политические потрясения, не обладает достаточным потенциалом обеспечить на длительную перспективу наиболее благоприятные условия национального развития. Но (идеальные или близкие к ним) условия, необходимые для демократического вектора, исторически не сложились в регионе (да и в Африке в целом), хотя в разных странах предпосылки для их формирования имеются и они - различны. Это - мнение многих экспертов, пусть и весьма спорное. Хотя следует признать, что отдельные элементы, институты, структуры демократической модели формируются, как говорится, у нас на глазах... Будет ли этого достаточно для осязаемого прогресса, ожидаемого в социуме той или иной страны ближневосточной

страны? Сложно дать однозначный и при этом убедительный ответ на этот «вопрос вопросов».

Ясно то, что необходимы реформы, реформы последовательные и комплексные (что крайне сложно реализовать, нежели отдельные меры, направленные на решение, смягчение социальных проблем).

Комплексный характер преобразований означает проведение политических, экономических, социальных реформ. Составные политических изменений - конституционная реформа, реформа избирательной системы, достижение реальной независимости всех ветвей власти - представительской (уход от «карманных» и уж тем более - «де-факто» однопартийных парламентов), судебной, исполнительной, независимые СМИ, поддержка реальная, а не косметическая неправительственных организаций (НПО) и других институтов и структур гражданского общества.

Социальные реформы предполагают формирование эффективных, международно признанных механизмов борьбы с тотальной коррупцией, реализацию комплекса мер для смягчения социальных контрастов, сокращения масштабов безработицы, и т.п.

Экономические реформы в основном направлены на формирование относительно устойчивых основ рыночной саморазвивающейся экономики при наполнении социальной ответственности государства. Важное место среди них принадлежит поддержке малого и среднего бизнеса, который единственно способен решить ряд острых социально-экономических проблем и, что особенно важно, стать основой постепенного формирования элементов и структур гражданского общества.

Как известно, «дьявол скрыт в деталях» - скорости, глубине проводимых реформ, методах их осуществления. Здесь у каждой страны может быть только своя собственная «дорожная карта» проведения реформ. В этой связи особенно следует подчеркнуть исключительное значение часто забываемой и совершенно необходимой составной уже проводимых реформ – искусства политики. И здесь уже возникают вопросы отнюдь не праздные – о характере политической культуры «улицы» и политической элиты, о демократической традиции, ее укорененности или отсутствии таковой, о роли «внешнего фактора» в его связи с процессами глобализации и формирования единого информационного пространства и т.д.

Среди страновых особенностей в части политических потрясений и причин, их породивших, – несколько отличная ситуация в Ливии (и Бахрейне), где среднедушевой уровень годового дохода заметно выше, чем в других странах региона, наиболее затронутых событиями конца 2010 – начала 2011 гг. В Ливии в меньшей степени сказались такие факторы, как безработица, уровень жизни, социальные контрасты. Высокий уровень безработицы, который, по некоторым оценкам составлял 30%, и другие социальные неурядицы частично купировались значительными социальными выплатами безработным ливийцам, различными пособиями, в том числе на приобретение жилья, получение образования и т.д. В этой североафриканской стране в большей мере, наряду с влиянием революции в соседнем Тунисе и другими факторами, сказались распри, постоянно тлевший конфликт между суннитским Бенгази (Киренаикой) и Триполи, репрессивный характер режима, стиль политического руководства, вызывавший отторжение среди широких слоев населения и в арабском мире в целом, другие, в том числе и вышестоящие факторы.

Какая из стран региона, где пали режимы, пойдет по одному из вышеназванных вариантов – это особая тема. Вероятны и «смазанные» формы того или иного варианта. К примеру, некий симбиоз иранского и турецкого варианта, что, собственно, имело место в новейшей истории Ирана при аятолле Рафсанджани и президенте Хатами, когда во власть пришли умеренные представители исламского спектра политических сил.

Есть и другие гипотезы относительно возможной модели, истекающие из политтехнологий формирования новой власти. Но это – особая, большая тема, требующая более детального анализа роли страновых характеристик, особенностей новых ветвей власти, баланса между ветвями власти и т.п.

Наконец, нельзя не сказать хотя бы кратко (это – тема отдельной статьи) об экономических итогах Арабской весны. Экономические потери весьма ощутимы. Но они не носят фатального характера. По оценочным данным, общие потери всех стран региона, затронутых Большой арабской революцией, составили около 56 млрд долл. США. Все познается в сравнении. Если обратиться, к примеру, к объему золотовалютных запасов только Алжира и Ливии накануне политических потрясения, то они оценивались примерно в 250-300

млрд долл. США. К этому следует добавить многомиллиардные средства, обнаруженные на счетах семьи полковника Каддафи.

В пользу вышеприведенной оценки говорит и динамика ВВП рассматриваемых стран: в 2011 г. в Алжире и Марокко, где «арабской весны» практически не было, темпы роста ВВП составили, по предварительным оценкам, 4 – 4,5%, в Египте – около 1%, в Тунисе рост был нулевым. По предварительным данным, макроэкономические показатели в 2012 г. были даже несколько лучше, чем в предыдущем году. Иными словами, оценки тех экспертов, которые поспешили объявить об экономической катастрофе в странах, затронутых «арабской весной», оказались неверными, ошибочными. Однако серьезных экономических трудностей в условиях обострения внутривнутриполитических противоречий, не говоря уже о гражданской войне, избежать не удастся - павшие режимы вряд ли такая перспектива волновала вообще, а новые власти получили в наследство то, что получили после десятилетий правления павших режимов. На это указывает как относительно невысокая позитивная динамика основных макроэкономических показателей в 2012 г. в странах, затронутых «арабской весной», так и снижение отдельных из них - в Египте, например, сократились на 4% экспортные доходы).

В наибольшей степени пострадала экономика Ливии, где шла широкомасштабная гражданская война. ВВП страны в 2011 г. сократился на 40 – 45%, экспорт нефти, который служит основным источником развития и финансирования социальных программ, составил 12 млрд долл. США, сократившись по сравнению с 2010 г. более чем втрое – с 41 млрд. Впрочем, в 2012 году вновь резко выросли объемы добычи и экспорта нефти, и, как результат, более чем в 2 раза вырос ВВП.

Ситуация в отдельных странах и в регионе в целом несколько разрядилась под влиянием таких факторов, как уход засидевшихся глав режимов, начало обещанных реформ – избирательной системы, реформы конституционной и т.д. Реформы реально начались, но не везде. Между тем именно выборы, реальные, а не с опорой на административный ресурс, на манипуляции и т.п., не формальные, прозрачные, которые придают власти легитимность, могут вернуть доверие к ней, что является критически важным для разрядки социальной напряженности и предотвращения гражданских войн.

Там, где реформы не начались, сохраняется прежняя вилка возможностей, вариантов. «Улицу» могут удовлетворить только прозрачные выборы, новые политические фигуры, не связанные с прежними, лишившимися власти лидерами. Время манипуляций прошло или подходит к концу, т.к. новое поколение, в том числе и новое поколение политиков, во-первых, более искушены в политике, чем ранее, чтобы различать: выборы сманипулированные или честные, во-вторых, современная политическая жизнь «улицы» проходит в условиях единого глобального информационного пространства, когда прозрачность выборов, имидж политиков легко становятся достоянием Интернет-сообщества, «улицы», когда молниеносно формируется общественное мнение, вызывая мгновенную реакцию. При этом кредит доверия к политическим, государственным институтам находится на пределе, а в ряде аспектов – исчерпан. «Улица» ждет немедленного и убедительного результата. Это, в общем, лейтмотив политической погоды на улице, в обществе.

Глубина и масштабы проблем, которые обнажила Арабская весна, столь масштабны, что ожидать их быстрого решения не приходится. Это усиливает в научном, экспертном сообществе опасения относительно того, что может начаться очередная волна протестных движений с непредсказуемыми последствиями, тем более что во многих странах отсутствуют надежные социально-политические амортизаторы, без которых трудно, а в отдельных из них (где проявления системного кризиса особенно велики) невозможно предотвратить эрозию государственности, «распад социума».

Остается открытым вопрос: способны ли в условиях системного кризиса страны региона, интеллектуальная элита, по сути лишенная влияния на общественное развитие павшими режимами, реализовать эффективные реформы или хотя бы создать основу для доверия между политической властью и широкими слоями общества, которые ждут реальных результатов от давно назревших преобразований. В свете последних событий в Египте (да и не только в этой стране) - отстранения президента М.Мурси от власти и массовых демонстраций до и после этого, данный «вопрос вопросов» актуален как никогда. Лишь успешная реализация (реальная, а не «на бумаге») объявленных реформ, прежде всего конституционной, а

также избирательной системы, в результате чего будут избраны новые, легитимные органы власти, может позволить восстановить доверие масс к власти, легитимизировать последнюю, позитивно повлиять на настроения «улицы» и в более отдаленной перспективе – провести давно назревшие экономические, социальные и политические преобразования.

Ситуацию в регионе, таким образом, можно охарактеризовать, как и в начале Арабской весны, находящуюся «в точке напряженного ожидания».

Библиография

Алешин К.А. 2008. Ближневосточная экономика: цифры и факты // *Азия и Африка сегодня*, №7.

Беленькая М. 2006. Ближний Восток: большая политика «Большой восьмерки» // *Азия и Африка сегодня*, № 6.

Васильев А.М. 2011а. Цунами революций // *Азия и Африка сегодня*, №3.

Васильев А.М. 2011б. Цунами революций не спадает // *Азия и Африка сегодня*, № 6.

Васильев А.М., Петров И.Н. (сост.). 2012. *Рецепты Арабской весны: русская версия*. М.

Васильев А.М., Ткаченко А.А. 2011. Революционные потрясения в Северной Африке // *Россия в полицентричном мире* / Под ред. Дынкина А.А., Ивановой Н.И. М.

Вершинин С.В. 2006. Ближний Восток нуждается в переменах // *НГ-Дипкурьер*, 30.01.2006.

Ливия. 2010. Ливия // *Африка. Энциклопедия*. Т.2. М.

Следзевский И.В., Саватеев А.Д. (ред.). 2012. *Протестные движения в арабских странах* / Отв. ред. Следзевский И.В., Саватеев А.Д. М.

Ткаченко А.А. 2004. Проблемы модернизации арабского мира // *Азия Африка сегодня*, №4.

Ткаченко А.А. 2006. Ближний Восток: судьба реформ // *Азия и Африка сегодня*, №6.

CIA. 2012. *The World Factbook*. Washington, DC: CIA. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2129rank.html>.

Report on the Initiatives Undertaken in the Framework of the Democracy. 2005. Second Meeting of the Forum for the Future. Bahrain, 11–12.11.2005. P. 43–47;

World Bank. 2009. *World Development Indicators Online*. Washington DC: World Bank, Electronic version. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/>.

Инструменты протестной активности в арабских странах: традиционные СМИ vs новые медиа¹

В ходе антирежимных выступлений в арабском мире, начавшихся в 2011 г., активно использовались новейшие средства коммуникации – новые медиа, ставшие своего рода механизмом мобилизации протестной активности и выражения революционных настроений. Тем не менее, роль традиционных средств массовой информации – печатной прессы, радио, телевидения и т.д. – также представляется важной и весьма неоднозначной, особенно в контексте международного освещения происходивших в арабских странах событий.

В последние десятилетия XX века в мире в целом, а затем и в арабских странах произошли революционные трансформации в коммуникационных и информационных технологиях. Возникла т.н. «новая волна» средств массовой информации (СМИ), представленная прежде всего спутниковыми телеканалами, онлайн-газетами и журналами, также новостными сайтами в Интернете, влияние которых вышло за пределы отдельных государств. Таким образом, эпоха локальных TV, радио и газет, находящихся в ведении государства и используемых для выстраивания национальной политики, а также период монополии западных СМИ на распространение новостных источников остались в прошлом, и арабские средства массовой информации вышли на мировую арену (The Emirates center for strategic studies and research 2006: 3-4). Они стали одним из ключевых факторов, оказывающих влияние на международные отношения: так, посредством создания уникальных новостных спутниковых телеканалов (в особенности таких, как аль-Джазира) СМИ арабских стран оказались в состоянии влиять на региональную и даже международную политику.

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 году.

Тем не менее, по мере постепенного интегрирования Интернет-технологий (и, в первую очередь, социальных медиа, характеризующихся формированием контента сайтами самими пользователями) в политическую сферу, стала проявляться их особенная значимость. Как показали события «арабской весны», с помощью социальных медиа стало возможным канализировать общественное мнение и проводить достаточно эффективные акции, результатом которых стало кардинальное изменение политической ситуации в некоторых государствах. Нынешнее поколение арабской молодежи не только прекрасно владеет новейшими электронными средствами коммуникации, но и в состоянии эффективно использовать их для мобилизации и подготовки антиправительственных выступлений. Протестная модель, выработанная в ходе событий 2011–2012 гг. в странах Ближнего Востока и Северной Африки (одним из основных инструментов которой стали новейшие информационные технологии), оказалась вполне плодотворной и послужила примером для протестующих в других регионах мира.

Роль нового поколения средств массовой информации в случае с волной антиправительственных выступлений в арабском мире сложно переоценить. По мнению Андреаса Юнгера, научного работника Бамбергского университета в Германии, принципиальная новизна инструмента, использованного оппозицией в ходе «арабской весны», состоит в создании возможностей самим протестующим контролировать отбор фактов и новостей. И это позволяло им конкурировать с традиционными СМИ, часто фильтрующими подобно рода новости и преподносящими их со своей точки зрения (Нетесова 2011).

Стоит сразу оговориться, что под традиционными (или «старыми») медиа в данном случае понимается совокупность средств коммуникации и распространения информации, которые существовали до возникновения и активного распространения Интернета. К традиционным медиа, как правило, относят телевидение, радио, кино- и музыкальную индустрию, газеты, журналы и другие печатные издания. Следует, однако, иметь в виду, что с появлением и распространением Интернет-технологий новостные ресурсы переместились в Сеть. Основным отличием от новых медиа в данном случае выступает «централизованное» возникновение информационных потоков, в рамках которых пользователи не имеют возмож-

ности влиять на предлагаемый новостной контент. Новые же (социальные) медиа представляют собой определенный спектр технологий, обеспечивающий пользователям различные возможности взаимного общения, в частности, отправку сообщений, распространение контактных данных, обмен информацией (в том числе фото- и видеоматериалами), характерными чертами которой являются прежде всего оперативность, отсутствие пространственных и временных ограничений, а также доступность информации (см.: Kaplan, Haenlein 2010: 59-68). Как правило, с такими сервисами как блоги или социальные сети ассоциируется методика проектирования систем, ориентированная на привлечение как можно большего числа пользователей и получившая название Web 2.0.² Интернет способен объединять и комбинировать различные аспекты других средств массовой коммуникации (например, визуальные, звуковые, печатные или видео), и скорость распространения информации в данном случае значительно превышает традиционные формы обмена данными. В то же время, являясь частью СМИ, Интернет обладает присущим им универсализмом тематики и жанрового разнообразия информации.

Использование такого ресурса, как, например, Facebook, в арабском регионе всего лишь в период с января по апрель 2011 г. значительно увеличилось, иногда более чем в два раза. В частности, в Тунисе наблюдался 17-процентный рост числа пользователей в сравнении с 10% в 2010 г. (Huang 2011). Помимо передачи информации о масштабе прошедших демонстраций, социальные медиа также помогали пользователям рассчитывать место и время проведения предстоящих протестных акций. Практически сразу после начала выступлений Интернет-активисты стали использовать сетевые ресурсы для организации акций протеста. К примеру, одна из функций ресурса Facebook – возможность создавать он-лайн меро-

² Определение термина «Web 2.0» было дано в сентябре 2005 г. сторонником движений за свободное программное обеспечение Тимом О'Рейли и описывало его как методику проектирования систем, которые посредством учета сетевых взаимодействий наполняются информацией в зависимости от количества пользователей. Web 2.0 представляет собой не определенную технологию, а скорее комплексный подход к организации сетевых ресурсов, включающий в себя такие компоненты, как, например, возможность использования пользовательской критики, меток (тегов), RSS-технологий и т.п.

приятие, к которому могут присоединиться все желающие, – показало свою эффективность как средство подготовки выступлений.

Facebook и другие социальные площадки сыграли важную роль и в установлении диалога не только между различными социальными и профессиональными группами, но также и религиозно-политическими организациями, поскольку все они так или иначе признавали значительное влияние информационных технологий в свержении действовавшего в стране режима (International crisis group 2011). Помимо всего прочего, Интернет-технологии во многом способствовали преодолению барьеров цензуры, установленным правительством и службами безопасности (это относится как к цензуре традиционных СМИ, так и электронных, механизмы контроля которых обходились посредством использования прокси-серверов, программ-анонимайзеров и т.д.).

Сервис YouTube и другие сайты обмена видеоматериалами также использовались демонстрантами в качестве средств получения информации о готовящихся антиправительственных акциях и митингах. Новые медиа стали не только привычным инструментом организации манифестаций, но также и наиболее достоверным, с точки зрения населения, источником информации по сравнению с государственными средствами массовой информации: пользователи делились друг с другом фотографиями и информацией о последних событиях в стране (Beaumont 2011).

Очевидно, что дела с традиционными средствами массовой информации – телевидением, радио, печатными изданиями – применительно к событиям «арабской весны», обстоят несколько иначе. Жак Шармело, писатель и редактор агентства «Франс-пресс», являющийся экспертом по проблемам стран Ближнего Востока, признавая определенное влияние таких масс-медиа нового типа, как Facebook или Twitter, однако, полагает, что решающая роль принадлежала другим форматам СМИ: «Если социальные сети мобилизовали людей на протестные действия и выход на улицы, то настоящими “структурами”, которые “двигали” эти революции, стали именно спутниковые электронные СМИ» (Цит. по: Макарычев 2011).

Достоверность и непредвзятость информации стала одной из серьезных проблем в поле противостояния традиционных и новых СМИ. Печатная пресса, телевидение и радио зачастую транслиро-

вали искаженную картину происходящего в силу различных причин, прежде всего политического характера. Наверняка у многих до сих пор свежи в памяти крайне субъективные, а порой и вовсе сфабрикованные репортажи о событиях в Ливии, транслируемые большинством западных СМИ, а также такими телеканалами как аль-Джазира и аль-Арабийя. Примечательно, что после обращения генерального секретаря Лиги арабских государств Амр Мусы в Совет Безопасности ООН и последующего принятия Резолюции №1973 17 марта 2011 г. о создании в небе над Ливией бесполетной зону, открывшей возможность военно-воздушным силам НАТО осуществлять бомбардировки с воздуха (Исаев 2012: 268), судьбы мирных жителей и дальнейшие события в бывшей Джамахирии перестали освещаться практически полностью.

Разумеется, среди различных средств массовой информации, освещавших события в арабском мире в 2011 г., можно выделить и те, которые обеспечивали непредвзятый анализ ситуации на международном уровне – в частности, к этой категории могут быть отнесены работы журналистов таких египетских газет как, например, аль-Ахрам, аль-Масри аль-Йаум, аль-Джумхурийа, аль-Хайат и т. д., которые, по нашему мнению, отличались наименьшим уровнем пропагандистской направленности³. Что касается региональных изданий, то во многих случаях они оказывались подверженными влиянию настроений толпы и соответствующей пропаганды. В этих условиях социальные СМИ в какой-то степени способствовали преодолению информационной односторонности политизированных СМИ и тем самым привлекали к протестным движениям обостренное внимание.

Использование новых медиа в ходе протестных акций в странах «арабской весны»

В 2004 г. в Тунисе появился коллективный блог движения «*Наваат*», который стал публичной площадкой для тунисских диссидентов, а также для публикации информации о коррупции в стране и случаях нарушений прав человека. Причем использова-

³ Выбор указанных изданий обуславливается, в частности, и тем, что к ним в качестве достоверных источников эмпирических и аналитических данных по соответствующей проблематике обращаются многие отечественные и зарубежные исследователи.

лись как отснятые активистами материалы, так и источники других ресурсов, что в скором времени сделало быстрое распространение сообщений своего рода визитной карточкой группы.

Активисты движения «Наваат» в числе других принимали участие в освещении протестов в декабре 2010 г., причем киберактивисты нередко выполняли роль посредников для традиционных средств массовой информации, поскольку журналисты активно использовали посты блоггеров (Lotan, Graeff et al 2011: 1375-1405). Эффективным инструментом распространения информации стало использование так называемых хэштэгов – тематических меток, содержащих слово или фразу, о которой идет речь в записи. Так, к примеру, фраза «*Сиди Бузид*» (родной город Мухаммеда Буазизи – продавца, совершившего акт самоожжения в середине декабря 2010 г.) широко применялась для маркировки сообщений и стала своего рода лозунгом восстания.

В «жасминовой революции» 2011 г. принципиальное значение имел следующий формат использования социальных СМИ: в первые дни выступлений через Интернет начали распространяться аудиозаписи, наиболее популярной из которой стал гимн, записанный тунисским рэп-исполнителем Хамадом Бен Амром, также известным как «*El General*» (Al-Sharq al-Awsat 2011). Избрание рэп-композиции в качестве символа молодежного оппозиционного движения стало особенно актуальным после запрета Бен Али на доступ к такого рода музыке. Кроме того, гимн до начала выступлений циркулировал только в пространстве социальных сетей и был неизвестен широкой публике и, главное, представителям спецслужб. Очевидно, что выбор протестующими именно этого музыкального жанра был неслучаен, поскольку рэп традиционно ассоциируется с критикой доминирующей в обществе идеологии и социального устройства (Черных 2007: 162-163). В результате социальные медиа посредством распространения рэп-композиций стали довольно эффективным инструментом проблематизации сложившейся в стране ситуации и мобилизации населения для активных действий.

В революционных процессах 2011 г. в Египте особую роль сыграл другой формат – блоггерская активность: начало выступлений принято ассоциировать с деятельностью студента по имени Камаль, который случайно упал с поезда на платформу, после чего к

нему подошли полицейские, но вместо оказания помощи жестокого избили его. После этого случая Камаль в знак протеста против действующего режима стал вести блог, который быстро завоевал популярность среди египтян и был распространен на другие онлайн-сообщества. Поворотным моментом в аккумуляции недовольства стало убийство двумя офицерами жителя Александрии Халеда Саида в 2010 г. Ваэль Гоним, старший менеджер по маркетингу компании «Google» на Ближнем Востоке, за несколько месяцев до начала выступлений создал на Facebook страницу под названием «Все мы Халеды Саиды», собиравшую вокруг себя активистов молодежных движений (DeLong-Bas 2012). Таким образом, Камаль и Гоним стали сперва «электронным» лицом революции, а впоследствии и вполне реальным – после делегирования их тысячами пользователей социальных сетей выступить на площади Тахрир. Тем не менее, деятельность представителя компании «Google» на Ближнем Востоке носила сугубо индивидуальный характер и не дает оснований считать, что руководство этой транснациональной корпорации пыталось таким образом влиять на ход революционных действий или направлять их в какое-либо русло.

В 2008 г. в социальной сети Facebook молодежным активистом Ахмедом Махером была создана группа «Движение 6 апреля» в поддержку рабочих в городе аль-Махалла аль-Кубра. Объединив в своих рядах блоггеров, журналистов и других представителей образованной молодежи, группа стала площадкой для обсуждения ситуации в стране, а также механизмом организации митингов, забастовок и оповещения СМИ о деятельности движения. Примечательно, что большинство участников до появления соответствующей группы не были политически активными. Члены движения устраивали митинги, в ходе которых выдвигались требования освобождения заключенных журналистов и пр., при этом подчеркивалось, что «Движение 6 апреля» не является политической партией. Несмотря на то, что первые попытки распространения кибер-активизма и его перенесения в реальную жизнь, как правило, подавлялись силами государственной безопасности, опыт и знания, приобретенные на этих ранних этапах широкого использования социальных медиа, сыграли важную роль в подготовке и проведении антирежимных выступлений 2011 г.

В период антиправительственных выступлений в Сирии на сознание жителей страны существенное влияние оказали СМИ и социальные сети, транслировавшие фото- и видеоматериалы народных выступлений с лозунгами, заимствованными в Тунисе или Египте – в частности, «Народ хочет свержения режима» (*аш-шааб йурид искат ан-низам*). Накануне начала протестных выступлений (26 января 2011 г.) в социальной сети Facebook возникла группа под названием «Сирийская революция - 2011» (*ас-саура ас-сурийа - 2011*), к которой присоединились свыше 25 тыс. пользователей (см.: Исаев, Шишкина 2012б). Здесь, а также отчасти в Ливии наиболее активно, по сравнению с другими странами «арабской весны», стали развиваться гражданский активизм и Интернет-журналистика, которые в ходе затяжного сирийского конфликта фактически слились воедино. Так, обычные жители страны, вовлеченные в те или иные события на территории страны, документально фиксировали материалы о происходящем и по возможности распространяли их. Ввиду ограниченности или несоответствия действительности сообщений зарубежных СМИ такого рода деятельность стала играть роль едва ли не единственного новостного источника.

Учитывая тот факт, что в бывшей Джамахирии (и в еще большей степени – в монархических государствах арабомусульманского мира) доступ к достоверным новостным источникам существенно ограничивался режимом Муаммара Каддафи на протяжении десятилетий (первые сведения о пользователях Интернета в Ливии датируются 1999 г.), со временем ливийцы нашли альтернативный вариант заполнения информационной лакуны сперва посредством звонков друг другу на мобильные телефоны, а затем с помощью такого сервиса, как, например, Twitter (El Rishani 2013). Во время столкновений с силами Каддафи в начале 2011 г. данный сервис микроблогов полноправно заявил о себе в качестве основного и наиболее быстрого ресурса обмена информацией. Среди основных информационных потоков в Twitter, обеспечивавших быстрый обзор происходивших событий, можно выделить, к примеру, следующие: «*Libyan 4 life*», «*Live 2 Tripoli*», «*1 Libya*» и др.

В Бахрейне онлайн-сообщество можно характеризовать как небольшое, но динамично развивающееся, в котором присутствуют общественные форумы и анонимные блоги, дающие возможность обсуждать темы, не попадающие в поле зрения традиционных

средств массовой информации. Среди пользователей социальных сетей преобладала молодежь в возрасте от 18 до 34 лет, причем в основном это были мужчины. В соответствии с рейтингами и отчетами международных правозащитных организаций, страна отличается и самой высокой степенью цензурирования виртуального пространства в политической и социальной сферах. Тем не менее, как показали события «арабской весны», в Бахрейне развитая информационная система общества создала достаточный задел компьютерной грамотности населения, который позволил пользователям достаточно эффективно обходить ограничения связи при помощи, например, прокси-серверов (Bahrain center for human rights 2008).

Наконец, Йемен, на ситуацию в котором также оказали влияние антиправительственные выступления в арабском мире 2011 г. Средства массовой информации этой страны в большинстве своем находились под жестким контролем со стороны министерства информации. Это отчасти подтверждает, к примеру, создание Государственной корпорации по делам радио и телевидения после объединения Йемена в 1990 г. (Абу-Талеп 2010: 213). Личному контролю со стороны президента страны Али Абдаллы Салеха и его старшего сына Ахмеда подвергались и мобильные сети. Вполне логично, что с началом антиправительственных выступлений правительство предпринимало попытки отключить мобильную связь и, соответственно, ограничить доступ к Интернету. Однако эти меры не коснулись одной из трех функционировавших в Йемене сетей – «*Sabafon*», находившейся в ведении Садика аль-Ахмара, главы одной из самой влиятельной племенной конфедерации – Хашид (подробнее см.: Исаев, Шишкина 2012б).

Йемен является одной из наиболее бедных стран арабского региона, тем более поражает уровень мобилизации молодежи, их технической грамотности и владения информационными технологиями. В столице Йемена – Сане – студенты решительно включились в оппозиционную деятельность: так, они отказались снять оккупацию целого квартала неподалеку от университета Саны даже после президентских выборов в феврале 2013 г., требуя удовлетворения их запросов в полной мере, и продолжали регулярно устраивать демонстрации, марши и акции протеста. Что касается технической и информационной базы протестующей молодежи, то их палаточный лагерь был оборудован всем необходимым – в частности,

в палатки (нередко построенные из кирпича) были проведены электричество и Интернет, спутниковое телевидение, был даже сформирован собственный информационный и пресс-центр (см.: Исаев, Шишкина 2012б).

Распространение Интернет-технологий в арабском мире обеспечило значительные преимущества для пользователей, позволив им преодолеть монополию традиционных элит на доступ к информации, открыв возможность выражать собственное мнение, что способствовало формированию плюралистичного киберпространства. Для государств с традиционно высокой степенью контроля средств массовой информации появление неподконтрольной (хотя бы частично) властям области имело огромное значение. Кроме того, преимуществами информационных технологий и, в частности, социальных сетей, являются их неформальность и доступность любых ресурсов, а также возможность мгновенного обмена данными, что, по мнению некоторых исследователей, способствует установлению общественного диалога и развитию демократической дискуссии (Gibson 2002: 189).

Пожалуй, наиболее значимой характеристикой использования социальных медиа в антиправительственных выступлениях 2011-2012 гг. стало то, что они повлияли в первую очередь на динамику социальной мобилизации. В отличие от традиционных средств массовой коммуникации, располагающих такими механизмами мобилизации, как распространение листовок, плакатов и пр., новые медиа предоставляют возможности скоростного и интерактивного взаимодействия. Группы и сообщества в Интернете использовались в качестве площадок для обмена информацией группами активистов. Что касается традиционных средств массовой коммуникации, можно предположить, что их влияние в значительной степени проявилось на межстрановом уровне, провоцируя, впрочем, неоднозначную реакцию мирового сообщества на транслируемые ими материалы.

Стоит отметить, что социальные сети использовались в целях обмена фото- и видеоматериалами революционных событий, прежде всего тунисских, а также информацией о жертвах насилия со стороны правительств и сил безопасности, распространения ста-

тусных сообщений и мобилизации молодых людей обоего пола, к участию в активных действиях на улицах городов. В Twitter'е и Facebook'е генерировались и распространялись материалы о формах, способах и тактиках противостояния полиции – фактически, информация исключительно технического характера. Примечательно, что в социальных сетях практически не наблюдалось дискуссии по таким вопросам, как, например, содержание лозунгов, выдвижение национальных лидеров, формирование стратегии дальнейших действий или модели будущего развития общества.

Необходимо констатировать, что, несмотря на значительную роль социальных медиа в мобилизации общества, обсуждении и подготовке акций протеста, они не только не явились первопричиной начала выступлений, но и не стали единственной движущей силой протестной активности. Особенно ярко это проявилось, пожалуй, во время массовых отключений Интернета и ограничения мобильной связи, которые лишь укрепили стремление арабов выйти на улицы и присоединиться к демонстрациям (см., напр.: Исаев, Шишкина 2012a). К этому времени сетевые площадки коммуникации для них, по большому счету, были уже не важны (Beaumont 2011), поскольку для координации дальнейших действий легко заменялись своими «аналоговыми» эквивалентами в виде плакатов, граффити или листовок с указанием времени и места сбора и т.д. (Alexander 2011). Другими словами, революционный настрой в рассматриваемых странах был подогреваем за счет Интернета, но в конечном счете не стал полностью от него зависим.

Библиография

Абу-Галеб Х. 2010. Йеменские теоретики о развитии национальной журналистики на современном этапе // *Вестник ВГУ*, №2.

Исаев Л.М. 2012. Лига арабских государств – фактор снижения рисков нестабильности в регионе? // *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 г.* / Ред. А.В. Коротаев, Ю.В. Зинькина, А.С. Ходунов. М.

Исаев Л.М., Шишкина А.Р. 2012a. *Египетская смута XXI века*. М.

Исаев Л.М., Шишкина А.Р. 2012б. *Сирия и Йемен: неоконченные революции*. М.

Макарьчев М. 2011. Проблема в неравенстве // *Российская газета*. 18.05.2011. URL: <http://www.rg.ru/2011/05/18/dubai-site.html>.

Нетесова Ю. 2011. Египет показал: цензура в Интернете бесполезна // *Росбалт*. 08.02.2011. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2011/02/08/817332.html>.

Черных А.И. 2007. *Мир современных медиа.* М.

Alexander A. 2011. Internet role in Egypt's protests // *BBC News*. 09.02.2011. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-middle-east-12400319>.

Al-Sharq al-Awsat. 2011. Tunisia's Revolution Rap Hits the Big Stage // *Al-Sharq al-Awsat*, 29.01.2011. URL: <http://www.aawsat.net/2011/01/article55247736>.

Bahrain center for human rights 2008. Internet censorship denies citizens access to popular public forums, news, alternative information, says BCHR // *Bahrain Center for Human Rights*, 03.01.2008. URL: <http://www.bahrainrights.org>.

Beaumont P. 2011. The truth about Twitter, Facebook and the uprisings in the Arab World // *The Guardian*. 25.02.2011. URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2011/feb/25/twitter-facebookuprisings-arab-libya?INTCMP=ILCNETTXX3487>.

DeLong-Bas N.J. 2012. The new social media and the Arab Spring // *Oxford Islamic studies online*. URL: http://www.oxfordislamicstudies.com/Public/focus/essay0611_social_media.html.

El Richani S. 2013. Blogging in Libya: «The Internet will safeguard the revolution's ideals» // *Reinventing the public sphere in Libya*. URL: <http://www.reinventinglibya.org/bloggng.php>.

Gibson J.L. 2002. Social Networks, Civil Society, and the Prospects for Consolidating Russia's Democratic Transition // *The Political research experience: readings and analysis*. New York: M. E. Sharp Inc. P. 189.

Huang C. 2011. Facebook and Twitter key to Arab Spring uprisings: report // *The National*. 06.06.2011. URL: <http://www.thenational.ae/news/uae-news/facebook-and-twitter-key-to-arab-spring-uprisings-report>.

International crisis group 2011. International Crisis Group interview, Nourredine al-Beheiri, An-Nahda organizer // *International Crisis Group*. Tunis.

Kaplan A., Haenlein M. 2010. Users of the world, unite! The challenges and opportunities of social media // *Business horizons*, №53.

Lotan G, Graeff E. et al. 2011. The revolutions were tweeted: information flows during the 2011 Tunisian and Egyptian revolutions // *International journal of communications*, №5.

The Emirates center for strategic studies and research. 2006. Arab Media in the Information Age. The Emirates Center for Strategic Studies and Research. Abu-Dhabi.

Раздел II

РОЛЬ ИСЛАМСКОГО ФАКТОРА В АРАБСКОМ КРИЗИСЕ

Развитие «арабской весны» и радикальный исламизм

Бурные социально-политические процессы, начавшиеся в 2010-2011 гг. в арабском мире и получившие поэтическое название «Арабская весна», находятся в постоянной динамике. Поэтому настоящий их этап можно определить, как переходный. Он характеризуется разрушением старых властных структур, демократизацией общественно-политической жизни и, в то же время выдвиганием на ее авансцену как вооруженных сил – основы авторитаризма, так и движений политического ислама, в том числе течений радикального исламизма. Наиболее известными и влиятельными среди них являются салафизм и такфиризм. Долгое время находившиеся на нелегальном положении и зачастую ведущие вооруженную борьбу против правящего режима и осуществлявшие террористические акции, эти течения в настоящее время активно включаются в общественно-политическую жизнь. Они создают политические партии, ведут пропагандистские кампании и выдвигают свои политические программы, объявляющие «исламский путь» развития как безальтернативный и единственно возможный для мусульманского общества. В то же время в процессах Арабской весны отчетливо просматриваются два различных типа социально-политических изменений. Первый происходит в результате действия, в основном, внутренних факторов. Его примером являются Тунис и Египет. Второй характеризуется прямым вмешательством внешних сил и попыткой использования ими недовольства и протеста определенных социальных групп для до-

стижения своих политических целей. Такого рода развитие событий произошло в Ливии и происходит в Сирии.

В Тунисе партия умеренных исламистов «ан-Нахда», завоевавшая в октябре 2011 г. на первых после свержения режима Бен Али выборах в Конституционную ассамблею наибольшее число депутатских мест – 89 (из общего числа 217), сформировала правящую коалицию, так называемую «тройку». В нее, наряду с «ан-Нахдой», руководимой Рашидом аль-Ганнуши, видным исламистским идеологом, вошла партия «Конгресс за республику» (КЗР), занявшая второе место на выборах (29 депутатских мест) и возглавляемая Монсефом Марзуки, сторонником лево-демократических взглядов. Третьей политической силой, вошедшей в коалицию стала также провозглашающая светские и демократические принципы партия «Демократический форум за труд и свободы» (или «ат-Такаттуль»). Она заняла, соответственно, третье место по количеству полученных в парламенте мандатов (26 мест). Коалицией были сформированы временные органы исполнительной и законодательной власти. Премьер-министром, который обладает реальной властью и является де-факто руководителем страны, стал Хамад Джебали (представитель «ан-Нахды»), президентом (исполняющим в основном представительские функции) – М. Марзуки, а пост спикера временного парламента – Национальной конституционной ассамблеи – занял Мустафа Бен Джафар, председатель партии «ат-Такаттуль».

В то же время в правящей коалиции нарастают внутренние противоречия. Их проявлением стала критика курса премьер-министра на съезде президентской партии КЗР. Основные претензии относились к экономическому курсу, проводимому партией «ан-Нахда». Участники коалиции расходятся также в определении внешнеполитического курса, который мог бы стимулировать будущее экономическое развитие страны. Президент М. Марзуки является сторонником ориентации на традиционных партнеров Туниса, прежде всего Евросоюз. Премьер-министр, в свою очередь, предлагает диверсифицировать внешнюю политику и сделать упор на суннитские монархии Персидского Залива.

Одним из важных пунктов разногласий является отношение к салафитам, которые в последнее время усиливают свое влияние в стране. Ими создаются свои военизированные отряды, зафиксиро-

ваны случаи нападений салафитских групп на государственные учреждения, а также бары и отели в курортных городах и столкновения с представителями светских и левых организаций. В столице Туниса летом 2012 г. проходили манифестации сторонников салафитов с требованиями введения законов шариата. Причем эти демонстрации приветствовал на сайтах аль-Каиды ее лидер Айман аз-Завахири и призывал создать в Тунисе «подлинно исламское государство».

Происходящая в Тунисе исламизация вызывает раскол в обществе. По поводу политики в отношении салафитов КЗР и «ан-Нахда» занимают различные позиции. КЗР является сторонником принятия мер по противодействию экстремистской деятельности салафитов, в то время, как «ан-Нахда» выступает за интеграцию салафитов в органы управления и выполнение ряда их требований.

В то же время главным для Туниса представляется нерешенность социально-экономических проблем, а именно, высокого уровня безработицы, несбалансированности регионального развития, общее ухудшение экономической ситуации и обострение криминальной обстановки. Часть общества выражает несогласие с проводящейся исламизацией общественно-политической жизни и намечающегося отказа от результатов секуляристских реформ, достигнутых, прежде всего, в период правления Хабиба Бургибы.

Серьезно дестабилизировал внутреннюю ситуацию в Тунисе террористический акт в феврале 2013 г., в результате которого был убит один из лидеров «Народного фронта», генеральный секретарь партии «Движение патриотов-демократов» Шукри Белаид. Он резко выступал против исламизации Туниса и действий правящего исламистского руководства, что, в свою очередь, вызывало критические выпады в его адрес. В ответ на убийство Ш. Белаида многие партии лево-демократической оппозиции и профсоюзы организовали массовые демонстрации протеста и осуждения политического террора, в котором они обвиняли отряды исламистской милиции, «инициировавшей столкновения и нападения на штаб-квартиры оппозиционных партий» (Mejliss 2013). М. Марзуки в своих выступлениях в ходе визита во Францию в феврале 2013 г., резко осудил политическое убийство Ш.Белаида. Тем не менее, он заявил, что «не корректно называть "исламистами" как мятежников в Мали, так и движение "ан-Нахда", которое является частью тунисско-

го общества».

В развитии социально-политических процессов в Тунисе, вызванных «Жасминовой» революцией 2011 г., в настоящее время наблюдается, с одной стороны, усиление радикальных исламистских течений, сопровождающееся актами политического террора, и, с другой стороны, раскол в тунисском обществе на тех, кто поддерживает «исламский проект» и тех, кто предпочитает светский путь развития. Президент М. Марзуки выступает за союз с исламистами, прежде всего с «ан-Нахдой» (Marzouki 2013: 91).

В свою очередь часть либерально-демократической интеллигенции настроена резко оппозиционно к реализации «исламского проекта». Так, например, известный общественно-политический деятель Туниса Лотфи Мактуф в своей книге «Спасти Тунис» обвиняет исламистов в «конфискации» тунисской революции и стремлении установить в стране свое доминирование (Maktouf 2013: 192). Такая ситуация, усугубленная внутренним кризисом в руководящих органах «тройки», провоцирует дестабилизацию и социально-политическую напряженность в стране.

В Ливии в середине февраля 2011 г. начались протестные демонстрации против 42-х летнего правления Муамара Каддафи. В отношении Ливии можно выделить комплекс факторов, приведших к гражданскому конфликту. А именно, недовольство части населения узурпировавшей власть семьей Каддафи и приближенных к ней кланов, межплеменное и межклановое противоборство, связанное с распределением нефтедолларовых финансовых потоков, а также действия исламистских группировок против режима Каддафи. В этой связи необходимо отметить, что структура ливийского общества в достаточной степени представлена конгломератом племен, кланов, в которых существенную роль играют суфийские ордена, в частности орден сенуситов. Влияние этого ордена больше всего было распространено на востоке Ливии в Киренаике, откуда родом был, являвшийся сенуситом, король Идрис I, которого свергнул М.Каддафи в 1969 г. Поэтому появление у повстанцев, выступивших против Каддафи, государственных флагов Ливии времен короля Идриса I нельзя считать случайностью. В свою очередь, радикальные исламистские группировки пытались осуществлять террористические акты на территории Ливии. Речь идет, прежде всего, о «Ливийской исламской боевой группе», действовавшей в Ливии с

1990-е гг. Наряду с этим на территорию Ливии проникали боевики из действующей в Алжире группировки «Аль-Каида исламского Магриба» (АКИМ).

Протестные манифестации против режима Каддафи вскоре переросли в вооруженное восстание, активно поддержанное ударами ВВС и морской блокадой со сторон НАТО. Затем в свержении Каддафи принимали непосредственное участие спецподразделения НАТО, а также некоторых арабских стран. Причем в рядах ливийских «повстанцев» находилось большое число наемников из арабских стран, мусульманской диаспоры из Европы и Афганистана. После двухмесячной осады в октябре 2011 г. повстанцами был взят г. Сирт, последний оплот сторонников Каддафи. В его окрестностях была обстреляна натовскими ВВС колонна автомашин, в которой находился Каддафи и часть членов его руководства, которые затем, как сообщали большинство СМИ, были убиты атаковавшими их повстанцами¹. Члены семьи Каддафи, в свою очередь, подали иск в Международный уголовный суд на НАТО, обвиняя альянс в убийстве М. Каддафи, которое они квалифицировали как «преступление против человечности». Однако расследование по данному делу прошло безуспешно, а попросту было замято.

В настоящее время новый режим в Ливии не в состоянии полностью контролировать ситуацию в стране. Власть на местах фактически принадлежит местным кланово-племенным структурам, имеющим свои вооруженные формирования. Причем, большинство их представлены воевавшими против Каддафи «повстанцами», многие из которых исповедует радикальный исламизм. На территории Ливии радикальные исламисты действуют достаточно открыто, вербуя новых боевиков и используя оружие, как захваченное со складов бывшей ливийской армии, так и поставленное НАТО во время борьбы с режимом Каддафи. Примером таких действий стали участвовавшие теракты в Ливии. Так, в начале лета 2012 г. был совершен теракт против кортежа английского консула, в ав-

¹ Существуют и другие версии гибели М. Каддафи. Так, Махмуд Джибриль, председатель движения «Коалиция национальных сил», на пресс-конференции в Москве 28 февраля 2013 г. заявил, что Каддафи активно сотрудничал со странами Запада по линии спецслужб. Поэтому в его гибели были заинтересованы иностранные силы с тем, чтобы все секреты, которые знал Каддафи, умерли вместе с ним.

густе – теракт против первого секретаря посольства Египта и двойной теракт в Триполи против штаб-квартиры МВД и полицейской академии, а также убийства военных, ранее служивших в армии Каддафи.

Антиамериканские манифестации 11-12 сентября 2012 г. против провокационного антиисламского фильма «Невинность мусульман», вспыхнувшие в г. Бенгази, оплоте «антикаддафийских революционеров», завершились нападением на американское консульство, где были убиты четверо американских граждан, в т.ч. посол США. Пострадали также более десяти ливийских военнослужащих, охранявших американскую дипмиссию. Нападение сопровождалось перестрелкой, причем нападавшие использовали гранатометы, в результате чего здание получило значительные повреждения. Глава ливийского парламента Мухаммед Магариф принес извинения США за произошедший инцидент. Участниками нападения, по сообщениям различных СМИ, были боевики из исламистских группировок «Борцы за шариат» и «Солдаты 17 февраля», т.е. бывшие «повстанцы», воевавшие против Каддафи. Однако представитель ливийского руководства сразу после инцидента возложил ответственность за случившееся на сторонников Каддафи. В свою очередь один из членов ливийского Верховного комитета по безопасности Абд аль-Муним аль-Хурр связал антиамериканскую акцию с появлением вышеназванного фильма. В то же время, согласно информации центра мониторинга исламистских сайтов в США, убийство американского посла стало меккой за уничтожение в июне 2012 г. в Йемене Абу Яхьи аль-Либи, одного из руководителей аль-Каиды, ливийца по происхождению. Причем аль-Либи являлся активным участником свержения режима Каддафи в Ливии в 2011 г. Тогда его боевики получали массированную поддержку стран НАТО и, соответственно, США. Однако затем он возглавил действия группировок аль-Каиды против нового режима в Йемене, поддерживаемого США, и, соответственно, был уничтожен в результате рейда американских беспилотников. Его гибель подтвердил Айман аз-Завахири, назвав аль-Либи «ливийским львом».

Тем не менее, в Ливии в июле 2012 г. состоялись выборы во Всеобщий национальный конгресс (ВНК), первые со времен короля Идриса I. В выборах участвовали около 60% ливийских избирателей из 2,7 миллиона граждан страны, имеющих право голоса. В ав-

густе 2012 г. НПС передал полномочия ВНК. В его состав вошли 200 депутатов, из них по партийным спискам – 80 в то время, как остальные места заняли, так называемые, независимые депутаты, которые являются представителями различных местных кланово-племенных структур.

Победу одержала «Коалиция национальных сил» (КНС) (39 мест) во главе с Махмудом Джбрилем, который занимал пост премьер-министра Национального переходного совета (НПС). Второе место заняла Партия справедливости и развития (17 мест) – политическое крыло движения «Братья-мусульмане», возглавляемая Мухаммедом Сауаном (Malherbe 2012). Относительный успех КНС и его лидера М. Джбриля можно объяснить тем, что он считается наиболее умеренным политическим лидером, стоящим на общедемократических позициях. Это импонирует значительной части населения, уставшей от непрекращающихся вооруженных столкновений, отсутствия безопасности и политической нестабильности. Оставшиеся в партийном блоке места были распределены между небольшими политическими партиями, преимущественно региональными. Депутаты к концу 2012 г. сформировали временное правительство во главе с премьер-министром Али Зейданом. Вырабатывается проект новой конституции Ливии, на основании которой в стране пройдут следующие выборы. В то же время во властных структурах нарастает внутренняя борьба, отражением которой стал выход из парламента части представителей КНС.

В стране имеют место центробежные тенденции. Это подтверждает, например, заявление лидеров области Киренаики, собравшие в г. Бенгази в марте 2012 г. «Конгресс народа Киренаики». В заявлении провозглашается создание «Союзного федеративного района Барка (Киренаика)» и формирование автономных органов власти, включая МВД и Министерство нефти (на территории Киренаики проживает 2 млн. чел., т. е., примерно треть населения Ливии и сосредоточены 80% запасов ливийской нефти). В свою очередь, в г. Дерна (на востоке Ливии) создан эмират, живущий по законам шариата. В г. Бани-Валид в октябре 2012 г. продолжались столкновения между сторонниками Каддафи и национальной жандармерией центрального правительства, результатом которых стали десятки убитых и раненых. Имеют место агрессивные акции против христиан. Так, в марте 2013 г. в г. Бенгази была сожжена

коптская христианская церковь и совершены нападения на священников и представителей коптской христианской общины. Нестабильная внутривластная обстановка, ухудшение ситуации с общественной безопасностью, а также репрессии, проводимые против сторонников свергнутого режима, привели к массовой эмиграции из Ливии.

В то же время происходит усиление радикального исламизма и его распространение на соседние регионы, например, Мали. Северные районы этой страны весной 2012 г. были захвачены вооруженными отрядами туарегов, часть из которых ранее воевала на стороне Каддафи. Вместе с туарегами выступают «Национальное движение за освобождение Азавада» (НДОА) и, поддерживавшие его исламистские группировки: «Исламское движение Азавад», «Ансар ад-дин» (Борцы за религию), «Группа таухида² и джихада на западе Африки» и «Аль-Каида исламского Магриба» (АКИМ). На захваченной территории Мали ими было провозглашено независимое государство Азавад (страна туарегов), законодательной базой которого стал шариат. Главную роль в нем стали играть радикальные исламисты. Причем, многие из них являлись выходцами из Ливии. Известно, что в тюрьмах Каддафи отбывали наказание около 600 исламистов, которые после крушения его режима оказались на свободе, и часть из них присоединилась к различным исламистским группировкам.

Военное вмешательство в Мали Франции и стран-членов Экономической организации государств Западной Африки (ЭКОВАС) и Африканского союза (АС) в начале 2013 г. предотвратило дальнейшее продвижение исламистов. Тем не менее, их террористические акции в регионе продолжают. В частности, захват более 100 иностранных заложников в Алжире в январе 2013 г., приведший к гибели 38 из них, осуществила одна из группировок АКИМ. Ее проникновение в Алжир из Ливии, свидетельствует о том, что на территории Ливии может возникнуть еще один очаг радикального исламизма. В то же время определенную надежду на возрождение Ливии дают итоги выборов в ВНК, отражающих стремление многих ливийцев строить государство на общедемократических принципах. Многое зависит от того, насколько возможна консолидация

² Таухид – догмат в исламе о единстве и единственности Аллаха, отрицание политеизма.

новых властей для решения сложных задач, стоящих перед страной.

Гражданский конфликт в Сирии, продолжающийся с марта 2011 г., можно квалифицировать, как часть «арабской весны», но, в значительной мере, специфическую. В Тунисе, Египте причинами социального взрыва, каковым по сути являлась «арабская весна», были внутренние факторы, а именно, коррупция, nepotизм правившей десятки лет властной элиты, отсутствие реальных демократических свобод. Что касается Сирии, то здесь при наличии, хотя и в меньшей степени, внутренних проблем, существенными причинами продолжающегося противостояния властей с радикальной оппозицией являются внешние факторы: поддержка оппозиционных группировок теми внешними силами, которые пытаются использовать конфликт в Сирии для реализации своих стратегических целей. В сирийском конфликте с одной стороны действует руководство во главе с президентом Башаром аль-Асадом, правоохранительные структуры, армия, которых активно или пассивно поддерживает большая часть населения Сирии (по данным российских экспертов, от 60% до 75%). С другой стороны, против сирийского руководства осуществляют вооруженные операции и террористические акции т.н. «повстанцы», в основном, представленные радикальными исламистами. Причем значительная их часть являются наемниками из арабо-мусульманских стран, в том числе, боевики аль-Каиды, и выходцами из мусульманской диаспоры Европы.

Наряду с борьбой против вооруженной оппозиции, сирийское руководство пытается реализовать объявленный план по демократизации страны. Так, 26 февраля 2012 г. в Сирии прошел референдум по принятию новой конституции, за одобрение которой высказались 89,4% проголосовавших. В ней упразднена статья о руководящей роли Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ) и присутствуют все элементы демократического государственно-политического устройства: многопартийная система, всеобщие выборы органов законодательной и исполнительной власти, в том числе президента, разделение властей, провозглашена свобода прессы и др.

7 мая 2012 г. в Сирии прошли парламентские выборы на основе новой конституции, в которых ПАСВ участвовала на равных пра-

вах с другими партиями. В выборах приняли участие 12 различных политических партий, в том числе новые, сформированные на основе закона о многопартийности. Из 250 депутатов 209 являются вновь избранными и среди них 30 женщин. Явка избирателей, несмотря на призыв зарубежной оппозиции к бойкоту выборов, составила 51,26%. На основе результатов парламентских выборов часть лидеров внутренней (патриотической) оппозиции вошла в состав нового сирийского правительства, сформированного в июне 2012 г.

В настоящее время патриотическая оппозиция представлена целым рядом партий различного политического спектра, готовых на конструктивный диалог и сотрудничество с властями. Условно их можно разделить на либерально-демократические, левые и отражающие интересы курдской общины. Таким образом, выполняются все требования оппозиции и Запада по демократизации Сирии. В то же время очевидно, что реальная демократизация требует общественно-политического консенсуса и не может быть реализована в условиях вооруженного противостояния. Необходимо отметить, что если в начале протестных выступлений в Сирии часть населения, в том числе, интеллигенция, выступала с протестами и требованиями скорейшей демократизации и смены режима, то, по мере активизации террористических группировок и нарастания насилия, значительная часть населения в настоящее время поддерживает руководство страны и предложенные им реформы. Это подтверждают, например, социальные опросы, о результатах которых рассказывал на канале Евроньюс Аммар Ваккаф, член одного из сирийских социальных форумов. Такую же позицию поддержки Б. аль-Асада занимает сирийская христианская община, что подтвердила в беседе с автором этих строк Мариам Агнес, настоятельница католического монастыря Святого Джеймса, одного из самых крупных в Сирии. Христианская община Сирии насчитывает свыше 2 млн. человек при суммарном населении страны в 23 млн.

Что касается внешней оппозиции, то она представлена рядом различных политических группировок, в большинстве из которых доминируют исламисты. С лета 2011 г. по ноябрь 2012 г. наиболее известным являлся Сирийский национальный совет (СНС), базирующийся в Стамбуле и возглавлявшийся Абд аль-Басетом Сидой, сменившем на этом посту Бургана Гальюна, сирийца французского

гражданства. Однако в СНС продолжались внутренние раздоры, часть членов руководства вышла из его состава, в том числе, Басма Кадмани, одна из его основателей. В такой ситуации ряд группировок сирийской оппозиции при активной поддержке дипломатии США и монархий Персидского залива объединилась в ноябре 2012 г. на встрече в Дохе в, так называемую, Национальную коалицию оппозиционных и революционных сил (НКОРС). Причем на этой встрече присутствовали премьер-министр Катара, министр иностранных дел Турции и представители Государственного департамента США, при участии которых назначалось руководство оппозиции. Председателем НКОРС был избран шейх Муатаз аль-Хатыб, бывший имам одной из мечетей в Дамаске, проживавший в Турции. Штаб-квартира НКОРС расположилась в Каире. В руководство НКОРС вошли также лидеры СНС - Рияд Сейф и Жорж Сабра. Причем М. аль-Хатыб в течении 2013 г. несколько раз заявлял о своей отставке, мотивируя ее разногласиями с радикальной частью руководства НКОРС. Премьер-министром временного коалиционного правительства оппозиции был избран Гассан Хито, долгое время проживающий в США и имеющий американское гражданство. В то же время одна из наиболее известных вооруженных групп оппозиции Свободная сирийская армия (ССА), так же, как и ряд других, не признала НКОРС. Более того, начались вооруженные столкновения между различными вооруженными отрядами. Их результатом стало покушение на командующего ССА, в результате чего он получил серьезные ранения.

Вооруженные антиправительственные группировки осуществили на протяжении 2012-2013 гг. террористические акции в ряде районов, в частности в Хомсе, Идлибе, Алеппо, Дамаске, в результате которых погибли сотни мирных сирийских граждан. В этой связи необходимо отметить, что большая часть вооруженной сирийской оппозиции представлена наиболее экстремистскими силами радикальных исламистов. А именно, боевиками различных суннитских джихадистских организаций, аффилированных с аль-Каидой таких, как «Джабхат ан-Нусра» (Фронт победы), которую США включили в список террористических организаций. Их основу составляют сотни исламистов из Туниса, Египта, Ливии, Йемена, Саудовской Аравии, Афганистана, Турции, стран ЕС, а также из РФ (республик Северного Кавказа, Поволжья и Татарстана). По

данным российских источников, таких лиц насчитывается более 300, по другим данным до 2 тыс³. Тренировочные лагеря, готовящие боевиков, расположены в Ливане, Иордании и Турции. Их подготовкой и вооружением занимаются представители спецслужб НАТО, а также некоторых арабских стран. Финансирование осуществляется из монархий Персидского залива.

В этой связи можно констатировать, что сирийский кризис приобрел глобальный характер. В нем участвуют внешние акторы, пытающиеся использовать его в своих целях. Ведущие страны НАТО и Израиль видят в Сирии союзника Ирана и рассматривают режим Б. аль-Асада как враждебный. США и Израиль не раз обвиняли Сирию в поддержке международного терроризма, антиизраильских палестинских группировок и движения Хизбалла. Поэтому смена режима в Сирии и, соответственно, ее политического курса, отвечают интересам данных стран. Ослабление и, возможно, расчленение Сирии на ряд мини-государств по этно-конфессиональному признаку, значительно облегчит возможный удар по иранской ядерной программе, подавление движения Хизбалла, а также ликвидацию иранского (шиитского) влияния в Ираке.

Суннитские монархии Персидского Залива, противостоящие Ирану и видящие в нем потенциальную угрозу со времен иранской исламской революции 1979 г., занимают примерно такую же позицию. Тем не менее, они имеют и свои стратегические планы – создание в регионе своеобразной «суннитской дуги» или «халифата», состоящего из государств с исламским суннитским режимом. Саудовская Аравия и Катар обладают в настоящее время значительным влиянием в Лиге арабских государств (ЛАГ) и, используя свои финансовые возможности, фактически превратили ЛАГ в инструмент проведения своей внешней политики. Ярким примером этого стало приглашение на саммит ЛАГ в Дохе в марте 2013 г. на место Сирии (членство которой приостановлено с ноября 2011 г.) представителей НКОРС и беспрецедентное решение (нарушающее устав ЛАГ) рекомендовать членам ЛАГ оказывать поддержку НКОРС, в

³ Представитель объединения национально-патриотических сил Ливана Кандиль Галейб заявил на пресс-конференции в РИА Новости в Москве 24 мая 2013 г. о том, что около 2 тыс. исламистов, выходцев из республик Северного Кавказа, были подготовлены для пополнения сирийской вооруженной оппозиции, а также для направления в Россию в тренировочных лагерях аль-Каиды в Ливии.

том числе поставлять оружие сирийским антиправительственным вооруженным группировкам.

В то же время суннитская Турция соперничает за лидерство в регионе с шиитским Ираном. Ослабление Сирии, имеющей давние со времен ирано-иракской войны союзнические связи с Ираном, в том числе на конфессиональной основе (правлящий режим в Сирии состоит, в основном, из представителей алавитской общины, одного из направлений шиизма), соответствует турецким интересам. Правящая Партия справедливости и развития и руководство Турции, представленное умеренными исламистами (премьер-министр и президент Турции - выходцы из турецкой ассоциации «Братья-мусульмане») в достаточной степени видят в сирийских «Братьях-мусульманах» союзников и заинтересованы в их приходе к власти в Сирии.

Тем не менее, такие страны-члены ЛАГ, как Алжир, Ирак, Ливан (голосовавшие против приглашения НКОРС занять место Сирии в ЛАГ) выступают за политическое решение сирийского кризиса, хотя и не выражают этого достаточно решительно. Иран, так же, как ливанское движение Хизбалла, поддерживает сирийское руководство и необходимость национального диалога между руководством Сирии и всеми силами оппозиции. Россия, так же, как и Китай, выступают за политическое решение сирийского кризиса и недопущение иностранного военного вмешательства в Сирию по «ливийскому сценарию». В свою очередь президент Сирии Б. аль-Асад в своем обращении к нации в январе 2013 г. также предложил план урегулирования сирийского кризиса, включающий в себя прекращение поставок оружия антиправительственным вооруженным группировкам в Сирии и насилия всеми сторонами, начало общенационального диалога с участием всех оппозиционных сил за исключением тех, кого Б. аль-Асад охарактеризовал, как «марионеток, сфабрикованных Западом» (Ас-Саура 2013).

Подводя предварительные итоги развития в 2011-2013 гг., можно констатировать, что главным из них является усиление движений, исповедующих политический ислам и их приход к власти в некоторых арабских странах. В то же время общественные силы, представляющие либерально-демократические, националистические, левые движения, которые также активно участвовали в свержении диктаторских режимов, в частности, в Тунисе и Египте, ока-

зались оттесненными на задний план. Их сторонники не приемлют того, что плодами революции воспользовались исламистские движения.

Следует подчеркнуть, что социально-экономические проблемы в этих странах только обостряются. Эти факторы усиливают напряженность и раскол в обществе. Социально-политические процессы в пост-революционных арабских странах находятся в постоянном развитии. В них пытаются активно участвовать различные политические силы – как те, которые исповедуют политический ислам, в том числе его радикальные течения, так и те, кто отражает светское направление.

Особым случаем «арабской весны» являются гражданские конфликты в Ливии и Сирии. Они не представляли собой результат развития только внутренних кризисных процессов. Конфликтные ситуации здесь были активизированы внешними акторами для достижения своих стратегических целей путем военного вмешательства в Ливии, и политико-экономического и террористического давления в отношении Сирии.

Важным фактором современного этапа Арабской весны является подъем радикальных суннитских исламистских движений, усиление которых происходит, во многом, в результате продолжающихся конфликтов, в частности в Сирии, и террористической активности в Ираке. Это, в свою очередь, провоцирует обострение суннитско-шиитского противостояния. Причем внешние акторы используют его для достижения своих стратегических целей, активно поддерживая «джихадистские» суннитские группировки. При этом проводится политика двойных стандартов по отношению к радикальному исламу. С одной стороны, с ним ведется борьба, если он выступает против интересов Запада, как это происходит в Афганистане и Йемене. С другой стороны, ему оказывается поддержка, как это делалось в Ливии и имеет место в Сирии, если радикальный исламизм можно использовать для достижения стратегической цели – свержения неугодных режимов.

Однако распространение радикального исламизма несет дестабилизацию в страны региона. Радикальный исламизм также представляет угрозу не только для стран «арабской весны», но и для Запада. Подтверждением этому стали террористические акты в 2013 г. в США, Англии и Франции, осуществленные последователями

джихадизма. Опасность распространения исламистского терроризма существует и для России. Особенно учитывая то, что сотни радикальных исламистов, являющихся выходцами из РФ, воюют в рядах сирийской вооруженной оппозиции. По возвращении они, вполне вероятно, будут стремиться распространить джихад на территории России.

Что касается перспектив развития «арабской весны», то они, во многом, зависят от того, насколько новые режимы в Тунисе и Египте способны, с одной стороны, прийти к консенсусу с политическими силами, представляющими светское направление, и, с другой стороны, подавить радикальный исламизм, представляющий собой деструктивную силу. Важным вопросом является также дальнейшее демократическое развитие арабских стран.

Библиография

Ас-Саура. 2013. Ар-Раис аль-Асад фи хутаб ас-саубат ва аль-карар аль-ватани йахдиду ат-тарик иля аль-хиль // *Ас-Саура*. 07.01.2013. URL: <http://thawra.wehda.gov.sy>.

Maktouf L. 2013. *Sauver la Tunisie*. Paris.

Malherbe S. 2012. Libye: Mahmoud Jibril, le caméléon // *L'Express*. 15.07.2012. URL: <http://www.lexpress.fr/actualite/monde>.

Marzouki M. 2013. *L'invention d'une démocratie*. Paris.

Mejliss. 2013. La Tunisie en ébullition après l'assassinat d'un haut responsable de l'oppositio // *Mejliss*. 06.02.2013. URL: <http://mejliss.com/2013/02/06>.

Политический процесс и перспективы правящих режимов в Египте и Тунисе¹

Революционные события «арабской весны» повлияли на условия и характер политического процесса в странах Северной Африки. Наиболее важные сдвиги произошли в Тунисе и Египте, ставших эпицентром протестных движений в Северной Африке. Изменения в политической системе и политической жизни этих стран продолжаются и после падения прежних режимов квази-демократического типа. Они носят многоплановый характер, затрагивают как формы, так и содержание политического процесса.

Во-первых, благодаря не спадающей политической активности граждан, в этих странах резко расширился диапазон форм и возможностей политических действий, политической самоорганизации общества, включая создание партий и массовых движений, стихийную уличную активность и мобилизацию групп интересов (Lust 2011: 425-434). Для изменения условий и форм политического процесса большое значение имеет быстрое развитие горизонтальных политических связей (конкуренции и солидарности), компенсирующих ослабление вертикальных связей (подчинения и лояльности власти). Кроме того, самостоятельным и важным фактором политического процесса остается политическая мобилизация масс в разнообразных институциональных и неинституциональных формах (от организации политических партий до стихийных акций уличного протеста). В результате сохраняются высокий потенциал массовых протестных движений и их резко выраженная идеологическая ангажированность, а это значит, что сохраняются условия для негативного ответа больших

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 году.

групп населения на принимаемые властью решения, на действия политических противников, превращения противника во врага. Новые условия политического процесса открывают также возможности, с одной стороны, для быстрой активизации оппозиционных сил, смены политических лидеров, с другой – для изменения соотношения сил внутри правящей элиты.

Во-вторых, наиболее значимые изменения с точки зрения политической стабильности, устойчивости правящих режимов и баланса политических сил произошли в содержании политического процесса – в составе его основных участников, направленности их действий и способности влиять на принимаемые политические решения (Ткаченко 2012: 71). Нельзя говорить о разрушении или ослаблении влияния силовых и бюрократических структур власти, эти структуры продолжают оказывать значительное или решающее влияние на текущую политику и порядок принятия главных политических решений, опираясь на материальные, организационные и политические ресурсы, которые они приобрели еще в годы правления авторитарных режимов.

В-третьих, общий ход политического процесса в Тунисе и Египте сейчас определяются пестрым и противоречивым сочетанием интересов различных слоев населения – возможностями артикуляции и согласования этих интересов, сведения их к коллективным целям, понятным широким слоям населения и допускающим небольшое число политических альтернатив. Перспективы поставторитарных правящих режимов, как кажется, зависят от наличия таких альтернатив и способности государственных руководителей их примирить или хотя бы согласовать на уровне политических институтов и политических решений.

Но при всей сложности форм и содержания политического процесса в Тунисе и Египте, в происходящих изменениях выделяется одна составляющая, которая, как кажется, оказывает все большее влияние на политическое положение в этих странах, в том числе и прежде всего на положение и перспективы нынешних, поставторитарных правящих режимов. Эта составляющая – баланс политических сил и интересов светских и исламистских групп, движений, партийно-политических блоков. Речь идет, о довольно широком спектре левых и либерально-демократических партий и

движений, выступающих за сохранение секулярного характера власти и результатов светских реформ, осуществленных авторитарными режимами, с одной стороны, и с другой – о более сплоченных и организованных исламистских группах и организациях, ставящих под сомнение или отрицающих светские ценности культурной и политической жизни как не соответствующие интересам арабского общества, а главное – не способные изменить их жизнь в лучшую сторону.

«Исламские ассоциации» (*аль-джамаат аль-исламийа*) давно стали активным и самостоятельным игроком на политической сцене арабских стран. Вместе с Пакистаном и Малайзией Египет стал признанным центром исламизма как массового народного движения. Его воплощением стала ассоциация «Братья-мусульмане», созданная в 1928 г. и ставшая постоянным оппонентом египетским националистическим партиям. Власти независимого Египта то сотрудничали с «Братьями», то преследовали их руководителей. На фоне успеха идеологии насеризма, ставшей главным политическим проектом независимого Египта, призывы «Братьев» к разрыву с современным «безбожным» обществом (*джахилией*) в 50 – 60-е гг. XX века могли показаться уходящим в прошлое наследием старой эпохи. Однако от десятилетия к десятилетию эта исламистская организация укрепляла свои позиции в политическом процессе, объединяя самые разные социальные группы (Карпачева 2012: 116-117). В 1977 г. «Братья-мусульмане» получили большинство голосов на выборах руководства Союза египетских студентов, а в 2005 г., даже в условиях, использования режимом Х. Мубарака мощного административного ресурса, смогли собрать 20% голосов на выборах в Народную Ассамблею. Еще раньше – в середине 1980-х гг. – в Тунисе исламские ассоциации трансформировались в политическую партию «Движение исламской направленности», переименованную позже в партию «ан-Нахда». Правда, легальное существование этой партии продолжалось недолго – в начале 1990-х гг. после объявления о ее участии в заговоре с целью убийства президента Бен Али партия была запрещена, исламисты ушли в подполье.

Очевидно и та основная политическая установка «исламских ассоциаций», которая позволяла исламистам долгие годы

добиваться политического успеха, не выходя за рамки утопической модели исламского мироустройства. Действенность политического ислама обеспечивала позиция антипода светской власти, привычка воспринимать и представлять политический ислам в роли, по выражению А.В. Малашенко, «бескомпромиссной оппозиции, набирающей очки критикой существующих правящих элит» (Малашенко 2004: 442). Выигрышной эту позицию делал сопровождавший проведение либеральных рыночных реформ рост числа неимущих мусульман – легко было связывать в одно целое исламскую альтернативу идеального общественного устройства и реальные действия социального протеста.

Вместе с тем, характер и перспективы политического процесса в Тунисе и Египте невозможно обсуждать без учета роли, влияния, интересов и позиций оппонентов исламизма – партий и движений, выступающих за развитие в этих странах плюралистической политической системы светского типа. Как и политические установки исламистов, предпочтения и интересы этих сил складывались на обломках идеологии арабского национализма, не сумевшей ограничить, взять под контроль государства нарастание социальных проблем, но представлявшей себя альтернативным путем отхода от принципов исламского общества. Прочность устремлениям светских сил придавало появление больших групп интересов, ориентированных на ценности рыночной экономики, профессиональной карьеры и образования, на приоритет прав человека и защиты прав трудящихся, на современные формы коммуникаций. Отход от принципов ислама ясно проявился в социальных ориентациях значительной части среднего класса, городской образованной молодежи, в сохранении течений левой (социалистической) направленности и связанного с ними профсоюзного движения. В этом же направлении светские силы толкали последствия политики экономической либерализации, начатой в 1970–х гг. правящими режимами Египта и несколько позже Туниса. Прозападная в своей основе, эта политика предполагала имитацию демократического процесса вплоть до признания его легитимным участником (допущение исламистов в египетский парламент при А. Садате). Конечно, сам демократический процесс находился под контролем властей и мог подвергаться жестким ограничениям, как это произошло в Египте,

где с 1981 г. публичная политическая деятельность была ограничена законом о чрезвычайном положении, введенном после убийства президента Анвара Садата. И в Египте, и в Тунисе сохранялись все «фасадные» формы демократического процесса: существование многопартийной системы и парламента, проведение всеобщих и формально альтернативных выборов с участием оппозиции, разделение властей, легальная деятельность профсоюзов и различных общественных организаций.

Нормой политической жизни Египта и Туниса еще до падения авторитарных режимов стало наличие института легальной политической оппозиции, закрепившего дискурс и процедуры демократического процесса. Несмотря на малочисленность и организационную слабость легальной политической оппозиции, этот институт представлял довольно широкий спектр светских политических сил, что не могло не отразиться на политической культуре Египта и Туниса, идеологически дифференцированной и сравнительно разнообразной. В Тунисе, наряду с партией «Демократическое конституционное объединение», правившей страной 25 лет, действовали светские и либеральные объединения: «Демократическая прогрессивная партия» (в 2011 г. влилась в «Республиканскую партию») и «Форум за демократию, труд и свободу». На полуполюгальном положении находилась другая либерально-демократическая партия – «Республиканский конгресс». фактически действовала официально запрещенная, крайне левая Коммунистическая партия рабочих Туниса. В Египте правящей Национально-демократической партии в пространстве публичной политики противостояла левая Национально-прогрессивистская партия, которая смогла объединить на светских позициях определенную часть левых сил – от подпольных коммунистических групп до убежденных насеристов. Партия выступала против либеральной политики «открытых дверей» (*инфитах*) и сокращения государственного сектора экономики, осуждала проамериканский курс внешней политики Египта. В 2000 г. она вошла в парламент Египта, завоевав 6 мандатов.

Победа протестных движений в январе – феврале 2011 г. дестабилизировала политический процесс Тунисе и Египте, разрушив прежний баланс политических сил и резко ослабив авторитарный механизм обеспечения общественного порядка.

Власть потеряла прежний всеобъемлющий контроль над политическим процессом, составной и важнейшей его частью стали антиправительственные выступления масс городского населения. В Египте появились и быстро усилились молодежные движения, выступившие с требованиями демократических реформ: «6 апреля», «25 января», «Молодежь революции». Лишь в разгар этих выступлений к протестующим присоединились собственно оппозиционные партии и движения – как либерально-демократические, так исламистские. Тем не менее, и в Тунисе, и в Египте организованные политические силы смогли в 2011 г. установить определенный контроль над политическим процессом, используя для этого механизм выборов и создания межпартийных блоков, договоренности о распределении властных полномочий. Заметное значение при этом приобрели институциональные формы и процедуры демократического процесса: проекты конституционных изменений, подготовка законодательных инициатив, парламентский контроль за правительством и т. д. В секулярные процедуры демократического процесса оказались втянуты и сторонники исламистской альтернативы, во всяком случае, их умеренная часть, стремившаяся укрепить свое положение с помощью «честных» выборов.

Таким образом, революционные события 2011 г. привели к образованию в Тунисе и Египте режимов переходного типа, сочетающих элементы политического плюрализма и монополизации власти, ограничения произвола власти и борьбы за политическое господство.

Переходный тип политических режимов по природе своей нестабилен. Его принципиально неустойчивое состояние не может быть долговечным, баланс правящих сил подвержен быстрым изменениям, тогда как согласование политических целей и интересов носит скорее временный характер. В Египте переходный характер режима был зафиксирован сразу после отстранения от власти президента Х. Мубарака. Высший совет вооруженных сил, к которому фактически перешла власть в стране, приостановил действие конституции, предложив разработать проект временной конституционной декларации и вынести ее на общенациональный референдум.

Не устоявшийся характер новых режимов проявился уже на первых после событий 2011 г. свободных выборах высших органов власти. Победу на этих выборах – Конституционной Ассамблеи в Тунисе в октябре 2011 г., Народной Ассамблеи и президента страны в Египте в январе и мае-июне 2012 г. – одержали исламистские партии. В Тунисе наибольшее число мест (90 из 217) завоевала партия «ан-Нахда», в Египте Партия свободы и справедливости получила 46% мест в Народной Ассамблее, а более радикальная – салафитская партия «ан-Нур» – 27%. Пост президента Египта, на который претендовали 13 кандидатов, занял один из лидеров «Братьев-мусульман», председатель ее политического крыла – «Партии свободы и справедливости» М. Мурси. Правда, этого успеха он добился только во втором туре, победив бывшего премьер-министра А. Шафика, связанного, как считается, с руководством египетской армии и старой бюрократией в политическом истеблишменте Египта.

Успех исламистов на выборах обозначил изменение их роли в политическом процессе. Из стойкой, бескомпромиссной оппозиции правящему (секулярному) режиму они превратились в составную часть правящей элиты Туниса и Египта, несущей ответственность за экономическую и социальную политику своих стран, выбор внешнеполитических союзников, решение финансовых проблем с международными кредитными организациями. В Тунисе это превращение бывших оппозиционеров в привилегированную властную группировку было закреплено созданием, по инициативе умеренных исламистов, коалиции парламентского большинства. Наряду с партией «ан-Нахда», в нее вошли «Конгресс за республику» во главе с М. Марзуки (давним противником Бен Али) и «Демократический форум за труд и свободу». Эта коалиция (а в ее составе и умеренные исламисты) сформировала новую исполнительную и законодательную власть Туниса. Премьер-министром и фактическим руководителем страны стал представитель «ан-Нахды» Х. Джебали (с февраля 2013 г. новый глава правительства – также представитель «ан-Нахды» А. Лаарайед), президентом, выполняющим главным образом представительские функции, стал М. Марзуки, спикером парламента председатель Демократического форума М. Джафар. В Египте вновь избранный президент М. Мурси, опираясь на

массовую поддержку внутри страны и на поддержку внешних сил (прежде всего, США), отправил в отставку руководство Высшего совета вооруженных сил во главе с маршалом Х. Тантави и фактически взял на себя всю полноту законодательной и исполнительной власти.

Таким образом, первые публичные и скоординированные действия исламистов в постреволюционном Тунисе и Египте продемонстрировали, с одной стороны, наличие у них значительного политического потенциала – способности к быстрой политической мобилизации своих сторонников, с другой – готовность исламистов (по крайней мере, их умеренной части) использовать этот потенциал для интеграции в секулярную политическую систему и правящую элиту. Возможности политического маневрирования у руководства исламистских партий значительно увеличились, но вместе с тем перед ними возникла серьезная политическая дилемма: либо позиция политического прагматизма, ориентация на ближайший успех в конкуренции с секуляристскими партиями и связанный с этим риск растворения в «коридорах» «безбожной» власти, либо курс на преобразование власти и общества в соответствии с идеологическими постулатами исламизма и вытекающая отсюда возможность раскола общества и масштабного внутривластного конфликта. Для умеренных исламистов этот выбор превратился в серьезную проблему ввиду отсутствия у них обеспеченных властных позиций, позволяющих устанавливать иерархию интересов, целей и задач правящего режима, контролировать экономические и политические ресурсы и добиваться их необходимого перераспределения. В Тунисе позиции исламистов, пришедших к власти, ограничиваются многопартийным характером правящего режима, признание этих ограничений проявляется в политике сотрудничества партии «ан-Нахды» с другими партиями правящего блока. В то же время у многих сторонников светской политической системы приверженность «ан-Нахды» секулярным нормам демократической политической системы по-прежнему вызывает сомнения.

В Египте победа исламистских сил на парламентских и президентских выборах обеспечила переход в руки Партии свободы и справедливости законодательных и исполнительных

функций. Но это не стабилизировало политический процесс в стране, а скорее усилило политический раскол внутри египетского общества и правящего режима. Перед лицом массовой поддержки исламистских партий военные не могли не признать легитимность избрания президентом М. Мурси, однако сохранили властный ресурс. Этот ресурс обеспечивал, во-первых, контроль военных над значительной частью египетской экономики, что превращает египетскую военную элиту в мощную группу экономических и политических интересов; во-вторых, самостоятельное политическое положение военной верхушки, обеспечиваемое в какой-то степени широкой военной помощью, которую предоставляет Египту США. Отставка, по решению президента, наиболее видных военачальников, включая министра обороны Х. Тантави, начальника генерального штаба С. Анана, не привела к установлению контроля М. Мурси над армией. Скорее, это был результат предварительных договоренностей между военной верхушкой и исламистскими лидерами о разделе властных полномочий после смещения президента Мубарака: умеренные исламисты получили возможность сконцентрировать в своих руках высшую исполнительную и законодательную власть и приступить к реформе конституции, а военные сохранили контроль над силовыми структурами. На уровне общенационального политического процесса позиции Партии свободы и справедливости ограничивает начавшаяся на фоне успеха исламистов мобилизация анти-исламистских сил – убежденных сторонников сохранения в Египте светского политического режима. Начавшуюся мобилизацию этих сил подтвердил небольшой разрыв в количестве голосов, полученных во втором туре президентских выборов М. Мурси (52%) и его противником, бывшим премьер-министром и главным кандидатом от светских сил, поддерживаемых армией, А. Шафиком (48%). Примечательно также, что уже в первом туре президентских выборов лидер партии «Карам», объединяющей сторонников насеровских идей арабского социализма, Х. Сабахи смог собрать 21% голосов избирателей, пришедших на выборы.

Пришедшие к власти исламисты попытались уйти от жесткого политического выбора между участием в «безбожной» власти, с одной стороны, и отрицанием неисламского общества

(*джахилийи*) – с другой. Стремясь избежать разрыва с секулярными политическими системами Туниса и Египта, новое исламистское крыло правящей верхушки практически сразу после прихода к власти начало придавать большое значение религиозной легитимации своей деятельности. Духовные и политические лидеры победивших партий так или иначе демонстрировали свою верность исламскому проекту и поддерживающим его силам. В своем выступлении по итогам парламентских выборов в Тунисе лидер победившей партии «ан-Нахда» Р. аль-Ганнуши охарактеризовал эту победу как начало пути к успешному осуществлению исламского проекта, назвав оппонентов «ан-Нахды» противниками ислама, стремящимися разрушить страну. В Египте лидеры Партии свободы и справедливости, подчеркивая свою приверженность общедемократическим целям и значение свободных и всеобщих выборов как источника легитимности власти, тем не менее, сохранили тесные связи с руководством ассоциации «Братья-мусульмане».

Удобным публичным пространством религиозной легитимации власти умеренных исламистских партий внутри правящих секулярных режимов Туниса и Египта стало пространство конституционной реформы. В Египте исламисты возглавили парламентский комитет по разработке новой конституции и добились невмешательства военных в процесс подготовки конституционной реформы. Проект документа, представленный в ноябре 2012 г. президенту Мурси, имел светскую основу, но вместе с тем содержал ключевой принцип исламской идеологии – положение о нормах шариата как основе законодательства страны. В Тунисе основным вопросом конституционной реформы также стал вопрос о закреплении роли шариата как основы национального законодательства. Правда, в отличие от египетской Партии свободы и справедливости руководство «ан-Нахды» не смогло выработать единую позицию по этому вопросу. В марте 2012 г. политический совет партии большинством голосов принял решение не включать в конституцию указание на особый правовой статус шариата. Однако 12 членов совета (из 80, участвовавших в голосовании), выступили за признание этого статуса.

К середине 2012 г. стало очевидно, что исламизация «сверху» политического и правового пространства не укрепляет позиции

умеренных исламистов по отношению к блоку светских сил, но, напротив, ставит их в зависимость от настроений арабской улицы и от действий более радикальных исламистских группировок. В политических предпочтениях арабской улицы после свержения авторитарных режимов основное место занимают не вопросы конституционной реформы, а ожидание скорейшего решения социально-экономических проблем, связанных с массовой безработицей и ростом цен на товары и услуги повседневного спроса. Однако новое исламистское руководство Египта и Туниса оказалось не готово к проведению широких социально-экономических реформ. Более того, приход исламистов к власти ухудшил внешнеэкономическое и финансовое положение этих стран, затруднив, в частности, получение новых кредитов от международных финансовых организаций. В то же время в организации и действиях исламистских движений все большую роль начали играть и процессы исламизации «снизу» - форсированного внедрения и навязывания обществу исламского образа жизни под контролем и давлением исламистских активистов. Ведущие позиции в этих процессах заняли представители радикального (салафитского) ислама, ставшие мощной группой давления на государственную власть и умеренных исламистов. Характерным (и шокирующим) проявлением исламизации «снизу» стали развернувшиеся в 2012 г. агрессивные действия салафитских групп: нападения на государственные учреждения, бары и отели в курортных городах, надругательства над склепами и надгробьями суфийских святых и, наконец, формирование военизированных отрядов исламского ополчения. Под давлением салафитов, «ан-Нахда» выступила за включение радикально настроенных исламистов в органы государственного управления, армию и полицию. В Египет из Афганистана и Пакистана вернулись многие члены экстремистских (джихадистских) мусульманских группировок.

Угрозу быстрого раскола общества, которую несет в себе исламизация «снизу» и «сверху», ясно продемонстрировали два события, получившие широкий политический резонанс: публикация в Египте в феврале 2013 г. фетвы, разрешающей убивать противников Мурси (за основу фетвы ее автор, профессор университета Аль-Азхар М. Шаабан, взял повеление пророка

Мухаммеда: «Кто присягнул на верность правителю и дал ему свою руку и сердце, пусть повинуется ему, пока может. А если кто-то станет вести с ним тяжбу за власть, то отрубите ему голову») и убийство в этом же месяце одного из лидеров светской оппозиции в Тунисе Ш. Белаида, генерального секретаря Демократической патриотической партии.

Рост исламского радикализма не укрепил положение правящих исламистских партий. Произошло скорее обратное – стало падать их значение как фактора политической стабильности, политического равновесия в египетском и тунисском обществе, укрепления позиций переходных политических режимов. Дилемма участия исламистских партий в эволюции этих режимов – захват власти и ее переустройство на основе исламской доктрины или отступление от исламского проекта во имя стабильности власти и ее секулярных основ – перестала быть вопросом политического выбора только этих партий.

Между тем, одно из главных условий легитимного прихода к власти – изменение к лучшему положения широких народных масс – не было выполнено. Экономического «чуда» не произошло. Начавшийся в этих условиях новый подъем протестных движений в обеих странах поставил под сомнение не только способность исламистов эффективно решать проблемы общества, но и легитимность правящих послереволюционных режимов в целом, обнаруживших явно консервативный, правоцентристский характер своей политики.

На риск развала легальных структур власти и деятельности правительств указывают рост политического насилия в Египте и Тунисе и антиправительственная направленность уличных акций протеста. По составу своих участников и характеру требований (смена правящих партий и приход к власти независимой политической оппозиции) эти акции все более напоминают противостояние власти и масс в начале 2011 г. Протестные настроения охватили и организованную светскую оппозицию, напуганную активизацией исламистских сил и обвиняющую исламистских лидеров в стремлении монополизировать государственную власть.

Судьба правящих режимов в Египте и Тунисе зависела от способности политического класса этих стран обеспечить хотя бы

минимальную стабильность политического процесса, устойчивость и легитимность избранных органов власти без вмешательства военных. Очевидно, однако, что уровень стабильности гражданского правления падал. В Египте эта тенденция проявилась уже в середине 2012 г., после того, как Конституционный суд признал недействительными результаты парламентских выборов конца 2011 – начала 2012 гг. и, соответственно, отверг новый вариант Конституции, разработанный новым парламентом, а президент М. Мурси назначил новые парламентские выборы на осень 2013 г.

Создание после убийства Ш. Белаида непартийного, «технократического» правительства, которое должно было снять напряжение в обществе и обеспечить проведение легитимных парламентских и президентских выборов, говорит об угрозе раскола политического класса и в этой стране. В Египте, к лету 2013 г., недовольство политикой президента Мурси достигло таких масштабов, что поставило под угрозу существование правящего режима и вновь вывело на передний план египетской политики руководство египетской армии как особую группу интересов. Египетские военные были готовы уступить власть М. Мурси как победителю президентских выборов, но при условии, что новая гражданская власть сохранит существующий порядок распределения власти и влияния, собственности и материальных благ. Как представители одной из крупнейших групп интересов военные непосредственно заинтересованы в сохранении политической стабильности. Неспособность правящей исламистской партии к решению этой задачи привела к ясно выраженной дестабилизации правящего режима – смещению военными президента Мурси и его аресту. Этот шаг военных граничит с политическим переворотом и чреват перерастанием нестабильности египетского режима в политический кризис, что фактически уже и произошло, в том числе в результате активного участия исламистских сил.

Перспективы правящих режимов в Тунисе и Египте зависят от множества внутренних и внешних факторов. Но в условиях нарастающей политической нестабильности определяющее значение приобретают два фактора: отношение населения к существующей власти и ее эффективность – способность власти

осуществить необходимые перемены в политической жизни без разрушения своих структур, без раскола внутри общества и правящей элиты, что может создать угрозу целостности и самому существованию государства. В Тунисе и особенно в Египте оба фактора способствовали усилению политической дестабилизации. Не проведены даже минимальные социально-экономические и политические реформы, не обеспечен необходимый механизм агрегации интересов и требований исламистских и светских сил, не произошло значительного снижения протестных настроений в обществе, без чего, даже в условиях регулярного проведения политических выборов, невозможна трансформация крайних позиций в умеренные. Возможности демократического процесса в обеих странах не исчерпаны, однако налицо сохранение и даже расширение базы различного рода радикальных движений левого и правого (прежде всего исламистского) толка. В Египте не обеспечена необходимая стабильность демократического процесса, гарантом стабильности власти и относительного, но постепенно деградирующего общественного порядка по-прежнему остается армия. Дестабилизирующее действие этих факторов приобретает цивилизационную глубину и широкий региональный контекст благодаря открытому конфликту секулярного и исламского проектов преобразования тунисского и египетского обществ. При этом очевидно, что попытки исламистов навязать обществу исламскую идеологию будут продолжаться, несмотря на достигнутый в Тунисе и Египте высокий уровень секуляризации общественно-политической жизни. Это усиливает протестный потенциал общественных настроений и ставит обе страны на грань глубокого раскола.

Однозначная оценка перспектив правящих режимов в Тунисе и Египте в подобных условиях, вряд ли, будет правильной. Возможны различные варианты их эволюции с разными последствиями для общества и государства, для легитимности/нелегитимности власти (см., напр.: Мирский 2013; Игнатенко 2013). На наш взгляд, пространство возможных изменений этих режимов очерчивают два варианта их вероятной эволюции.

Первый вариант – продолжение и даже, возможно, обострение борьбы за власть между конкурирующими группами правящей

элиты в сочетании с ростом протестной активности «арабской улицы», но без возникновения прямой угрозы существующим режимам политической власти. Данный вариант наиболее вероятен в случае успешного проведения парламентских и президентских выборов в Египте и Тунисе и ослабления исламистских сил, особенно их радикального фланга.

Второй вариант – обострение политической борьбы на разных уровнях общественной жизни с возникновением непосредственной угрозы правящим режимам. Ключевыми условиями этого варианта являются дезинтеграция государственной власти, прежде всего раскол в ее силовых структурах, и упадок легитимности режимов в результате блокирования демократического процесса, частой и насильственной сменяемости политических лидеров, продолжения массовых столкновений и перерастания мирных форм борьбы в вооруженные, паралича нормальной экономической и политической жизни. Логика этого сценария предполагает возникновение непримиримой оппозиции, открытое вмешательство в политический кризис внешних сил и – возможно – начало вооруженной борьбы с правящим режимом. Так или иначе, но риски и угрозы политической дестабилизации в Тунисе и Египте, скорее всего, будут нарастать.

Библиография

- Игнатенко А. 2013.** Исламистская революция // *Gazeta.Ru*, www.gazeta.ru.
- Карапачева О.В. 2012.** История исламской оппозиции в Египте. М.
- Кепель Ж. 2004.** Джихад. Экспансия и закат исламизма. Пер. с французского. М.
- Малашенко А.В. 2004.** Исламисты хлопают дверью? // Кепель Ж. Джихад. Экспансия и закат исламизма. Пер. с французского. М.
- Мирский Г.И. 2013.** Они будут продолжать репрессии, давить «Братьев-мусульман» до конца // *Gazeta.Ru*, www.gazeta.ru.
- Ткаченко А.А. 2012.** Политический кризис в странах Арабского Востока: динамика и перспективы // Протестные движения в арабских странах: Предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола». М.
- Lust E. 2011.** Opposition Cooperation and Uprising in the Arab World // *British Journal of Middle Eastern Studies*. Vol. 38, No 3.

Исламисты и политический процесс в Египте после «арабской весны»¹

Взаимоотношения между исламистами и секуляристами в Египте имеют давнюю и крайне интересную историю, в ходе которой наметившиеся тенденции исторического развития в этой стране оборачиваются своей противоположностью. Египет с начала XIX века был эталоном модернизации для всего Арабского Востока. Страна фараонов была исламизирована последней среди всех арабских стран (вынося за скобки Ливан с его уникальной концентрацией религиозных верований и течений). При этом именно Египет стал колыбелью распространения исламистских политико-идеологических мировоззрений, которые впервые получили свое практическое оформление в 1928 г., когда была создана ассоциация «Братья-мусульмане».

Как известно, в ходе антимонархического переворота в Египте 1952 г. на стороне «Свободных офицеров» выступили и «Братья мусульмане». Однако как только последние попытались занять свою нишу в строящейся политической системе республиканского Египта, то получили категорический отказ от Г.А. Насера (Аль-Хабиши 2008), являвшегося на тот момент заместителем председателя Совета революционного командования². С этого момента и до своей смерти в 1970 г. Насер вел планомерную борьбу с исламистами, выводя их за рамки всего политического процесса.

Приход к власти Анвара ас-Садата и последовавшие за этим «майское исправительное движение»³ 1971 г., а также экономическая политика открытых дверей («интифах») не оставляли новому

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 году.

² В период с 1952 по 1954 гг. формальным главой государства был генерал-майор М. Нагиб.

³ Под «майским исправительным движением» в Египте принято понимать массовые аресты представителей бывшей политической верхушки после прихода к власти ас-Садата.

президенту, по нашему мнению, иного пути, как ликвидация Арабского социалистического союза и введение в Египте «эры плюрализма», обусловившей в том числе контролируемый сверху переход к многопартийной системе.

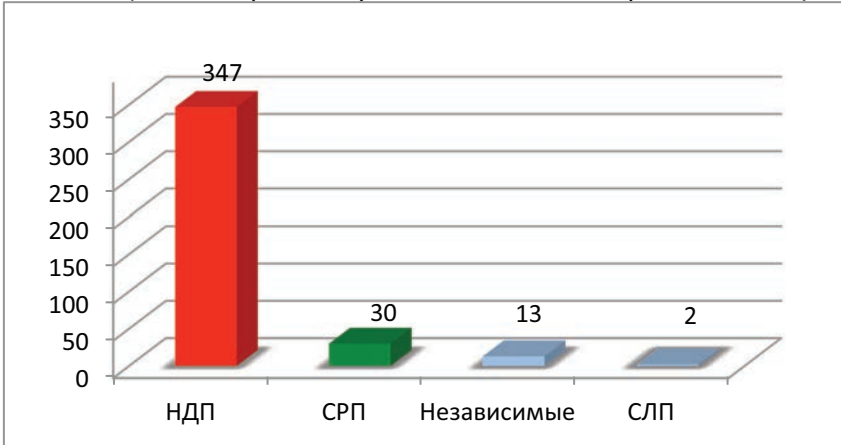
Складывающаяся ситуация требовала укрепления позиций президента внутри страны, для чего была создана Национал-демократическая партия (НДП), и по той же причине президент обратился к исламистам. Но, если изначально это проявлялось в росте религиозного самосознания населения и самого президента (ас-Садат не упускал возможности именовать себя «президентом правверных»), легализации суфийских братств, то позже это привело к амнистированию большинства членов «Братьев-мусульман», в том числе их главы Хасана аль-Худайби. Популярность исламистов, таким образом, росла стремительно. В 1976 г. было возобновлено издание еженедельника «Призыв», открыто декларировавшего создание исламского государства в стране фараонов и внедрение норм шариата в законодательство страны. Позже от «Братьев» откололись те члены, которые были сторонниками насильственного захвата власти, положив тем самым начало созданию целой плеяды радикальных исламистских группировок (Союз мусульман, Союз духовного отрешения и др.). Принципиальное отличие их заключалось в том, что радикалов никак не устраивал принцип, согласно которому «мусульмане должны проповедовать, а не выносить приговор», декларируемый аль-Худайби, который делал ставку на постепенный ненасильственный захват власти (Beattie 2000: 197).

1978 г. был ознаменован тем, что по инициативе ас-Садата на политической сцене Египта появилась Социалистическая партия труда (СРП)⁴, которая впоследствии была переименована в Исламскую рабочую партию. Именно ей было суждено стать «рупором “Братьев-мусульман”» в египетском парламенте (Видясова 2009: 126). На первых же выборах в 1979 г. в Народную ассамблею Социалистическая партия труда заняла второе место, получив 30 мест в парламенте (из 392) и уступив лишь пропрезидентской НДП (Рис. 1). На первый взгляд цифра мизерная, однако здесь следует иметь в виду, что СРП была новой партией, появившейся лишь за год до выборов, но, самое главное, она была вынуждена конкурировать с

⁴ Бывшая Исламская национальная партия.

действующей партией власти, включавшей в себя практически всю политическую элиту страны и обладавшей мощнейшим административным ресурсом.

Рис. 1. Результаты парламентских выборов в Египте в 1979 г., (по оси ординат указано кол-во набранных мест).

Источник: *Nohlen, Krennerich, Thibaut 1999.*

Прим.: НДП – Национально-демократическая партия; СРП – Социалистическая рабочая партия; СЛП – Социалистическая либеральная партия.

Но здесь важно обратить внимание на следующее обстоятельство. В относительно короткие сроки исламистам удалось мобилизовать в свою поддержку разочарованную молодежь и мелкую городскую буржуазию, которую в свое время переманил на свою сторону Г.А. Насер (Капель 2004: 35). В этой связи красноречивым является голосование на референдуме 1980 г. (99% голосов было отдано «за») по принятию конституционной поправки, в соответствии с которой шариат был признан «прямым источником законодательства». Тем самым «Братья», не просуществовав и десятилетия в правовом поле, сделали серьезную заявку на то, чтобы выбить «социальную почву» из-под ног у НДП и президента ас-Садата. Однако последний подписал себе приговор еще раньше, за-

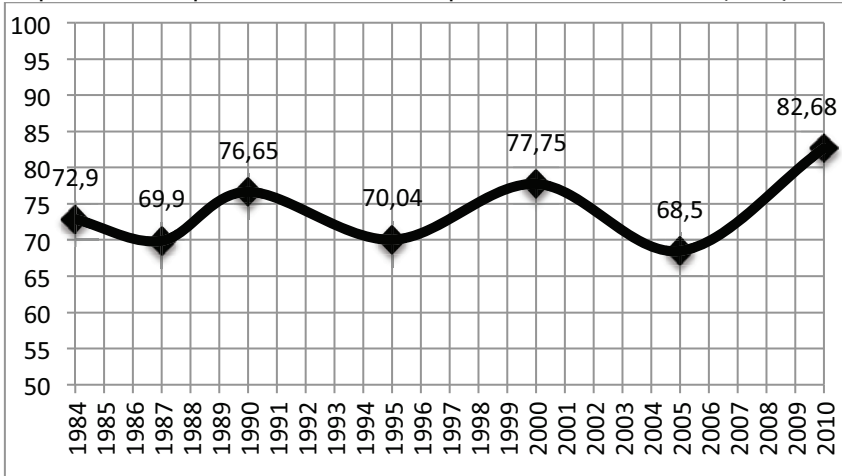
ключив мирный договор с Израилем, за что и поплатился собственной жизнью⁵.

С приходом к власти Х. Мубарака изменилось и отношение к исламистам. Наученный горьким опытом своего предшественника, новый президент ясно дал понять, что готов мириться с признанием «Братьев-мусульман» де-факто, но не де-юре. Поэтому на первых парламентских выборах после смерти ас-Садата в 1984 г. «Братья-мусульмане» вступили в беспрецедентный альянс с Новым Вафдом. Скорее всего, в подобном альянсе были заинтересованы обе стороны, в противном случае у вафдистов не было бы шансов преодолеть 8-ми процентный порог, а «Братья» бы лишились возможности иметь своих представителей в Народной ассамблее. Дело в том, что, поскольку мажоритарная система голосования была заменена на пропорциональную, то возможность избрания независимых кандидатов практически исключалась. В результате в парламент прошли лишь две партии – НДП (390 мест из 458) и Новый Вафд (58 мест).

На следующих выборах в 1987 г. исламистам уже удалось создать собственный альянс, сформированный на базе Социалистической рабочей партии, Социалистической либеральной партии и представителей «Братьев-мусульман». Организованный блок сумел набрать 17% голосов, получив 60 мест в Народной ассамблее. Несмотря на то, что пропрезидентской НДП удалось заручиться поддержкой 69,9% избирателей, прогресс исламистов был налицо. Особенно учитывая факт того, что им приходилось довольствоваться нелегальным статусом в условиях чрезвычайного положения, когда власть в любой момент могла подвергнуть арестам лидеров оппозиционного движения, что она периодически и делала. Стоит также отметить, что это был самый низкий результат НДП на выборах с момента создания этой партии и вплоть до ее ликвидации в ходе событий «арабской весны».

⁵ 6 октября 1981 г. во время военного парада А. Ас-Садат был убит лейтенантом Х. Исламбули в ходе спланированного заговора двух исламистских группировок: Египетский исламский джихад и Исламский блок.

Рис. 2. Голосование за Национально-демократическую партию на парламентских выборах, 1984-2010 гг. (в %).

Источник: *Nohlen, Krennerich, Thibaut 1999.*

Переломным стал 1990-й год, когда в преддверии выборов в Народную ассамблею все оппозиционные партии, за исключением Национальной прогрессивистской партии (НПП) приняли решение бойкотировать выборы. Ставка была сделана на то, что Мубарак «прогнется» под натиском оппозиции и пойдет им на уступки, в частности, требовалась отмена чрезвычайного положения и т.д. Однако президент отказался идти на компромисс, а участие в выборах НПП и ее последующее избрание в парламент сделало его де-юре многопартийным, что ни в коей мере не вступало в противоречие с конституцией. С этого момента Х. Мубарак почувствовал полную уверенность в своих силах, а НДП продолжила уверенно доминировать в Народной ассамблее (Рис. 2), в связи с чем отпала и необходимость компромисса с умеренными исламистами. Стороны де-факто объявили друг другу войну: крайние исламисты занялись активной террористической деятельностью, сотрясавшей Египет в ходе 1990-х гг., а президент начал полномасштабную операцию по ликвидации исламистских ячеек по всей стране.

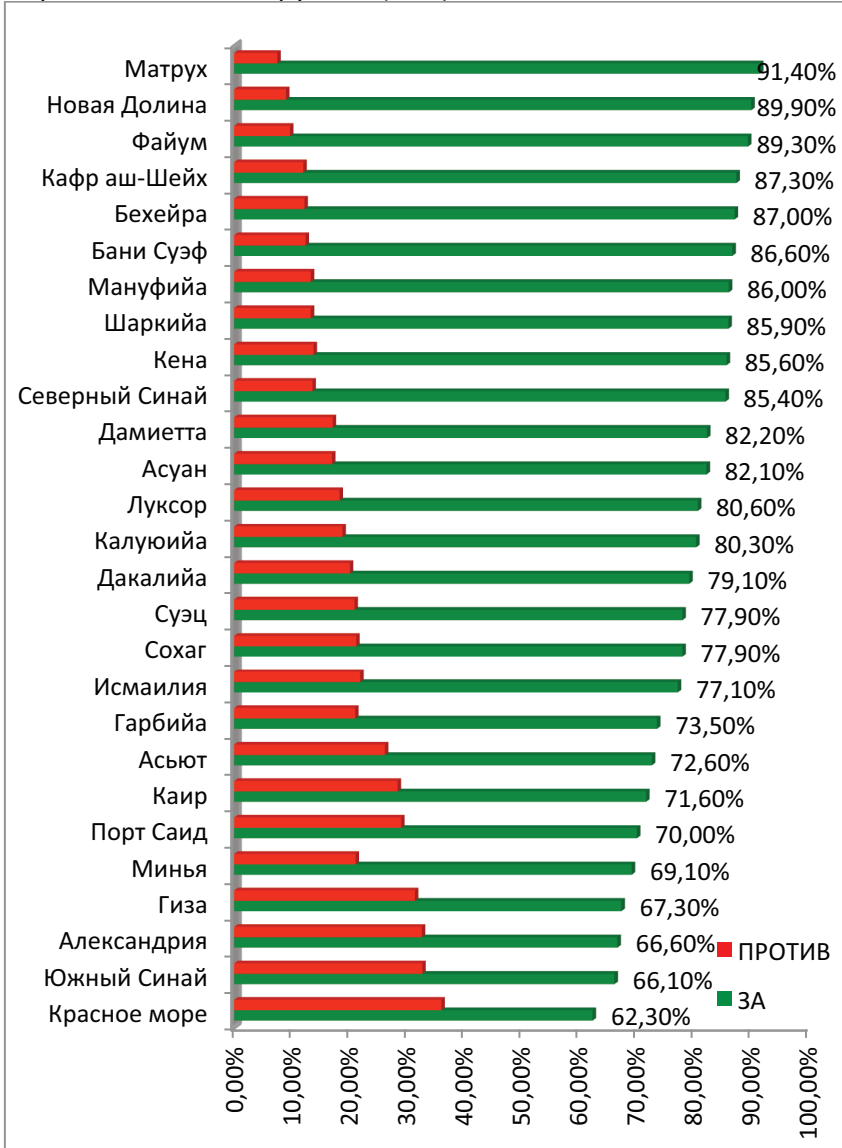
Однако перед самым уходом в феврале 2011 г. Х. Мубарак все же вынужден был, пусть и де-факто, признать «Братьев» после того, как вице-президент Омар Сулейман пригласил их за стол пере-

говоров по выходу из сложившегося в стране кризиса (см.: Исаев, Шишкина 2012). После отставки президента «Братья-мусульмане» были уже признаны и де-юре, получив впервые за всю свою историю возможность легально участвовать в предвыборной гонке, а таковых в Египте произошло за последние два года как минимум четыре.

Уже на 19 марта 2011 г. был намечен референдум по принятию временной конституционной декларации, которую исламисты окрестили «битвой за избирательные урны». Положительный исход голосования играл на руку прежде всего исламистам, у которых ввиду отсутствия НДП были наивысшие шансы победить на грядущих парламентских выборах, особенно в контексте полной разобщенности в рядах либеральной оппозиции. Не случайно салафит М. Якуб заявил, что «сказавшие на голосовании “да” стоят на стороне религии» (Исаев 2011: 182). Результаты референдума оказались для исламистов более чем убедительными: 77,27% голосов «за», 22,73% – «против».

Очевидно, что результаты референдума сыграли на руку «Братьям-мусульманам». Что касается остальных претендентов, прежде всего в виде оформлявшихся в контексте «Революции 25 января» либеральных движений, то у них не оставалось времени должным образом подготовиться к парламентским выборам в соответствии со сроками, обозначенными во временной конституционной декларации. Кроме того, перед либералами весьма остро встал вопрос об объединении. Вафд, Демократический фронт, аль-Гадд – партии с идентичной повесткой дня, способные склонить на свою сторону до двадцати миллионов избирателей. Но, выдвигая аналогичные лозунги и обращаясь с одинаковыми призывами, они рисковали запутать собственный электорат. Кроме того, либералы не имели никакой поддержки в малых городах и деревнях, а также бедных районах

Рис. 3. Результаты голосования на референдуме по принятию временной конституционной декларации Египта в марте 2011 г. по округам, (в %).

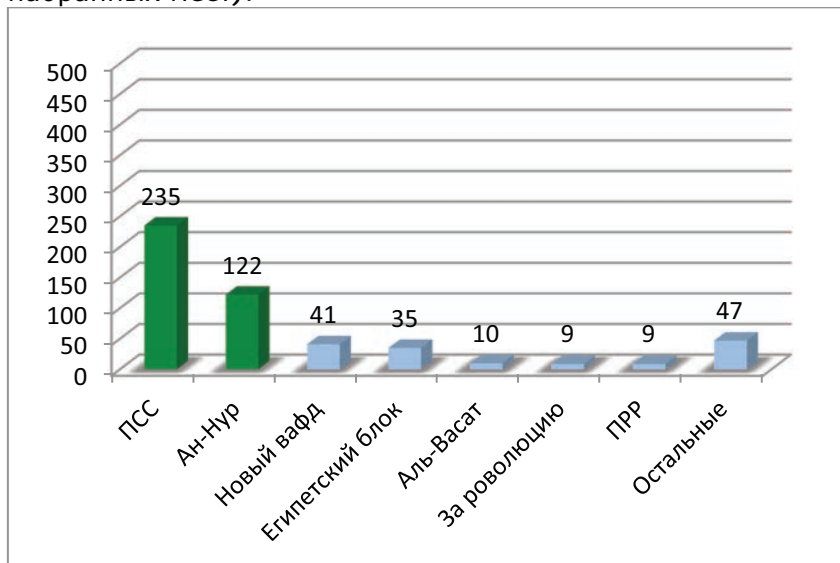

Источник: *Истифта. Миср. 2011.*

Каира и Александрии, где влияние «Братьев-мусульман» явно преобладает. Этот факт отчетливо продемонстрировали результаты референдума, в соответствии с которыми регионами с наименее убедительными для исламистов результатами оказались туристические округа Южного Синая и Красного моря, а также центральные – Гиза, Александрия, Порт Саид и Каир (Рис. 3).

Получив перед выборами в Народную ассамблею полный карт-бланш, «Братья-мусульмане» вместе с салафитами приняли за создание собственных партий. В итоге возникли, соответственно, Партия свободы и справедливости (ПСС) и ан-Нур. Даже несмотря на то, что либералам удалось добиться переноса выборов с лета на ноябрь 2011 г., исламисты одержали на них убедительную победу (Рис. 4). По результатам голосования из 508 мест в Народной ассамблее 235 получила ПСС, 123 – ан-Нур, 38 – Новый Вафд и 35 – Египетский блок.

Рис. 4. Результаты выборов в Народную ассамблею Египта в 2011-2012 гг., (по оси ординат указано кол-во набранных мест).

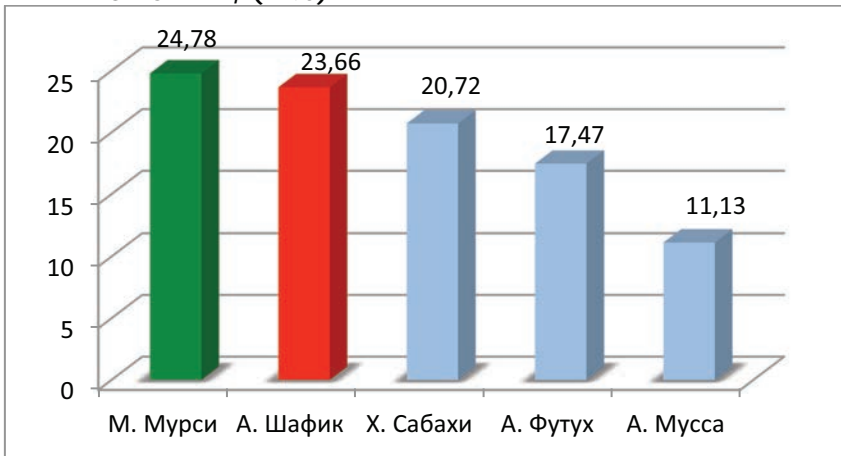

Источник: *Интихабат. Миср. 2012.*

Прим.: ПСС – Партия свободы и справедливости; «За революцию» – Альянс за продолжение революции; ПРР – Партия реформ и развития.

С этого момента в стране воцарилось двоевластие, поскольку наряду с избранным парламентом продолжал функционировать Высший совет вооруженных сил (ВСВС). Однако продолжалось это сравнительно недолго – сначала решением суда были аннулированы результаты парламентских выборов, а уже в мае 2012 г. начались президентские выборы, где основная борьба развернулась между исламистами во главе с Мухаммедом Мурси и военными, ведомыми Ахмедом Шафиком. В результате во втором туре президентских выборов 16-17 июня 2012 г. с незначительным перевесом победу одержал М. Мурси. Однако здесь примечательно то, что по результатам первого тура выборов (Рис. 5) победа исламистов была уже не столь убедительна, нежели на парламентских выборах в ноябре 2011 – декабре 2012 гг. Мурси заручился поддержкой 24,78% избирателей, в то время как его конкуренты отстали весьма незначительно: А. Шафик набрал 23,66%, Х. Сабахи – 20,72%, А. Футух – 17,47%.

Рис. 5. Результаты первого тура президентских выборов в Египте 2012 г., (в %).

Источник: *Интихабат. Миср. 2012.*

После избрания на пост президента Мурси распустил ВСВС, а исламисты де-факто стали единоличными правителями Египта. С этого момента все беды и невзгоды, которые происходили в стране (а их по независящим от президента причинам было отнюдь нема-

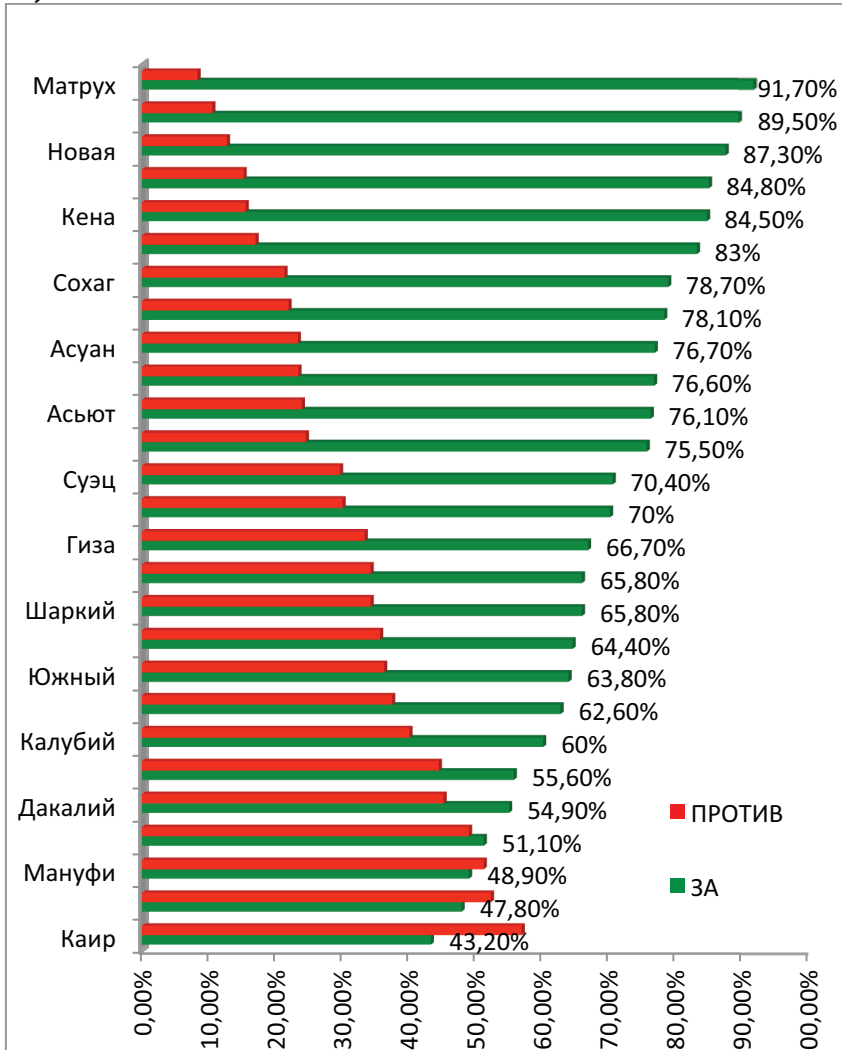
ло) ассоциировались с политикой, проводимой Мурси. Недовольство проводимой Мурси политикой по мерам выхода из социально-экономического кризиса, в который попал Египет после «арабской весны», постепенно росло и вынуждало его как можно скорее принять проект новой конституции, прозванной оппозицией «исламской». Ради этого Мурси пошел на то, чтобы отложить меры жесткой экономии госбюджета, а также решения об увеличении цен на топливо и продовольствие и т.д. В результате конституция была принята, но уже с явным «скрипом». И хотя исламистам удалось склонить большинство на свою сторону (63,83% ответили на референдуме «да»), все же результаты голосования можно расценивать как поражение оппозиции, но не триумф «Братьев».

Чем же можно объяснить победу «Братьев»? Во-первых, оппозиционные силы крайне рассогласовано подошли к референдуму. Не будучи в состоянии договориться о единой стратегии поведения на выборах, они попросту запутали свой электорат. Их отношение к предстоящему референдуму разделилось: одни утверждали, что голосование необходимо бойкотировать, другие ратовали за протестное голосование, а третьи и вовсе выступили с заявлением о том, что, получив демократически избранного президента, пусть и исламиста, было бы более правильным, как минимум, не мешать ему в реализации намеченных реформ. Во-вторых, оппозиция напрочь «забросила» работу с избирателями в регионах. Если взглянуть на результаты голосования на референдуме по провинциям (Рис. 6), то можно обнаружить лишь три округа (Каир, Гарбийя и Мануфийя), где большинство высказалось «против». Еще три проголосовали «на грани»: Порт-Саид, Александрия и Дакхалия. И все они расположены в непосредственной близости от административного центра страны.

С одной стороны, при рассмотрении результатов второго тура президентских выборов и референдума 2012 г. в Египте, может показаться, что общество оказалось расколото примерно поровну между сторонниками исламизации и ее противниками. С другой – не все 63% высказавшихся «за» принятие новой конституции Египта являются сторонниками исламизации страны. Все-таки остается достаточно большая часть неопределившегося электората, которая выступает, прежде всего, за скорейшую нормализацию политиче-

ской жизни страны. Сюда же следует включить и недовольную своим местом и ролью в послемубараковском Египте молодежь,

Рис. 6. Результаты голосования на референдуме по принятию конституции Египта в декабре 2012 г. по округам, (в %).

Источник: *Интихабат. Миср. 2012.*

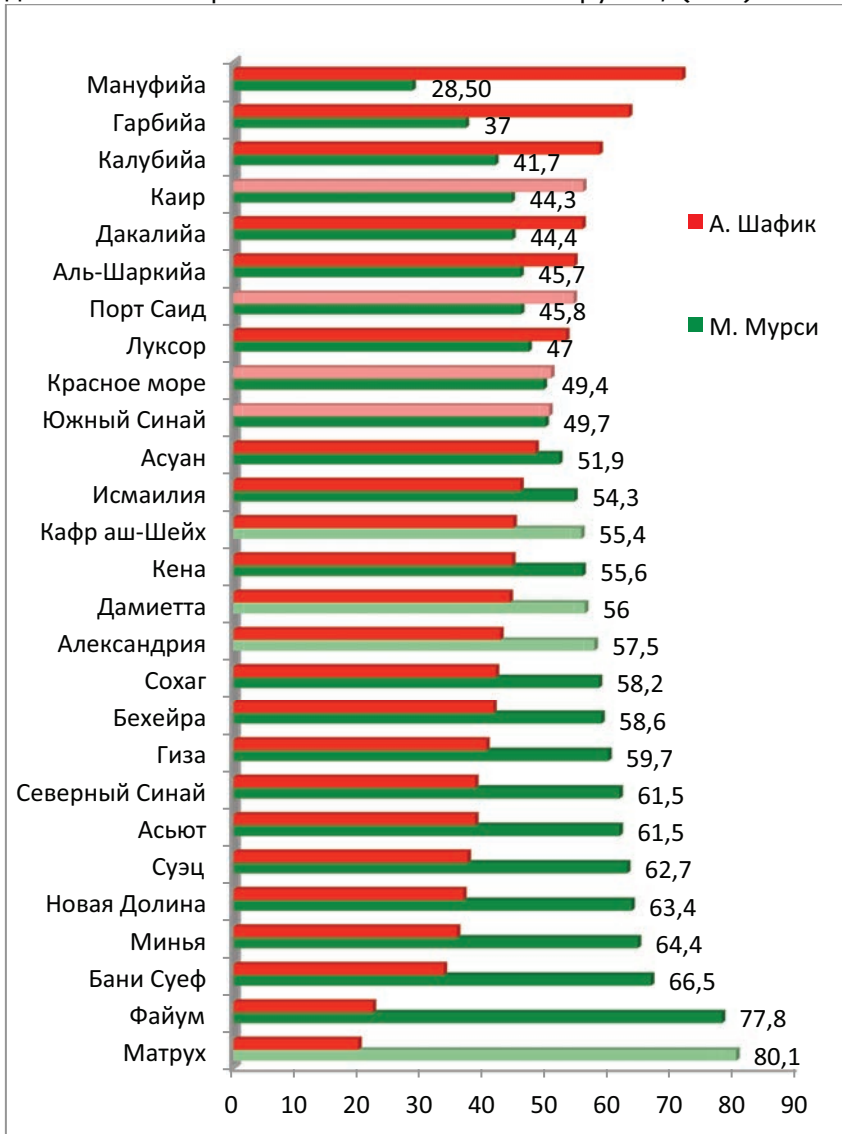
не желающую ни продолжения политики прежнего армейского руководства, ни движения по пути к исламской республике.

В этой связи хорошим индикатором является первый тур президентских выборов 2012 г., в соответствии с которым электорат сторонников исламизации составил четверть населения страны. Примерно столько же оказалось у сторонников олицетворяющего эпоху Мубарака А. Шафика, у которых не было возможности найти достойную нишу на парламентских выборах ввиду прекращения деятельности Национально-демократической партии. Кроме того, свои кандидаты были и у египетской молодежи, большая часть которой поддержала Х. Сабахи, что составило пятую часть проголосовавших. Голосование же во втором туре президентских выборов и на референдуме 2012 г. для многих было выбором «наименьшего из двух зол». Таким образом, М. Мурси оказался чуть более приемлимым, чем А. Шафик, а наличие конституции было предпочтительнее, нежели продолжение пребывания в состоянии правовой фрустрации.

Наконец, следует обратиться к опыту голосования в египетских регионах. Если на референдуме в марте 2011 г. не было ни одного региона, где противники принятия временной конституционной декларации смогли бы получить большинство голосов (Рис. 5), то впоследствии ситуация стала меняться. На президентских выборах наметилась любопытная тенденция. После первого тура выборов М. Мурси набрал большинство в 13 округах страны (в первую очередь в Долине Нила, Северном Синае и западных провинциях). В свою очередь А. Шафик лидировал в 5 округах, расположенных в Дельте Нила (Дакалийа, Шаркийа, Гарбийа, Калубийа и Моноуфийа), а также Луксоре.

Во втором туре регионы, симпатизировавшие Амр Муссе (Южный Синай) и А. Фугуху (Матрух и Дамиетта), перешли на сторону А. Шафика и М. Мурси, соответственно. Это вполне объяснимо: Фугух в период 1987-2009 гг. входил в руководство «Братьев», а программа Муссы больше соответствовала тому, что предлагал Шафик, нежели Мурси. А пять округов, поддержавших в первом туре Х. Сабахи, разделились: центральные районы Каир и Порт Саид, а также туристический округ Красное море в большинстве своем поддержали Шафика, а Александрия и Кафр аш-Шейх проголосовали за Мурси (Рис. 7).

Рис. 7. Результаты голосования во втором туре президентских выборов в Египте 2012 г. по округам, (в %).

Источник: *Интихабат. Миср. 2012.*

Прим.: более тусклым цветом выделены округа, где один из кандидатов не смог победить в первом туре, но добился успеха во втором.

Однако М. Мурси вплотную столкнулся с необходимостью проведения крайне непопулярной политики по преодолению социально-экономического кризиса в стране. Это уже продемонстрировало голосование на референдуме 2012 г., когда поддержка проталкиваемой исламистами конституции была не столь очевидна, как это имело место в марте 2011 г. на голосовании по принятию временной конституционной декларации. Очевидно, что решить социально-экономические вопросы путем пропаганды ислама и популистских лозунгов не удавалось, а это означало, что президенту пришлось бы отступить от политики исламизации, что привело бы к расколу среди исламистов Египта, в противном случае все разочарования, связанные с стагнирующими (а то и вовсе ухудшающимися) условиями жизни населения и нерешенностью социально-экономических проблем, прочно ассоциировались бы с периодом правления исламистов. Очевидно, это резко сказалось на их поддержке со стороны граждан. Вторая египетская революция, начавшаяся в Каире летом 2013 года и завершившаяся отстранением президента Мурси от власти, свидетельствует о том, что будущее исламистов в Египте, несмотря на всех их победы и достижения, отнюдь нельзя признать безоблачным (Исаев 2013).

Библиография

Аль-Хабиши А. 2008. Почему Братья-мусульмане ненавидят Гамалю Абдель Насера? // *Middle East Transparent*, 13.01.2008. URL: http://www.middleeasttransparent.com/article.php3?id_article=3389.

Видясова М.Ф. 2009. Египетская модель: демократизация на фоне чрезвычайного положения // *Современная Африка: метаморфозы политической власти* / отв ред. А.М. Васильев. М.

Интихабат. Миср. 2012. *Официальный сайт выборов в АРЕ*. URL: <https://www.elections.eg>.

Исаев Л.М. 2011. Демократическая зима в Северной Африке // *Неприкосновенный запас*, №3.

Исаев Л.М. 2013. «Арабская весна» и исламское государство // *Неприкосновенный запас*, №4.

Исаев Л.М., Шишкина А.Р. 2012. *Египетская смута XXI века*. М.

Истифта. Миср. 2011. *Официальный сайт референдума в АРЕ*. URL: <http://referendum2011.elections.eg>.

Капель Ж. 2004. *Джихад: экспансия и закат исламизма*. М.

Beattie К.Ж. 2000. *Egypt during the Sadat years*. NY.

Nohlen D., Krennerich M., Thibaut B. 1999. *Elections in Africa: A Data Handbook*. Oxford.

«Смутное время» продолжается?

Спустя почти три года после свержения режима Хосни Мубарака в результате революции 25 января 2011 г. Египет продолжает приковывать самое пристальное внимание, напоминая своей непредсказуемостью то ли бушующий вулкан, то ли театр боевых действий. Многочисленные жертвы – сотни убитых и тысячи раненых – стали уже обязательным следствием нескончаемых демонстраций противников и сторонников режима. С тяжелейшими боями на политических и экономических полях страны прежние власти в лице «Братьев-мусульман» пытались отвоевывать право на управление крупнейшим в арабском мире государством. Они пытались доказать всему миру свою состоятельность и умеренность, не отказываясь от своих еще мало понятных для мирового сообщества целей. Эта борьба сопровождалась перекройкой под свои интересы и цели десятилетиями создававшихся государственных институтов Страны пирамид и попытками предотвратить её экономический крах. Тем не менее, их усилий оказалось недостаточно: события развивались в логике нараставшего противостояния правительства «Братьев-мусульман», с одной стороны, и светски ориентированных слоев и армии, с другой, неуклонно приближавших древнюю страну к драматической развязке.

ЧАСТЬ I. ИСЛАМСКОЕ «ДА» ПРОТИВ СВЕТСКОГО «НЕТ»

Очередной вехой этого процесса стало противоборство в связи с принятием новой египетской конституции, которая вошла в историю Египта как конституция 2012 года.

«Я не читал текст конституции, но я хочу, чтобы в Египет вернулась стабильность». Эта фраза уличного торговца в Каире как нельзя ярче демонстрирует настроения, с которыми большинство участников всенародного референдума по Основному закону пришли к урнам для голосования. Сам референдум в Стране

пирамид состоялся в непривычном для мировой политической практики двухраундовом формате – 15 и 22 декабря 2013 г.

Безусловно, этот мотив нельзя назвать единственным фактором, стимулировавшим 17 млн человек, оказавшихся более активными из 52 млн зарегистрированных и имеющих право голоса, отстоять многочасовые очереди, чтобы поставить «галочку» в красном или синем кружочке бюллетеня для голосования. Однако он оказался преобладающим и помог склонить чашу весов в пользу утверждения конституции.

По официальным данным, озвученным главой Центральной избирательной комиссии Египта Самиром Абу аль-Мааты, проект новой конституции поддержали 63,8% избирателей (10,693 млн), проголосовали против – 36,2% (6,610 млн). Сухая статистика свидетельствует, что явка составила 32,9%. В действительности же эта цифра скрывает и политическую аморфность египетского общества, существенную часть которого составляют неграмотные бедняки, и запуганность меньшинств, и слабость политических сил в мобилизации электората.

Тем не менее, с полной уверенностью можно утверждать, что египтяне в основной своей массе устали от неопределенности и нестабильности «смутного времени» и надеялись, что новая конституция станет отправной точкой для нормализации внутривнутриполитической ситуации, положит начало социально-экономическим переменам. Вот, пожалуй, одна из основных причин, почему население не стало принимать в расчёт спорные положения Основного закона, даже несмотря на то, что он во многом отвечал интересам находящихся у власти «Братьев-мусульман».

В его основу была положена конституция 1971 г., принятая при Хосни Мубараке. Наибольшие споры вызвали статьи 2 и 219, содержавшие отсылки к нормам шариата (исламского закона).

Статью 2 удалось сохранить в формулировке, существовавшей последние 40 лет: «Положения шариата являются основным источником законодательства», с дополнениями в следующей, ст. 3, о том, что гражданские и религиозные дела проживающих в Египте коптов (христиан) и иудеев, а также выборы их духовных лидеров регулируются в соответствии с законодательными нормами этих конфессий. Тем не менее, исламисты, уступив в

этом, провели свои формулировки через ст. 219, которая сводилась к тому, что правоприменительная практика строится на основе коранических принципов шариата.

Не меньшие разногласия и широкое поле для выгодного трактования вызвала и статья об образовании. Конституция гарантировала всем гражданам право «на получение качественного образования, которое является бесплатным на различных этапах в государственных образовательных учреждениях». Текст предписывал «всем государственным и частным образовательным учреждениям следовать государственным учебным планам и целям, а также обеспечивать связь между образованием и потребностями общества и производства», что, как и прежде, ставило египетское образование в зависимость от целей и текущих интересов правящей верхушки государства.

Основной закон ограничил срок президентства четырьмя годами с правом однократного переизбрания. Впрочем, это положение было прописано еще в конституционной декларации, принятой армией после «революции 25 января» и позднее отмененной Мухаммедом Мурси. В прежней конституции был прописан 6-летний срок президентских полномочий с правом неограниченного переизбрания. Отдельно в документе указан срок службы генерального прокурора – также 4 года. Его должен был назначать лично глава государства.

Безусловно, конституция является основой для любого государства и дает возможность формировать общественные устои. Однако в Египте референдум по основному закону и последовавшие за ним события опровергли эту истину, поскольку они наглядно продемонстрировали новое явление в египетской политической жизни – раскол общества по религиозно-политическому признаку. Четкая граница разделила египтян на два лагеря: исламский (используем этот термин, поскольку понятие «исламистский» несет сугубо политический оттенок, хотя ниже по тексту оно и будет употребляться – *прим. авт.*) и светский, сторонники которого пытались не допустить установления в стране новой диктатуры и, в конечном итоге, добились своего – свергли Мухаммеда Мурси.

Конституционная декларация Мурси – вызов обществу?

Последний в 2012 году и, пожалуй, наиболее масштабный с момента «революции 25 января» политический кризис в Египте вспыхнул 22 ноября, когда президент Мухаммед Мурси, представитель религиозно-политической организации – ассоциация «Братьев-мусульман» (АБМ), издал свою конституционную декларацию, направленную на ограничение полномочий судебной системы. Вопреки существовавшим на тот момент законам, он уволил генерального прокурора Абд аль-Магида Махмуда, при котором решением уголовного суда была оправдана группа функционеров эпохи Мубарака по одному из самых значительных эпизодов революции – делу о «битве на верблюдах». Кроме того, Мурси замкнул на себе все ветви власти, одновременно наделив свои решения иммунитетом от судебных оценок. По сути, судебная система страны, исторически пользовавшаяся наибольшим доверием у населения, была изолирована, а президент расчистил себе поле для более масштабных политических маневров.

В дополнение к декларации президент издал новый «Закон о защите январской революции», предусматривавший начало повторных судебных разбирательств в отношении лиц, виновных в убийствах демонстрантов в дни «Революции 25 января», а также тех, кто провоцировал нападения на протестующих, участвовал в пытках и издевательствах над ними. Это решение фактически развязало кампанию гонений и преследований функционеров свергнутого режима, многие из которых сохраняли свои позиции в государственных структурах.

Эти беспрецедентные и весьма рискованные решения вызвали резкое неприятие со стороны светских сил и даже некоторых групп и отдельных деятелей, ассоциирующих себя с политическим исламом.

«Президент подорвал понятие государственности и законности, узурпировал власть, провозгласив себя наместником Всевышнего на земле и назвав себя новым фараоном, – заявил Мухаммед аль-Барадеи, бывший глава МАГАТЭ, лидер партии «Дустур» («Конституция»). – Это удар по революции, который может иметь самые непредсказуемые последствия».

В свою очередь, Амр Муса, возглавляющий партию «Египетский конгресс», предостерег: «Страна стоит на пороге серьезной дестабилизации. Египтяне не примут нового диктатора, возможны новые волнения». Он подчеркнул, что страна «входит в фазу, далекую от демократии и верховенства закона».

По словам Ахмеда Шафика, бывшего главы правительства и основного соперника Мурси на президентских выборах 2012 г., президент полностью пренебрег законностью. «То, что сделал Мурси, не было в истории Египта со времен колониализма, – утверждал он. – Президент подорвал основы власти и подмял под себя все полномочия, сделав себя абсолютным правителем, чем оскорбил почти 90 млн египтян, ставших свидетелями его жадности». Бурная реакция последовала и со стороны судебных органов. В знак протеста судьи по всей стране объявили забастовки. Верховный суд заявил, что «указы главы государства беспрецедентны по своим нападкам на свободу суда и его решений». Конституционный суд страны начал рассматривать возможность вынесения президенту импичмента за нарушение присяги и подрыв конституционных основ государства.

Обстановка накалялась с каждым днем. Стоит заметить, что решение Мурси было объявлено на фоне продолжавшихся уже три дня столкновений агрессивной настроенной молодежи с силами правопорядка на улице Мухаммеда Махмуда, прилегающей к площади Тахрир. Митинг, организованный в память о жертвах трагических событий конца ноября 2011 г., когда в беспорядках погибли более 40 человек, быстро перерос в затяжное противостояние, как только толпа начала предпринимать попытки прорваться к расположенному здесь зданию МВД, а полиция в ответ была вынуждена использовать слезоточивый газ. Обнародованный президентом указ только подлил масла в огонь. На Тахрире моментально появились растяжки «Вход “Братьям” запрещен» и портреты, изображающие пополам лица Мурси и Мубарака, с подписью – «Мухаммед Мурси Мубарак» (карикатурный коллаж был совмещен с игрой слов в именах двух президентов – Мухаммед Мурси и Мухаммед Хосни Мубарак. – *прим. авт.*).

Подобным образом развивались события и в других городах. В Александрии, Суэце, Асьюте, Исмаилии, Порт-Саиде

протестующие атаковали штаб-квартиры и офисы Партии свободы и справедливости (ПСС), политического крыла ассоциации «Братьев-мусульман». Многие из них были сожжены. Счет пострадавших в столкновениях пошел на десятки.

Власти не ожидали такого поворота событий и не были полностью к ним готовы. Официальный представитель президентской администрации Ясир Али попытался пояснить, что расширенные президентские полномочия «носят временный характер», а сама конституционная декларация призвана «исключить политизацию судебной системы» и наказать тех, кто ответственен за коррупцию и другие преступления, совершенные в эпоху прежнего режима. При этом он призвал политические силы к диалогу.

Тем не менее, на уступки власть предержавшие идти не собирались. «Страна встала на путь свободы и демократии. Мы идем вперед и никто не преградит нам дорогу, – заявил президент Мурси в обращении к своим сторонникам на следующий день после публикации своих указов. – Я исполняю свой долг в угоду Всевышнему и родине, а решения принимаю, выслушав всех». Комментируя принятые накануне решения, наделяющие его исключительными полномочиями, он заявил: «Я обращаюсь ко всем египтянам, противникам и поддерживающим меня, тем, кто долго страдал от коррупции, диктатуры и несправедливости. Я на стороне народа и его воли, новой декларацией я не собираюсь ни с кем сводить счеты. Она не направлена против кого-либо и никого не дискриминирует». «Я никогда не стремился и не стремлюсь узурпировать законодательную власть, – заявил он. – Однако я обещал, что вмешаюсь, если увижу, что наша родина в опасности. И именно это я и сделал». Глава государства напомнил о «разнице между настоящими революционерами и преступниками, которых нанимают, в том числе на деньги коррупционеров, чтобы атаковать государственные учреждения». «Этого мы позволить не можем, и привлечем тех, кто разжигает беспорядки за звонкую монету, к ответственности в рамках закона».

«Мы уже достигли ряда целей революции, но другие еще предстоит достичь, – заявил Мурси. – И я призываю всех смотреть не себе под ноги, а вперед, ведь мы все хотим великого будущего. Я буду гарантом независимости исполнительной, судебной и

законодательной власти. Ведь только через законы и государственность мы сможем продвигать Египет вперед».

Заявление президент не оправдало надежд и не стало поворотным моментом к разрядке. Скорее наоборот, оно было воспринято как признание всего того, в чем он, Мурси, собственно, обвинялся. Его противники встретили выступление негодованием и требованиями оставить президентский пост. Волна массовых акций протеста и беспорядков начала распространяться по всей стране, количество пострадавших только за первые три дня превысило 500 человек. На этом фоне советники главы государства один за другим подали в отставку. Этот шаг наиболее выразительно пояснила известный публицист Сакина Фуад: «Я приняла этот пост, чтобы быть полезной стране, но когда стало ясно, что президент не нуждается в советах своих помощников, я поняла, что мое дальнейшее присутствие там бессмысленно».

Единение на фоне раскола

Однако «декларация Мурси» оказала обратное задуманному действие – она привела к укреплению единства либерально-демократических и светских сил Египта, которые всего за несколько недель до того представлялись разобщенными, соперничающими друг с другом партиями и движениями. Сразу после появления декларации они заявили о формировании «Фронта национального спасения», объединившего оппозицию под коллективным руководством наиболее видных лидеров: главы партии «Египетский конгресс», бывшего кандидата в президенты Амра Мусы, еще одного экс-кандидата на президентский пост, возглавляющего ныне «Египетское национальное течение» насериста Хамдина Саббахи и упоминавшегося выше Мухаммеда аль-Барадеи. Кроме того, намерение присоединиться к либералам высказывал и умеренный исламист, «изгнанный» из Бюро наставников ассоциации «Братьев-мусульман» Абд аль-Мунейм Абуль Фугух, руководитель партии «Сильный Египет».

«Не было бы счастья, да несчастье помогло» – противоречия и разногласия, помешавшие египетским либералам, социалистам, насеристам и более мелким политическим силам привлечь достаточное для победы количество избирателей в парламентских выборах осенью 2011 г., были отодвинуты на второй план,

оппозиция сплотилась против общего противника. И это при том, что всего за месяц до указанных событий многочисленные аналитики, эксперты и наблюдатели говорили о наличии глубокой разобщенности оппозиционных сил, соперничестве и конкуренции между лидерами, считая бесперспективной саму идею такого объединения.

Уже 24 ноября они провели первое совместное заседание, на котором постарались выработать план действий или, скорее, противодействий «президентскому произволу». В самых общих чертах он был озвучен Х. Саббахи, заявившего, что никакого диалога с Мурси не будет до отмены конституционной декларации. «Мы будем говорить с настоящим президентом, а не с полубогом», – подчеркнул он, сообщив, что уже 27 ноября оппозиция организует «марш миллионов».

Дальнейшие события подтвердили, что сплоченная оппозиция действительно является мощной силой, способной на деле привлечь финансирование, организовать массы и провести крупнейшие после «Революции 25 января» демонстрации протеста, по масштабности и напряженности угрожавшие перерасти в новое восстание. Не исключено, что лидеры оппозиции на это и рассчитывали, полагая, что у них появился шанс «свалить» режим.

Были выбраны цель и место проведения манифестаций – президентский дворец «аль-Иттихадийа» в каирском районе «Гелиополис». Изначально десятки, а по некоторым оценкам, несколько сотен тысяч противников Мурси начали собираться на площади Тахрир. Главными требованиями демонстрантов были: отмена Конституционной декларации, формирование новой комиссии по созданию конституции, которая отвечала бы интересам всех египтян. «Долой, долой президента», – скандировала толпа. – «Долой, долой власть муршида» (имелся в виду верховный наставник «Братьев-мусульман» Мухаммед Бадиа, который, как считали многие, стоял за многими политическими решениями). Независимые комментаторы даже на страницах СМИ, не говоря уже о разговорах на улицах и в кафе, дискуссиях в социальных сетях, открыто заявляли, что Мурси лишь выполняет волю Бюро наставников АБМ. Роль же «серого кардинала» и главного распорядителя судьбой Египта отводилась именно Бадиа и его заместителю Хайрату Шатыру.

Как заявила в студии египетского информационного телеканала ВВС известная публицист, журналист, ведущая программы «Столица» Лямис аль-Хадида, «происходящее сейчас в Каире – не революция, а восстание»,... «нацеленное на возвращение уважения к законам, и это – прямое послание президенту Мурси, которое ему стоит услышать, чтобы страна не оказалась разорванной гражданской войной», – отметила она.

Ушла ли армия в казармы?

В августе 2012 г., спустя всего несколько дней с момента инаугурации, президент Мурси распустил Высший совет вооруженных сил Египта, руководивший страной после революции, и отправил на пенсию его главу фельдмаршала Хусейна Тантауи, а также начальника Генерального штаба генерала Сами Анана, наделив себя правом законодательной власти. Это первое решение главы государства вызвало широкий резонанс в обществе, однако его отголоски затихли достаточно быстро, поскольку никаких заявлений или противодействий со стороны армии не последовало.

По мнению многих наблюдателей, власти заключили с военными сделку, потребовав от них не вмешиваться во внутривосточный процесс и взамен пообещав не касаться сугубо армейских дел и контролируемого военными бизнеса, а также, что не менее важно, не привлекать к уголовной ответственности генералитет. Был назначен новый, по утверждениям прессы, близкий по взглядам к АБМ, министр обороны Абд аль-Фаттах ас-Сиси, ранее руководивший военной разведкой (одновременно он был известен и связями с США). И армия, как того требовали «народные революционные массы», вернулась в казармы и занялась своими профессиональными обязанностями. Казалось, что военные фактически исчезли из активной политической жизни: до декабря 2012 г. в СМИ лишь изредка появлялись сообщения о деятельности военных на Синае и буднях боевой подготовки.

Поэтому заявление (Ibrahim 2012) официального представителя министерства обороны, сделанное 8 декабря на пике напряженности между двумя противостоящими лагерями, произвело эффект разорвавшейся бомбы. Было очевидно, что оно

стало полной неожиданностью как для светских противников нового режима, хотя, возможно, и рассчитывавших на него, так и на власти, с которыми этот демарш, по всей видимости, не был согласован. «Вооруженные силы наблюдают за происходящими событиями с возрастающей обеспокоенностью, – говорилось в заявлении. – Ситуация угрожает поглотить основы египетского государства и национальной безопасности. Вооруженные силы несут ответственность за защиту высших интересов страны, ее жизненно важных институтов и интересов простых людей». Военные призвали противников к диалогу, подчеркнув, что «это наилучший и единственный путь достигнуть консенсуса». «Отказ от него заведет нас в тупик и может закончиться катастрофой, чего мы не допустим!»

Как отметил отставной генерал Махмуд Халаф, заявление – «это послание всем политическим игрокам». «Это призыв всем силам, партиям и движениям найти компромисс и содействовать национальному диалогу, – отметил он. – Оно дает понять, что военные могут вмешаться, если кризис выйдет из-под контроля». Он особо подчеркнул: «Армия четко хочет остаться в стороне от политики, но у нее не будет другого выбора, как активно действовать, если национальная безопасность окажется под угрозой» (Ibrahim 2012).

Военные этим не ограничились. Спустя несколько дней министр обороны пригласил представителей всех партий на обед, как он выразился – «в знак любви к Египту». Ас-Сисси указал, что переговоры не будут носить политического характера. «Мы просто сядем вместе как египтяне», – сказал он.

Встреча так и не состоялась, но каждая из сторон поспешила истолковать «армейский демарш» в свою пользу. Представитель АБМ Махмуд Гозлян приветствовал заявление как демонстрацию поддержки президенту. Сторонники же светских сил, наоборот, подчеркивали, что это предупреждение Мурси и исламистам о том, что армия готова сделать все необходимое для восстановления безопасности и стабильности. Независимые комментаторы, тем временем, пришли к выводу, что «данное устное вмешательство» может свидетельствовать об обмене «дружескими сигналами» между армией и оппозицией.

Президентская администрация очень быстро и крайне нервно отреагировала на приглашение министра обороны. Официальный представитель президента Ясир Али заявил, что глава государства уже ведет диалог с разными политическими силами и не намерен присутствовать на этой встрече. «Инициатива национального диалога только одна, и она уже была озвучена президентом», – отметил он.

Напрашивался вывод о том, что якобы закрывшуюся в казармах армию еще рано списывать с политической арены Египта. Очевидно также, что столь противоречивая ситуация положила начало недопониманию или, скорее, заметно подогрела напряженность и взаимное недоверие между армейским командованием и президентской командой, т.е. «Братьями-мусульманами». При этом близкие к военным кругам эксперты утверждали, что подавляющая часть генералитета во главе с министром обороны предпочитает держаться в стороне от обострившихся внутривнутриполитических разногласий, не оказывая поддержки президенту в поиске снятия напряженности и примирения с оппозицией, но и не помогая последней в ее борьбе против новых властей.

А остальные силовики?..

Действия правоохранительных органов также нельзя со стопроцентной уверенностью охарактеризовать как защиту интересов властей и государства. Они подверглись жесткой критике со стороны АБМ за недостаточные усилия по недопущению нападений на офисы и представительства «Братьев-мусульман» и их политического крыла – Партии свободы и справедливости. Известно, что в различных провинциях были сожжены 28 офисов ПСС, в том числе главная штаб-квартира АБМ, с помпой открытая после революции в столичном районе «Мукаттам». Представители АБМ даже потребовали предать суду главу МВД Ахмеда Гамаль ад-Дина «за отказ охранять представительства АБМ от нападений».

А ведь еще совсем незадолго до того МВД вело себя жестко, не церемонясь, применяло спецсредства для разгона толпы на улице Мухаммеда Махмуда, и вдруг такая безответственность и полное бездействие, чтобы помешать преступным акциям. Однако взгляд

через политическую призму многое объясняет. В ноябре полиция защищала государственные институты и противодействовала массовым преступлениям, погромам и бесчинствам разгоряченной толпы, преимущественно молодежи во главе с воинствующими футбольными фанатами «Ультрас». События же у дворца «аль-Иттихадийа» носили исключительно политическую окраску, причем полностью вписывались в рамки цивилизованной или, как ее называют в Египте, «демократической оппозиционной борьбы». Даже когда подошедшие в район дворца колонны исламистов – сторонников Мурси начали провоцировать, а затем и атаковали оппозиционеров, полиция не применяла силу, лишь пыталась разделить противоборствующие стороны, встав между ними живым щитом.

Тем не менее, многие эксперты оценивают действия полиции и правоохранительных органов как в высшей степени выверенные. С одной стороны, они не допустили перерастания столкновений в неконтролируемые беспорядки, а с другой – смогли в целом избежать серьезных обвинений в симпатиях к той или иной из сторон.

Конфликт исламистов и судебной власти

«Беспрецедентными по своим нападкам на свободу суда и его решения» назвал указы главы государства представитель Верховного суда. В тот же день, когда президент объявил свою конституционную декларацию, на фоне возмущенных заявлений о «неприкрытом вмешательстве президента в работу судебной власти и подрыве ее устоев» было созвано экстренное заседание Высшей совета судей (ВСС). «Мы не собираемся молчать и наш ответ будет жестким, – была их первая реакция. – Поползновения Мурси на судебную власть неприемлемы». По итогам встречи было принято решение о приостановке работы судов всех инстанций. По всей стране судьи начали объявлять забастовки, отказываться выходить на работу. Отлаженный механизм судебной машины дал сбой.

Конституционный суд Египта приступил к изучению возможности вынесения импичмента президенту за нарушение присяги и подрыв конституционных основ. Суд принял к рассмотрению иск, требующий отмены Конституционной обжалование «любых его деклараций и решений, изданных с

момента вступления в должность 30 июня декларации. Причем это произошло вопреки запрету руководителя страны на с.г.».

Мурси попытался пойти навстречу судьям и с этой целью провел консультации с представителями ВСС. Однако вновь, вопреки ожиданиям части наблюдателей и общества, было заявлено, что никаких поправок в конституционную декларацию вноситься не будет, хотя представитель президентской администрации Ясир Али отметил, что Мурси остается приверженцем независимости судебной власти и будет избегать любой ее конфронтации с исполнительной.

В результате, президент не смог заручиться поддержкой юристов, которые, заявив о провале встречи, раскрыли ее подробности. Беседа продолжалась всего 30 минут, после чего Мурси ушел, а убеждать судей остались вице-президент Махмуд Мекки и министр юстиции Ахмед Мекки. Но склонить «коллег по цеху» на свою сторону им так и не удалось. Ярким тому подтверждением стало решение египетского Клуба судей – профессиональной организации юристов страны – бойкотировать референдум по проекту конституции и не направлять на него своих представителей для наблюдения за ходом голосования.

Однако далеко не все служители египетской феиды были готовы действовать в духе громких протестных заявлений. Как только улеглись первые эмоции, одно за другим начали появляться «особые» высказывания, наглядно продемонстрировавшие неоднородность многотысячного судейского сообщества. Несмотря на провальный итог переговоров с президентом, Высший совет судей все же принял «раскольническое» решение делегировать своих представителей и членов генеральной прокуратуры для мониторинга народного волеизъявления по новой конституции. По мнению египетских политологов, в руководящих кругах высшего органа юстиции, контролирующего работу всей судебной власти, взяло верх чувство долга и ответственности за судьбу страны, да и за свое собственное будущее.

Судейским протестом не преминули воспользоваться различные исламистские организации, поспешившие выразить готовность направить на референдум своих наблюдателей. Имамы мечетей и богословы из Союза проповедников Египта заявили о «готовности выполнить эту историческую миссию вместо судей». Стоит

отметить, что большинство представителей этого союза, включающего, по некоторым оценкам, около 55 тыс. человек, являются активными членами АБМ. Желание следить за ходом голосования выразило и Движение судей в защиту Египта – неправительственная организация, целиком состоявшая из исламистов.

Как отмечали СМИ, за решением ВСС взять весь процесс референдума в свои руки и не допустить фальсификации и нарушений стояла неафишируемая сделка с Мурси, который дал гарантии не применять в дальнейшем свою Конституционную декларацию.

Власти не выпускали из-под контроля ситуацию в судебном корпусе и исподволь подталкивали его руководящие органы к «правильному решению». Как заявил в интервью газете «аль-Ахрам» один из лидеров ПСС Ахмед Абу Барака, «в случае бойкота судьями всенародного референдума по конституции президент страны вправе привлечь к мониторингу за волеизъявлением граждан адвокатов, профессуру вузов и других представителей общественности, способных выполнить свою работу беспристрастно».

Президентская декларация – фактор обострения

В сложившейся противоречивой, хаотично изменяющейся обстановке наибольшее хладнокровие, на первый взгляд, проявили сам инициатор напряженности президент Мурси и его команда. Анализируя действия руководящих кругов страны, местные эксперты сошлись во мнении, что президентское окружение сознательно пошло на риск дестабилизации обстановки, чтобы переломить затянувшуюся стагнацию политического процесса и, протолкнув столь необходимое принятие конституции, перейти к новому этапу – формированию нового состава парламента, где «Братья» рассчитывали сохранить или укрепить свои позиции.

Пока оппозиция планировала и организовывала массовые акции протеста и неповиновения, Высшей конституционной комиссии было дано четкое указание – до конца ноября завершить работу и представить проект основного закона президенту. Расчёт на то, что представители светских сил «в пылу демонстраций» откажутся от участия в работе конституционной комиссии, полностью

оправдался. Из 100 членов комиссии 28, представлявших оппозицию, заявили о бойкоте ее деятельности. Однако это не помешало большинству оперативно согласовать все технические детали и уже 30 ноября в прямом эфире египетского телевидения обнародовать итоговый проект конституции, который в тот же день был передан на утверждение президенту. Решением Мурси проведение всенародного референдума было назначено на 15 декабря.

Это заявление вызвало новую, еще более масштабную критику и акции протеста. В течение трех дней и ночей – с 4 по 6 декабря - в стране, казалось, началась новая революция. Такого массового скопления людей, ожесточенных столкновений, непримиримости и готовности идти до конца Египет не видел с февраля 2011 г. На этот раз светские и либеральные партии избрали главным объектом манифестаций президентский дворец «аль-Иттихадийа», основными требованиями – отмену Конституционной декларации и отсрочку референдума.

Сотни тысяч недовольных людей заполнили прилегающие к президентскому комплексу улицы и площади. При таком скоплении народа демонстрация, предполагавшаяся как мирная акция, не могла не перерасти в беспорядки, которые не обошлись без жертв и пострадавших. Только по официальным данным министерства здравоохранения, пять человек погибли, более 600 получили различные травмы. Прокуратура сообщала о семи убитых.

Как и раньше, география противостояния не ограничилась только Каиром. Нападениям подверглись штаб-квартиры и представительства АБМ и ПСС фактически во всех провинциях. В стычках противники и сторонники новой власти использовали весь свой арсенал: от палок и камней до бутылок с зажигательной смесью и огнестрельного оружия. Горели машины, магазины, общественные здания. Многие горожане, оказавшихся в «зоне боевых действий», покидали свои жилища и искали прибежища у родственников и знакомых в более безопасных районах. Настал момент, когда даже египетские силовики дрогнули, назвав происходящее около президентского дворца «гражданской войной».

Лишь после вмешательства президентской гвардии и размещения вокруг «аль-Иттихадийи» бронетехники накал борьбы начал спадать. Правда, и лидеры с обеих сторон, осознавая критичность ситуации, попытались сдержать нарастание страстей. Кульминацией же кризиса, после которой напряженность начала спадать, стало транслированное 6 декабря национальным телевидением обращение президента к нации (Ahram Online 2012), Мурси призвал все политические силы к всеобъемлющему диалогу, но одновременно дал понять, что отступить от своих планов и решений не намерен. «Мы должны начать диалог, который объединит нацию, положит конец расколу и конфронтации, - заявил глава государства. – Мы будем обсуждать закон о выборах и «дорожную карту» на период после референдума».

«Обнародованная 22 ноября конституционная декларация, - продолжил он, - по-прежнему остается гарантией стабильности в стране. Именно угрозы национальной безопасности послужили главными причинами ее издания». По словам Мурси, «действие декларации автоматически прекратится с объявлением результатов всенародного референдума вне зависимости от того, примет народ новую конституцию или нет». Если же население отвергнет проект будущего Основного закона страны, глава государства обещал учредить еще одну комиссию, которая начнет работу над конституцией заново.

Обращение президента вновь вызвало гнев оппозиционеров, сразу же отвергших призывы к диалогу. «Мурси забыл, что он избранный президент, пришедший к власти не без поддержки революционных сил, – заявляли собравшиеся на площади Тахрир. – Сейчас исламисты пытаются запугать народ и заставить нас принять их тиранию, защищая свою легитимность путем насилия и вооруженного нападения на протестующих». Один из лидеров Фронта национального спасения Мухаммед аль-Барадеи заявил, что полноценного диалога не получится: «Мы выступаем за такой диалог, который не основан на политике выкручивания рук и навязывания свершившихся фактов». Его поддержал насерист Хамдин Саббахи: «Мы не протянем руку тому, кто стал виновником гибели египтян. Еще вчера мы требовали отмены Конституционной декларации и отсрочки референдума, сегодня мы требуем отставки режима», – подчеркнул он.

Однако пик противостояния был пройден, и страсти, казалось бы, начали спадать, хотя напряженное состояние общества было почти осязаемым. Будучи не в состоянии ни идеологически, ни материально поддерживать высокий уровень протеста в массах и столкнувшись с решимостью исламистов, светские силы «поплыли по течению» и сконцентрировались на предстоящем референдуме. Это было ясно, даже несмотря на беспрецедентный в Стране пирамид, хотя скорее популистский, чем реалистический шаг, когда в знак несогласия с властью революционные комитеты и молодежные движения захватили здание администрации города аль-Махалла аль-Кубра в провинции «Гарбия» и объявили о «независимости от режима исламистов».

Этот 450-тысячный город, расположенный в 100 км севернее Каира, символичен, поскольку считается колыбелью египетской революции. Именно здесь в 2009 г. зародилось оппозиционное движение «6 апреля» и прошли первые крупные антиправительственные выступления. Вскоре инициативу «сепаратистов» аль-Махалла аль-Кубра подхватили в соседней аль-Мансуре.

Тем не менее, власти, почувствовав слабость соперников, закрепили свой успех еще одним решением. Президент аннулировал свою конституционную декларацию от 22 ноября и издал новую, которой и закрепил дату проведения референдума по проекту конституции – 15 декабря. Исламисты были уверены в успехе, и референдум состоялся.

ЧАСТЬ II. НОВЫЙ ВИТОК ЕГИПЕТСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

30 июня 2013 года... Это – новая дата в истории Египта, которая скоро появится в учебниках как пример попытки преодолеть раскол египетского общества, соединить массовые демонстрации одной его половины с применением военной силы, чтобы избежать гражданской войны. Одновременно этот день станет еще одним красноречивым свидетельством, настолько выбор политического режима связан с позицией и действиями вооруженных сил. Вновь, как и во время революционных событий января – февраля 2011 г., роль армии как элемента государственной структуры в Стране пирамид отнюдь не ограничилась профессиональными рамками.

Вот как объяснил ее действия по отстранению от власти президента Мухаммеда Мурси министр обороны АРЕ Абдель Фаттах ас-Сиси в своей первой речи после «революции 30 июня»: «Египетские вооруженные силы, как единое целое, включая всех военнослужащих и командование, не колеблясь, приняли решение остаться на службе народу и поддержать его свободную волю, чтобы он мог выбрать то, что для него лучше, поскольку его воля отражает его коллективный разум и мудрость». «...Египетская экономика из-за [политических – *прим. авт.*] амбиций, плохого управления и нежелания признать право будущих поколений, достигла рискованного предела разрушения, – продолжал министр обороны. – Социальные стандарты и условия жизни большинства населения катастрофически упали, ускорив рост социальной напряженности, которая многократно умножалась слабым политическим и экономическим прогнозированием, отсутствием управления, некорректными решениями в то время, как попытки реформ по разным причинам не приносили видимого успеха. Интеллектуальный и культурный уровни, которые долгое время делали Египет образцом для всего мира, влияние страны и ее статус в регионе ослабли, сказавшись на роли египетского государства в международном сообществе» (Eleiba 2013).

Именно эти факты, изложенные главой военного ведомства АРЕ, вызвали протест значительной части египтян, которые после революции 25 января 2011 года почувствовали вкус свободы и, уверовав в свои силы, надеялись на перемены к лучшему, верили в улучшение своего материального и социального положения в ближайшем будущем. Новой силе – ассоциации «Братьев-мусульман», ранее полузапрещенной, но самой организованной, имеющей поддержку среди населения, проповедующей близкие людям ценности, и ее представителю на посту президента Мухаммеду Мурси было доверено управление страной. Пусть за М. Мурси голосовало чуть больше половины избирателей, но он стал законно избранным президентом и позиционировал себя как «президент всех египтян». За ним стояла мощная, разветвленная организация.

Однако спустя менее года многие египтяне стали думать, что их просто обманывают, что их мечты о долгожданном улучшении жизни не просто тают, они украдены. «Что он [Мурси – *прим. авт.*]

сделал для нас? – задавалась вопросом молодая египтянка, вышедшая на площадь ат-Тахрир для участия в мирных демонстрациях протеста 30 июня. – За первый год пребывания у власти он не сделал абсолютно ничего для египтян. У нас постоянные проблемы. Мы не можем заправить бензином машины. Мы страдаем от постоянных отключений электроэнергии. Некоторые самые необходимые лекарства почти не найти. А экономика настолько разрушена, что мы вынуждены думать, получим ли мы зарплату или нет».

Все революции всегда приводили к экономическому упадку. Вспомним, что продовольственные карточки впервые в истории были введены в полугодном революционном Париже – столице еще накануне революции богатейшей страны Европы. Трудно сказать, как бы справилась с решением накопившихся проблем любая другая политическая сила, но раз власть оказалась в руках «Братьев», они за все отвечали, и их за все беды винили. Корифеем египетской журналистики, известный общественно-политический деятель Мухаммед Хасанейн Хейкал заявил в одном из телеинтервью, что последний год наглядно продемонстрировал «неспособность АБМ взять ответственность за управление страной и для нее пришло время покинуть сцену».

Мерило революционной активности

После избрания М. Мурси президентом его политика противопоставила одну часть общества другой, и в ней действительно была видна тенденция к монополизации власти, к рождению «нового фараона». Президент фактически сосредоточил в своих руках все ветви власти – законодательную, исполнительную и судебную. Напомним, что 22 ноября 2012 г. М. Мурси обнародовал свою Конституционную декларацию, позволяющую ему издавать «любые декреты, направленные на защиту революции», которые не могут оспариваться в суде.

В ходе президентской избирательной кампании М. Мурси давал множество обещаний, реализацию которых увязывал с предложенным «Братьями» планом экономического развития, получившим громкое название «ан-Нахда». По сути этот план являлся продолжением доказавшей свою состоятельность даже во время мирового финансово-экономического кризиса либеральной

экономической политики правительства экс-президента Хосни Мубарака. Но в исламском преломлении.

М.Мурси обещал бороться с бедностью и безработицей с помощью исламской «милостыни» – *закята*, благотворительных кредитов, экспансии ориентированных на нормы шариата банковских услуг и введение исламских банковских облигаций – *сукук*. Однако реального претворения в повседневную банковскую деятельность и жизнь египтян эти меры так и не нашли.

Другим обещанием было привлечение 200 млрд долл. США в виде прямых иностранных инвестиций – явное популистское преувеличение, рассчитанное на легковверных. Но за первые 9 месяцев после выборов в Египет пришло лишь 1,4 млрд долл. США, что всего на 200 тыс. долл. больше, чем за тот же период предыдущего года, самого тяжелого после первой революции. Безработица в стране с быстро растущим населением увеличилась до 13,2% в 1 квартале 2013 г., а среди египетской молодежи в возрасте от 15 до 29 лет — достигает 77%, хотя к моменту инаугурации Мурси эти показатели были ниже. За 6 месяцев экономика потеряла 180 тыс. рабочих мест. Примечательно, что по состоянию на 2010 г. официальный уровень безработицы в Египте составлял около 8% и был ниже, чем в США, Франции, Испании, Польше, Венгрии, Турции, хотя и не отражал скрытой безработицы и частичной занятости.

Падение курса египетского фунта к доллару США, перебои с поставками дизельного топлива вызвали обвальный рост внутренних потребительских цен. Годовой уровень инфляции «подпрыгнул» до 8,2%, затронув в первую очередь цены на продукты первой необходимости, что крайне чувствительно для большей части египтян, живущих в бедности или на краю бедности. Хронические очереди на заправочных станциях, нехватка бытового газа вызывали все большее раздражение.

Кроме этого, режим потерпел неудачу в получении поддержки и кредита доверия от национального бизнеса. Запрет на выезд из страны членов семьи Нагиба Савириса, самой богатой и влиятельной коптской бизнес-семьи¹, замораживание активов 23 наиболее влиятельных бизнесменов, которые еще не были

¹ В 2012 г. «Forbes» поставил его на 3 место в списке богатейших людей Египта (5,1 млрд долл. США).

привлечены к ответственности за те или иные преступления, совершенные во времена Мубарака, а также односторонность в принятии решений по принципиальным экономическим вопросам вынудили египетских бизнесменов приостановить свою деловую активность и дистанцироваться от режима. Неудивительно, что примирительные попытки, предпринятые влиятельным бизнесменом из числа «Братьев» Хасаном Малекем, правой рукой «серого кардинала» организации Х. аш-Шатыра, по возвращению в Египет бизнесменов, которые предпочли остаться за границей после «революции 25 января», также оказались безуспешными.

Для смягчения экономического кризиса М. Мурси пытался получить от ЕС, США, России, арабских стран кредиты на общую сумму в 30 млрд долл. США. Однако его усилия не увенчались успехом. Никакого «Плана Маршалла» со стороны Запада, погруженного в «ползучий кризис», не могло быть предложено.

Изменить ситуацию не помогли и затянувшиеся переговоры с МВФ. Сделка с ним могла бы вернуть доверие инвесторов и нивелировать опасения доноров, порожденных периодом нестабильности. В ходе переговоров с МВФ правительство Египта обязалось сократить дотационные субсидии и повысить налогообложение. Список субсидий на продукты первой необходимости министры обещали сократить с 25 до 6. Однако соглашение так и не было оформлено, поскольку египетские власти боялись реализовывать социально чувствительные реформы, а именно – решительно сокращать субсидии, чего требовал Фонд. А без сокращения субсидий нельзя было создать здоровую рыночную экономику.

Золотовалютные резервы, общий объем которых к июню 2013 г. достиг 16 млрд долл. США, удалось увеличить только за счет вливаний со стороны Катара (3 млрд долл. США в апреле 2013 г. и выделенные ранее 4 млрд долл. США) и Ливии (2 млрд долл. США). Но нельзя забывать, что эти дотации были вовсе не подарками. Рос внешний долг, который ежегодно надо было погашать. Но еще более сложная ситуация сложилась вокруг внутреннего долга, который достиг 1,3 трлн ег. фунтов (около 183 млрд долл. США) или 77,4% ВВП в конце марта 2013 г. Годом ранее эта сумма составляла 1,1 трлн ег. фунтов или 68,3% ВВП, а в 2011 г. внутренний долг был еще меньше – 861 млрд ег. фунтов

или 55,8% ВВП. Был и позитив: рост ВВП за первые 9 месяцев пребывания М. Мурси у власти составил, по официальным данным, 2,2%, тогда как годом ранее, для сравнения, он соответствовал 1,8%. Но для Египта с его быстро растущим населением такой «прирост» не решал никаких проблем.

Нестабильность ситуации усугублялась отсутствием безопасности и ростом преступности. По данным министерства внутренних дел Египта, в 2012 г. число убийств по всей стране выросло на 30%, краж и грабежей — на 250%, похищений людей — на 45%. Полиция явно не справлялась со своими основными задачами.

Таким образом, если правительству «Братьев-мусульман» и удалось привнести какие-либо изменения в социально-экономическую ситуацию, то они носили лишь косметический характер. Принятые исламистским правительством решения в сфере экономики были непрозрачными и неожиданными, а зачастую просто противоречащими друг другу. Многие помнят, какой эффект произвело решение Мурси о введении пакета новых налогов, принятое в декабре 2012 г. и отмененное самим же президентом спустя всего несколько часов.

Июнь 2013 г., последний месяц нахождения президента от исламистов у власти, был наиболее провальным, переполнив чашу терпения египтян. Теперь уже сказались политические промахи «Братьев-мусульман». Ключевой индекс EGX 30 египетской биржи в одночасье рухнул на 16 % на фоне возрастающей напряженности между Каиром и Аддис-Абебой по поводу строительства гигантской плотины на эфиопском участке Нила, а также объявленного М. Мурси решения о замораживании отношений с Сирией.

Конечно, часть внутренних проблем носила объективный, можно даже сказать системный характер, но в конкретных обстоятельствах вину за все беды возлагали лично на президента и организацию «Братьев-мусульман».

К существенным внешнеполитическим просчетам необходимо отнести также попытки радикальной части египетских «братьев» экспортировать исламский проект в страны Персидского залива. Эйфория в результате побед в Египте и Тунисе, определенных успехов в Иордании и Марокко настроили их и против монархий

Персидского залива. В ОАЭ в 2013 г. была арестована и предана суду группа египетских исламистов, планировавших, по заявлению властей, «совершить в стране государственный переворот» и «распространить свою деятельность на Саудовскую Аравию». Ячейки «братьев» были раскрыты в других аравийских государствах. В 2003 г. «братья» осудили согласие аравийских монархий на вторжение войск США и их союзников в Ирак. С тех пор раскол между прежними «друзьями» углубляется. Все это вызывает заметную напряженность в отношениях между заливными монархиями и «братьями».

Важно напомнить, что на «первых демократических» президентских выборах за М. Мурси проголосовало 13,2 млн из 51 млн избирателей, т.е. всего четверть имеющих право голоса египтян. Поэтому вряд ли можно утверждать, что он был «всенародно избранным». Президентские выборы также показали, что исламисты не имеют в Египте всеобщей поддержки. И в этом заключается основное «слабое место» М. Мурси и египетских исламистов различного толка. Он выиграл только потому, что его соперником во втором туре оказался бывший премьер-министр обанкротившегося режима Х. Мубарака.

Армия и революция

В Египте вооруженные силы традиционно были существенной составляющей и государственной и социальной структуры. Ни один житель страны пирамид не мог представить своего государства без армии. Но если многие с готовностью принимали ее руководящую роль, то «Братья» полагали, что в мирное время ее место – в казармах. Конфликт закладывался еще во времена королевского режима и принял форму бескомпромиссного противостояния в период правления Гамалы Абдель Насера.

За три десятилетия правления Хосни Мубарака крупнейшая в Африке армия (440 тыс. человек) значительно упрочила свое присутствие в государственном аппарате и в экономике Египта. С 1997 по 2010 гг. бюджет вооруженных сил Египта вырос с 2,6 до 4,5 млрд долл. США. В течение последних 40 лет египетская армия ежегодно получала помощь от США как поставками вооружений, так и «наличными» в размере 1,3 млрд долл. США. Армейское руководство было и остается вправе распоряжаться прибылью

предприятий «военной экономики», доля которой в ВВП страны высока. Исламистские власти, принимая в декабре 2012 г. новую конституцию, были вынуждены считаться с этими факторами и сохранить все армейские привилегии. Казалось, что с армией был достигнут компромисс.

«Рыночные отношения» и приход новых хозяев, однако, диктовали свои условия. М. Мурси и стоящие за ним «братья» стали заглядываться на находящиеся под контролем военных сферы экономики, что вызвало крайне негативную реакцию генералов и офицеров.

Помимо этого с первых недель пребывания на посту президента Мурси предпринял ряд шагов, чтобы если не взять вооруженные силы под контроль, то хотя бы сделать армейское командование более или менее лояльным. Прежде всего он отправил в отставку министра обороны маршала Мухамеда Хусейна Тантави, начальника генштаба генерала Сами Анана и некоторых генералов рангом ниже.

А уже 12 августа 2012 г. президент назначил генерал-майора Абдель Фаттаха ас-Сиси министром обороны, и, минуя звание генерал-лейтенанта, присвоил ему звание генерал-полковника. Абдель Фаттах ас-Сиси родился в Каире 19 ноября 1954 г. После окончания в 1977 г. Египетской военной академии служил в пехоте. Дослужился до поста командующего механизированных войск. Занимал должность начальника отдела информации и безопасности секретариата министерства обороны, был военным атташе в Саудовской Аравии, возглавлял военную разведку. В 2006 г. ас-Сиси проходил обучение в Военном колледже сухопутных войск в Карлайле, штат Пенсильвания.

Генерал ас-Сиси слыл идейным сторонником исламистов. Поговаривают, что его дядя был одним из основателей египетской АБМ. Однако пути военного командования и исламистов разошлись. В июне 2013 г. ас-Сиси резко меняет свою позицию, поддержав выступивших против исламистов оппозиционных демонстрантов.

Ход событий

С 26 июня 2013 г. практически всю страну начали сотрясать кровопролитные столкновения противников и сторонников

президента М. Мурси. 29 июня 2013 г. гражданские активисты, организовавшие молодежное движение «Тамарруд»², заявили, что собрали 22 млн подписей египетских граждан, требующих отставки главы государства. Оппозиция обвинила М. Мурси в монополизации власти «Братьями-мусульманами», в ускоренной исламизации страны, неисполнении своих предвыборных обещаний и в неспособности управлять страной, что и стало причиной экономического и политического кризиса в Египте.

Утром 30 июня, в день годовщины инаугурации Мухаммеда Мурси, в акциях протеста по всей стране приняло участие несколько миллионов египтян (по утверждениям оппозиции – до 30 млн) с требованием его отставки. В ночь на 1 июля противники президента захватили штаб-квартиру «Братьев-мусульман» в столичном районе Мукаттам.

В этих драматических условиях командование вооруженных сил, стремясь предотвратить гражданскую войну, выдвинуло политикам ультиматум: урегулировать политический кризис в течение 48 часов (Le Figaro 2013). В случае невыполнения этого требования военные обещали принять свои меры по стабилизации ситуации в стране.

В ответ М. Мурси заявил, что, несмотря на все призывы оппозиции уйти в отставку, он останется на своем посту в соответствии с конституцией страны и будет защищать конституционную законность «ценой своей жизни». Главными виновниками проблем Египта он назвал сторонников режима экс-президента Хосни Мубарака, которые, по его словам, всячески саботируют реформы новой, законно избранной власти. Лишь 3 июля 2013 г., осознав серьезность положения, М. Мурси предложил создать коалиционное правительство и независимую комиссию для внесения поправок в конституцию. Однако маховик революции уже невозможно было остановить.

Вечером 3 июля с телевизионным обращением к нации выступил министр обороны Египта Абдель Фаттах ас-Сиси, заявив, что Мухаммед Мурси более не является президентом. Он также заявил, что временно приостанавливается действие конституции, и что в нее будут внесены поправки «в соответствии с требованиями

² Пер. с араб. – бунт.

народа». Генерал ас-Сиси выступал от имени совета, в который, кроме него, входили лидер либеральной оппозиции Мухаммед аль-Барадеи, Верховный имам аль-Азхара Ахмед аль-Тейиб, коптский Александрийский патриарх Федор II. При этом ас-Сиси подчеркнул, что военные не намереваются управлять страной, а пытаются предотвратить гражданскую войну в Египте. Министр обороны обещал в ближайшее время создать временное коалиционное правительство и комиссию по разработке проекта новой конституции и подготовке досрочных президентских выборов.

Военные предложили низложенному президенту «добровольно» подать в отставку в обмен на гарантии безопасности и судебную неприкосновенность. Однако Мурси этого предложения не принял и был помещен под домашний арест. Были арестованы лидер движения «Братьев-мусульман» Мухаммед Бадиа, его заместители Рашад аль-Байюми и Хейрат аш-Шатыр, спикер парламента Саад аль-Кататни и ещё около 300 активистов. Были закрыты контролируемые исламистами СМИ.

Примечательны позиции, которые заняли организации, идеологически близкие «Братьям-мусульманам». В то время, как исламистская группировка «аль-Гамаа аль-Исламия» заявила, что поддерживает президента Мурси, консервативное исламистское движение «Салафитский призыв» во главе с политической партией «ан-Нур» – высказались за досрочное проведение в стране президентских выборов и формирование правительства технократов, которое в кратчайшие сроки займется подготовкой парламентских и президентских выборов. Отметим, что салафиты были конкурентами «Братьев» на политическом поле Египта и пользовались поддержкой Саудовской Аравии. Многочисленные свидетельства говорят о том, что военные координировали свои действия с Саудовской Аравией и ОАЭ.

Временные власти

Скорость, логичность и продуманность действий, которые последовали за объявлением об отставке главы государства, дают весомые основания утверждать, что «события 30 июня» были тщательно спланированы. Чтобы минимизировать обвинения в захвате власти военными, уже поздно вечером 3 июля

исполняющим обязанности президента на переходный период был назначен председатель Высшего конституционного суда Адли Мансур. Тем самым, с одной стороны, было продемонстрировано, в первую очередь, возвращение весьма значимого для египетского народа уважения к судебной системе, которое было попорано экс-президентом. С другой стороны, мировому сообществу был послан сигнал о том, что все, что отныне происходит в Египте, будет якобы соответствовать букве закона и укладываться в нормы международного права.

4 июля 2013 г., приняв президентскую присягу, Адли Мансур выступил с краткой речью, приветствуя армию, судебную систему и полицию. Он также поблагодарил египетские СМИ за «освещение неудач предыдущего режима» и высоко оценил участие всех революционных сил в «славной революции 30 июня».

Вскоре была издана новая конституционная декларация, определившая «дорожную карту» переходного периода. Согласно ее положениям, через два месяца после утверждения на референдуме поправок к действующей конституции, должны состояться парламентские выборы (ориентировочно в февралемарте 2014 г.). Президентские выборы предполагается провести через неделю после выборов парламентских.

После непродолжительных, но напряженных консультаций была согласована кандидатура премьер-министра. Им стал 77-летний либеральный экономист Хазем аль-Библауи. Вскоре он обнародовал состав правительства, в который вошли 34 министра, представлявших технократов и светских либералов. Представители исламистов, несмотря на приглашения, отказались выдвинуть своих представителей в кабинет министров.

Стоит особо остановиться на двух вице-президентах – Мухаммеде аль-Барадеи и Зияде Баха ад-Дине. Оба – выходцы из либеральной среды – партии «Дустур» и Египетской социал-демократической партии соответственно. Аль-Барадеи, сыгравший заметную роль и в «революции 25 января», и в «революции 30 июня», пользовался уважением в молодежных прозападных кругах Египта. Кроме того, он имел большой опыт в международной политике и пользовался доверием ее акторов. Не удивительно в этой связи, что он был назначен куратором внешнеполитического направления. «Большинство египтян были воодушевлены

призывом аль-Барадеи к Мурси добровольно уйти, а также его активной ролью по организации демонстраций 30 июня. Поэтому вполне закономерно, что теперь он должен был продолжить свою миссию и помочь революции получить международное признание», – прокомментировал его назначение видный египетский политический аналитик Хасан Нафаа.

Что касается 49-летнего Баха ад-Дина, то его назначение ответственным за экономический блок ознаменовало подключение наиболее опытных и ответственных практиков к разрешению многочисленных проблем в экономике.

Генерал ас-Сиси стал первым вице-премьером. По оценкам аналитиков, это назначение означало признание роли армии и лично ас-Сиси в «революции 30 июня», а также стало сигналом того, что военные будут играть активную роль на египетской политической арене в обозримой перспективе и смогут воздействовать на курс правительства.

На начальном этапе перед правительством стояли три основные задачи. «Они заключаются в плановом переходе к истинно демократическому правлению, восстановлению порядка на улицах и обеспечению безопасности на Синае, а также к возрождению экономики», – отметил экономический аналитик исследовательского центра «аль-Ахрам» Ахмед Сайид ан-Нагар. Конкретизировал эти задачи Хасан Нафаа, указав на важность «подготовки в ближайшие 6 месяцев новой конституции и проведение свободных парламентских и президентских выборов».

Противостояние продолжается

19 июля 2013 года Адли Мансур призвал население страны к национальному примирению и диалогу, обещая «навести полный порядок, предотвратить в стране хаос и насилие, отстоять завоевания революции и продолжать движение к свободе и стабильности». При этом, очевидно, имея в виду в первую очередь исламистов, он отметил, что «рамки национального примирения открыты для всех политических сил без исключения».

Однако АБМ отвергла возможность компромисса с новыми властями. По словам аналитика Камала Захрана из Университета Суэцкого канала, «братья-мусульмане» рассматривают лишь два возможных сценария развития обстановки в стране: возвращение

Мурси во дворец аль-Иттихадия и превращение Египта в воинствующее исламистское государство, либо Ассоциация сделает все возможное, чтобы втянуть страну в затяжную и кровавую гражданскую войну».

Как показали события, лидеры АБМ были полны решимости оказать сопротивление новой власти. Их многочисленные сторонники уже начали демонстрации протеста с требованием вернуть «законно избранного президента». Столкновения начались сразу после выступления 5 июля Верховного наставника (муршида) АБМ Мухаммеда Бадиа. Первым вспыхнул Синай, где джихадисты, накопившие за год нахождения у власти «братьев» значительный людской, финансовый и боевой потенциал, начали нападения на полицейские патрули и военные блокпосты. В Каире наиболее ярким и кровопролитным началом столкновений стала попытка штурма штаб-квартиры Республиканской гвардии в ночь на 8 июля, когда исламисты применили оружие и коктейли «Молотова», а военные открыли огонь на поражение. В итоге столкновения было убито более 50 и ранено почти 500 человек.

Одновременно с призывами к уличным беспорядкам и демонстрациям, нападениям на армейские и полицейские подразделения «братья» широко задействовали современные средства информации и телекоммуникации, а также ряд иностранных СМИ, в первую очередь дружеский им катарский телеканал «Аль-Джазира» и американский CNN. На экранах перед многомиллионной аудиторией они называли себя «жертвами военного переворота». Был задействован весь многократно опробованный арсенал воздействия на общественное сознание от преувеличений и «вырезок из контекста» до откровенно смонтированных кадров «расправ и жертв». «Аль-Джазира» вскоре был запрещен в Египте.

Массовые демонстрации поддержки свергнутого президента не прекращались и постепенно переросли в сидячие забастовки на площади у мечети Рабиа аль-Адавия в каирском районе Мадинат Наср и на площади Нахда перед Каирским университетом в Гизе. Эти две площади стали центром сопротивления исламистов новой власти. На них круглосуточно находились многие тысячи сторонников свергнутого президента. Со временем лидеры «братьев-мусульман» решили превратить их в оборонительные

пункты и укрепрайоны и готовились к длительной осаде и отражению возможных атак со стороны сил правопорядка и военной полиции. Вокруг были разобраны вымощенные плиткой тротуары, выкорчеваны бордюрные камни, из которых по периметру были выстроены баррикады и заграждения. Вскоре там начало появляться оружие, подвозились бутылки с зажигательной смесью, в землю закапывались баллоны с газом, готовые к подрыву. В качестве «живого щита» исламисты использовали женщин с малолетними детьми, которые сутки напролет сидели на площадях. О какой-либо санитарии говорить не приходилось. Жители прилегающих к площадям домов становились объектами нападков, зачастую прямой агрессии. Появились сообщения о похищениях противников исламистов и пытках, которым они якобы подвергались.

Призывы властей начать диалог, прекратить забастовки и насилие не находили отклика. Стало ясно, что под угрозой находится сама устойчивость новой власти. Тщательно спланированная операция по «зачистке площадей» началась 14 августа. В течение дня египетские силовики разогнали митинги в Каире. Сначала была очищена площадь перед Каирским университетом, а к вечеру занят и лагерь у мечети Рабиа аль-Адавия в столичном районе Мадинат Наср на востоке города. «Зачистки» сопровождалась многочисленными жертвами.

После ухода сторонников Мурси на Рабиа аль-Адавия были найдены 23 трупа, погребенных под главной трибуной. Как эти люди погибли, пока неизвестно, утверждалось, что на телах видны следы пыток.

Ожесточенные столкновения не стихали несколько часов на расположенной поблизости площади Эс-Саа. На транслировавшихся в прямом эфире кадрах египетского телевидения можно было видеть, как исламисты ведут огонь из автоматов по силам безопасности.

После разгона демонстраций сотни вооруженных сторонников Мурси совершили серию нападений на полицейские участки, госучреждения, объекты инфраструктуры, а также коптские церкви и школы. Известно, что атакам подверглись около 15 христианских храмов, а также дома коптов. Настоящую резню исламисты устроили в расположенной в пригороде Каира недалеко от Гизы

деревне Кердасса. Они атаковали участок и расстреляли всех полицейских, которые там находились. По официальным данным, в тот день в Египте погибли порядка 150 человек и около 1,5 тыс пострадали. "Братья" утверждали, что убиты 2,6 тыс их сторонников и десятки тысяч пострадали. Как сообщил глава МВД АРЕ Мухаммед Ибрагим, среди погибших были 43 полицейских, в том числе 18 офицеров. Еще 211 стражей порядка получили ранения. Аль-Барадеи подал в отставку.

Акции протестов на этом не прекратились, и число жертв и пострадавших с обеих сторон росло постоянно.

Рука Вашингтона?

Роль США в событиях до и после 30 июня в АРЕ оценивается экспертами далеко неоднозначно. Диапазон этих оценок настолько широк – от планирования до полного незнания, что необходимо проследить реакцию американских политиков, чтобы составить сколько-нибудь реалистичное представление о вовлеченности Белого дома в египетские события. При этом смело можно утверждать, что проект политического ислама, сотрудничество Вашингтона с «братьями-мусульманами», во многом отвечал интересам американской внешней политики. Высказывания и действия представителей США подтверждают такую оценку.

Президент США Барак Обама выразил глубокую озабоченность смещением президента М. Мурси и приостановкой действия конституции страны, призвав египетских военных как можно скорее вернуть всю полноту власти гражданскому правительству и не подвергать М. Мурси и его сторонников судебному преследованию. 16 июля заместитель госсекретаря США Уильям Бернс появился в Каире для переговоров с премьер-министром и новым вице-президентом. С «братьями» он не встречался. США угрожали приостановить военную помощь Египту, если смена власти будет признана государственным переворотом. Это и произошло через несколько недель. Однако реакцию официальной администрации Белого дома многие полагают вялой и не совсем определенной. Гораздо более примечательна и показательна «волна эмоций» Сената США.

С момента «июньской революции» и вплоть до силового разгона сидячих забастовок на площадях Рабиа аль-Адавия и Нахда в

середине августа республиканцы требовали от Обамы прекращения помощи АРЕ при условии, если новые египетские власти потерпят неудачу в быстром восстановлении стабильности и возвращении в «демократический рамки», которые включали, помимо прочего, освобождение Мурси и других лидеров АБМ из-под стражи. По мнению сенаторов Джона Маккейна от Аризоны и Линдси Грэхэма от Южной Каролины, события в Стране пирамид были ничем иным как «переворотом», что подпадало под действие американского закона о прекращении помощи любой стране, где военные захватили власть путем переворота.

Оба сенатора в августе приезжали в Каир и пытались заставить ас-Сиси, как затем цитировали мировые СМИ, «восстановить демократию и освободить Мурси и других «братьев-мусульман», которые были арестованы после военного переворота».

Главным проводником этой линии «на месте» была посол США в Египте Энн Патерсон, которая накануне последних событий откровенно игнорировала египетские светско-либеральные силы, сосредоточив усилия американского диппредставительства в Каире на укреплении отношений Вашингтона с АБМ. Она открыто консультировала лидеров «братьев» по вопросам урегулирования внутреннего социально-политического кризиса, не принимая при этом во внимание важность достижения консенсуса с оппозицией. Как представляется, ее открытая поддержка АБМ через прямые тесные контакты с Х. Шатером могла дать «братьям» ложную надежду, что американская позиция станет сигналом для армии и оппозиции не предпринимать каких-либо активных действия против законно избранного президента и его команды.

Поэтому и демонстрации 30 июня и последовавшие события многие политологи рассматривают как провал американской дипломатии в Египте. Вашингтон попытался «удержаться на ногах» после такого удара. Но создавалось впечатление, что, как в Египте, так и Сирии и Ираке, Вашингтон попросту заблудился, попал в ловушку собственной пропаганды. Ведь демократия – это не только выборы, но и конкретная политика после выборов, а в ее осуществление вмешивались исторические и цивилизационные факторы.

В итоге в Белом доме возобладали опасения, что события в Египте и затягивание периода нестабильности как результат

прекращения материальной помощи вызовут «эффект домино» на всем Ближнем Востоке и в итоге отразится на Израиле. Администрация Обамы была вынуждена сбавить тон и в дальнейшем избегала употребления в отношении Египта слова «переворот». Новый глава американской дипломатии Джон Керри говорил уже в другом ключе, тщательно подбирая слова. Глава госдепартамента заявил, что «миллионы египтян обратились к военным с просьбой вмешаться», чтобы остановить сползание страны в хаос, и «египетская армия восстановила демократию», когда отрешилась от власти первого законно избранного президента, «а не захватила власть путем переворота».

Египетские наблюдатели полагают очевидным, что новая революция в Египте спутала карты Вашингтона и нарушила его планы. В первой реакции Белого дома чувствовалась смесь негодования, ущемленного самолюбия, желания отомстить и вернуть утерянное.

Однако многочисленные внешние факторы и пришедшее со временем осознание реально нависшей угрозы потерять еще больше вынудили США смириться с неудачей, срочно разработать новую тактику, не забывая о стратегических целях и интересах. История египетско-американских отношений свидетельствует, что стратегическое партнерство двух стран основано на нескольких краеугольных камнях, которые не способны сдвинуть никакие политические турбулентности. Во-первых, египетские военные являются гарантом сохранения мирного договора с Израилем. Во-вторых, в геополитическом плане отношения Египта и США тесно увязаны Суэцким каналом, который является главной артерией для оперативного перебазирования американского флота из одного региона в другой. Отдельно стоит напомнить и о военно-техническом сотрудничестве, основной объем запланированных на 2013 г. сделок в рамках которого уже был реализован к моменту революции.

С 1982 года США предоставили Египту помощь на сумму около 80 млрд. долл., значительная часть которой расходовалась на нужды египетской армии. А точнее, для того, чтобы эта армия никогда не пыталась воевать против стратегического партнера США Израиля. Другими словами, американская помощь Египту -

это цена лояльности его руководства по отношению к США и Израилю.

Однако пребывание у власти в Египте исламистов, даже таких сравнительно умеренных как «братья-мусульмане», не гарантировало их лояльности ни к США, ни к Израилю. И, разумеется, это также не гарантировало, что египетская армия будет проводником американского влияния как в Египте, так и в ближневосточном регионе. Кроме этого, с большой тревогой Вашингтон, Тель-Авив и арабские монархии Персидского залива восприняли сближение Тегерана с Каиром. Не могла радовать Израиль также довольно существенная поддержка, которую администрация М. Мурси оказывала палестинцам, точнее движению ХАМАС – филиалу АБМ в Секторе Газа. После «революции 30 июня» ХАМАС лишился поддержки своего «старшего брата», военные закрыли границу с Газой, начали разрушать «секретные» туннели.

Реакция мирового сообщества

Реакция на новый виток египетской революции в мире была различна. Одни его осуждали, другие поддерживали, были и такие, кто занял нейтральную позицию.

Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун заявил, что «с возрастающим беспокойством следит за событиями в Египте», призвав Каир учитывать интересы всех политических сил при формировании новых органов власти. Африканский союз приостановил участие Египта в деятельности этой организации до восстановления конституционного порядка. Лига арабских государств безоговорочно поддержала революцию.

Позиция Евросоюза была неоднозначной и нечеткой. Европейцы постоянно контактировали с египетскими властями, пытались взять на себя роль посредника, чтобы склонить конфликтующие стороны к диалогу. 17 июля Верховный комиссар ЕС по внешним связям и политике безопасности Кэтрин Эштон прибыла в Каир, где встретила с временным президентом Мансуром, временным премьер-министром Бабляуи, представителями политических партий и гражданского общества, призывая их к «скорейшему проведению демократических трансформаций». По словам К. Эштон, «Европейский союз окажет

помощь египетскому народу на его пути к настоящей свободе и экономическому развитию в будущем».

Министр иностранных дел Германии Гидо Вестервелле назвал события в Египте «серьезным прецедентом», представляющим опасность для демократии в Египте и создающим негативные последствия для всего ближневосточного региона.

Наиболее резким стало совместное заявление премьер-министра Англии Д. Камерона и президента Франции Ф. Олланда, в котором они фактически поддержали «братьев-мусульман», осудили «действия египетских властей», призвали к «выработке общей твердой позиции ЕС в отношении Египта». Складывалось впечатление, что Лондон и Париж попали в ловушку собственной риторики.

Анкара и Тегеран жестко осудили смену режима в Египте. Премьер-министр Турции призвал срочно созвать Совет Безопасности ООН в связи с событиями в Египте. Вмешательство военных в политический процесс в Египте вызвало крайнее беспокойство турецкого руководства. Ведь в самой Турции еще 15 лет назад армия совершила переворот (правда, бескровный), свергнув исламистское правительство Эрбакана. Через пять лет через избирательные урны умеренно исламистская Партия справедливости и развития во главе с Эрдоганом опять пришла к власти и укрепилась на волне экономических успехов. Сотни генералов и офицеров были отправлены за решетку. «Братья-мусульмане» даже свою политическую организацию назвали Партией свободы и справедливости и с симпатией относились к турецкой политической модели, хотя и были разногласия.

Отстранение от власти М. Мурси стало болезненным ударом по внешней политике Катара, основным направлением которой была поддержка «братьев-мусульман» во всем мире с самого начала серии «арабских революций». Катар был главным спонсором правительства исламистов, выделив на его поддержку миллиарды долларов. Катар после переворота в этом эмирате начинает подстраиваться под общую линию стран Залива.

В то же время безоговорочную поддержку «революции 30 июня» выразили основные монархии Персидского залива – Саудовская Аравия, ОАЭ и Кувейт. Весьма ярко их позицию прокомментировал Набиль Абдель Фаттах из Центра социальных и

исторических исследований «Аль-Ахрам»: «Саудовские власти сегодня смотрят на АБМ как на подрывное движение и обеспокоены тем, что египетские «братья-мусульмане» и их сторонники на Аравийском полуострове нацелены на разрушение очень хрупкой конструкции общества в «нефтяном королевстве» и ССАГПЗ в целом и уничтожение правящих в них монархий». В итоге эти три арабских государства выделили Египту общий пакет помощи на 12 млрд долл. США.

«Поддержка крупнейшего в мире экспортера нефти, страны-хранительницы величайших исламских святынь нейтрализовала давление США и ЕС, - заявил лидер либеральной Партии реформирования и развития Анвар Садат. – Это также прямой выпад против режимов в Катаре и Турции, которые являются сегодня опорой международной организации «братьев-мусульман».

Что дальше?

Анализируя происходящие в Египте изменения, можно сделать вывод, что «Братья-мусульмане» переоценили свои силы и готовность взять на себя управление Египтом и обеспечить его стабильность и развитие. Они недооценили противостоящие им силы, несмотря на то, что многие десятилетия работали в разных социальных слоях египетского общества, создавая себе широкую социальную базу. Деятельность в подполье далека от умения руководить государством, требующего не только религиозных знаний, идеологических установок, но и практического опыта, навыков, последовательности, умения сочетать жесткость и гибкость, находить компромиссы, завоевывать доверие внешних партнеров.

Тем не менее, «Братья-мусульмане», вновь оказавшись в оппозиции на полулегальном положении, получили колоссальный опыт и сейчас изучают свои ошибки, промахи, и не откажутся от стремления вновь взять власть. Даже с учетом начавшихся против нее гонений, запрещения ее партии, ее уже нельзя просто игнорировать, рассматривать вне политической жизни. Лишь полное уничтожение этой структуры позволило бы списать ее со счетов. Но разве возможно уничтожить движение, имеющее за плечами 80-летнюю историю подпольной борьбы и миллионы последователей?

Вместе с тем, полусветский формат государственного устройства, как наглядно продемонстрировали миллионные демонстрации в июне, ближе значительному числу египтян. Важным этапом будут новые парламентские выборы, которые продемонстрируют симпатии и антипатии египтян. Трудно предсказать, насколько весомой окажется представительство исламистов в высшем законодательном органе. Очевидно, что армия не уйдет с политической сцены. Она будет выполнять не только функции обороны страны, но и пытаться обеспечить внутреннюю безопасность и стабильность государства.

Генералы и офицеры просто не могут допустить возвращения исламистов во власть. На кону стоит их личная безопасность и свобода. Можно предполагать, что в Египте устанавливается модель «управляемой демократии».

Проблема в том, насколько долго египетские военные сохранят кредит доверия значительной части населения. А это зависит как от реального экономического подъема страны, так и от последовательных демократических резолюций.

Как представляется, «революция 30 июня» в Египте наглядно продемонстрировала, что «арабская весна» не ограничивается одним «сезоном» или даже одним «полным годовым циклом». Запущенный в ближневосточном регионе процесс многовариантен. На него будут воздействовать как внутренние, новые и старые социально-политические силы разных цветов и оттенков, различные идеологические установки, так и внешние акторы. На примере египетских событий можно сделать промежуточный вывод, что за последние десятилетия авторитарные тенденции отжили свой век, но преобразовать политические устои в демократию невозможно по мановению волшебной палочки. Для этого требуется преобразование и развитие социально-политических структур нового типа, изменения в ментальности и поведении людей. Время для новых сил, которые пытаются кардинально изменить общественные уклады, еще не пришло. Процесс трансформации запущен. Но он займет не один и не два года. Возможно, лишь будущие поколения создадут «новый Египет». Однако со всей определенностью можно утверждать, что египетский народ, как и другие арабские народы, изменился, осознал, что в его силах выбирать своих лидеров и

управлять своей судьбой. Остается только верить, что здравомыслие и мудрость народа позволит ему определять судьбу своей страны с минимальными насилием и жертвами.

Библиография

Ibrahim A. 2012. What lies beneath // *Al-Ahram Weekly*, 12.12.2012. URL: <http://weekly.ahram.org.eg/News/580/-/-.aspx>.

Ahram Online 2012. Egypt's Morsi call for talks, stresses constitutional poll to be held as planned // *Ahram Online*, 06.12.2012. URL: <http://english.ahram.org.eg/NewsContent/1/64/59974/Egypt/Politics-/Egypots-Morsi-calls-for-talks,-stresses-constitutio.aspx>.

El-Bahrawi M. 2012. Nielsen: Egyptians concern over the economy rose by 31 per cent from Q2 // *Daily News Egypt*, 07.11.2012. URL: <http://www.dailynewsegyp.com/2012/11/07/nielsen-egyptians-concern-over-the-economy-rose-by-31-per-cent-from-q2/>.

IMF. 2012. Regional economic outlook: Middle East and Central Asia // *International Monetary Fund*, November, 2012. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/reo/2012/mcd/eng/mreo1112.htm>.

Бадр ад-Дин. 2012. Аль-Ихса: рубаа аль-масрийин фуккара ва 4,8% йуаишун фи фагр мудка // *Аль-Йаум ас-Сабах*, 16.10.2012. URL: <http://www1.youm7.com>.

Eleiba A. 2013. The Facts Could Not Be Ignored // *Al-Ahram Weekly*, 09.12.2013. URL: <http://weekly.ahram.org.eg/News/3407/17/'The-facts-could-not-be-ignored'.aspx>.

Le Figaro. 2013. Egypte: l'armée donne 48h aux hommes politiques pour trouver un accord // *Le Figaro*, 01.07.2013. URL: <http://www.lefigaro.fr/flash-actu/2013/07/01/97001-20130701FILWWW00471-egypte-l-armee-donne-48h-aux-politiciens-pour-trouver-un-accord.php>.

BBC. 2013. Egypt army «restoring democracy», says John Kerry // *BBC*, 01.08.2013. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-middle-east-23/News.asp?NewsID=818140&SecID=24&IssueID=0>.

Стабильность на фоне «арабской весны»: опыт Марокко

С начала революционных событий в арабском мире прошло уже более двух лет и наблюдателям становится все более очевидно то, что бурный взрыв протестных эмоций в Тунисе и Египте не явился универсальной моделью развития для государств Ближнего Востока и Северной Африки. Скорее, наоборот: в каждой из арабских стран сформировались свои типы и особенности реакций как власти, так и оппозиции на импульс, заданный «арабской весной» (см. напр.: Васильев 2011: 2-18; Долгов 2012: 18-24). Свою версию взаимодействия монархии и различных политических сил породили и марокканские условия (Орлов 2012: 53-56).

Вскоре после свержения режимов Зин аль-Абидина бен Али и Хосни Мубарака «поколение “Фейсбук”» решительно заявило о себе и в Марокко. Уже 3 февраля 2011 г. группа марокканской «кибер-молодежи» создала группу в социальной сети (порядка 3-4 тыс. пользователей) и призвала сограждан выйти на массовые манифестации с целью обязать королевский двор провести широкие политические реформы, придать демократические черты Основному закону, распустить парламент и объявить новые выборы. Главным же требованием марокканских активистов оказалось ограничение прерогатив правящей алауитской семьи и создание конституционной монархии по образцу испанской.

20 февраля 2011 г. несколько тысяч марокканцев в ряде городов страны вышли на улицы с требованиями политических реформ. Большинство шествий было мирными. Тем не менее, они привели к столкновениям с полицией. В частности, в северном городе аль-Хусейма погибло пять человек. По официальным данным, все они сгорели в отделении одного из банков, в которое они проникли с целью ограбления. В столице – Рабате – шествие прошло без инцидентов, под мирными лозунгами «Народ хочет перемен» и «Долой коррупцию». Общий результат мирных шествий по всей стране был тем не менее внушителен: были разграблены или

сожжены 33 государственных здания, 24 банковских учреждения, 50 магазинов и 66 автомашин. Далее оппоненты королевского режима выступали под общим названием «Движение 20 февраля». На протяжении 2011-2012 гг. им не раз удавалось выводить на улицы марокканских городов по 2-4 тыс. человек с тем, чтобы высказать свое несогласие с недостаточной, на их взгляд, глубиной политических реформ, затеянных королем Мухаммедом VI под влиянием «арабской весны». Как отметил активист движения Муадд Абу аль-Гуат, главная заслуга этой неформальной организации состояла в том, что «марокканцы перестали бояться». «Мы лишили марокканцев страха, который был всеохватывающим, – сообщил он журналистам в феврале 2012 г., – наше движение достигло многих из своих целей. Мы с оптимизмом смотрим в будущее, поскольку мы изменили марокканское общество».

Однако сравнивать демократическую оппозицию алауитскому трону с массовыми протестами в Египте или Сирии невозможно. Во-первых, численность «Движения 20 февраля» даже по его собственным (чрезвычайно завышенным) оценкам, едва ли составляет 60 тысяч сторонников. Во-вторых, как и на Арабском Востоке, идейный и социально-политический состав участников движения, (а, значит, и их ценности) очень разнороден. В более или менее массовых акциях «Движения 20 февраля» поначалу участвовали сторонники радикальной исламской ассоциации «Справедливость и благодеяние» (*аль-адль ва аль-ихсан*). Эта полуподпольная фундаменталистская структура уже 40 лет критикует «светский характер» марокканского государства, требует конституционной отмены монархического строя и замены короля советом алимов (Видясова, Орлов 2008). Основывая свое влияние на феномене ретрадиционализации общественного сознания (см. напр.: Левин 2011), она выступает за «исламский политический путь», ведущий к «торжеству подлинной демократии» и искоренению коррупции. Вместе с тем, ассоциация последовательно отвергает насилие и делает ставку на свою легализацию и приход к власти в ходе парламентских выборов.

Но уже к первой годовщине создания «Движения 20 февраля», то есть к февралю 2012 г., исламисты-радикалы полностью разочаровались в молодежном протесте и перестали его поддерживать. В 2011 г. наблюдатели, взбурораженные быстротой

и непредсказуемостью событий в Египте и Тунисе, всерьез опасались того, что в Марокко под флагом этого движения восторжествуют исламо-экстремистские круги, а королевской власти ради самосохранения придется пойти с ними на политический альянс. Ничего подобного не произошло. Как и в случае с Египтом и Тунисом, «молодежь “Фейсбука”» защищала ценности свободной мысли, индивидуализма и даже проявляла открытое пренебрежение требованиями исламской религии. Популярны среди «кибер-протестующих» были также левые и социалистические воззрения. Их сотоварищи-исламисты, как правило, были старше их на пять-десять лет и разделяли с молодежным протестом только недовольство авторитаризмом трона и коррупцией. Однако они не собирались отказаться от построения исламского государства и негативно относились к вопросу о личной религиозной свободе сограждан.

Кроме того, для многих рядовых марокканцев (особенно малообразованных горожан и селян) «Движение 20 февраля», как показывали опросы, ассоциировалось с крайними взглядами и фанатизмом – как левацким, так и исламским. В силу этих обстоятельств серьезного вызова стабильности монархии в Марокко это движение бросить так и не смогло. Можно предположить, что в том виде, в котором оно возникло, оно вообще не имело будущего. Не случайно это движение не снискало поддержки ни среднего класса, ни марокканских профсоюзных объединений. Более авторитетными среди образованных марокканцев левых взглядов остаются традиционные левые партии, особенно Социалистический союз народных сил. Например, 27 мая 2012 г. этой партии удалось собрать в экономической столице королевства – Касабланке – более 60 тыс. протестующих против роста безработицы и снижения уровня жизни.

Тем не менее король Мухаммед VI и его администрация (*махзен*) отнеслись к событиям Арабской весны со всей серьезностью. Не желая упускать политическую инициативу, король уже 21 февраля 2011 г. объявил о своей приверженности «делу продолжения структурных реформ». Двор не стал дожидаться усиления низовых волнений, которые начались на фоне событий в Тунисе и Египте, и сработал на опережение ситуации. Силового подавления манифестантов не было, за исключением явных провокаций со

стороны митингующих. А вот организация продворцовых манифестаций уже весной 2012 г стала одним из главных «рекламных ходов» махзена. Например, 17 июля 2012 г. в Рабате сторонники конституционных реформ заметно превысили числом прошедшие накануне митинги демократической оппозиции. Все средства массовой информации энергично освещали эти события, наперебой делая выводы о численной ничтожности и злокозненности оппозиционеров, будто бы ведомых экстремистскими силами или манипулируемых зарубежными спецслужбами. В целом по итогам 2011–2012 гг. можно сделать вывод о том, что нейтрализация протестного движения мирными средствами вполне вписалась в политическую культуру алауитских государей, неизменно стремившихся играть на противоречиях своих оппонентов.

Еще 9 марта 2011 г., через три недели после выступлений демократической оппозиции, Мухаммед VI выступил с предложением создать комитет, который должен был подготовить проект конституционной реформы, и определил срок его работы – три месяца. Цель данного проекта, как выражался король, состояла в том, чтобы «укрепить основы конституционной, демократической, парламентской и социальной монархии». А уже 2 июля 2011 г. в Марокко состоялся национальный референдум по принятию новой, шестой по счету конституции страны. В нем приняли участие от 57 до 63% избирателей (по разным регионам), что продемонстрировало несомненный интерес, проявленный марокканцами к реформам, так как на предыдущих парламентских выборах 2007 г. явка составила всего 37%. Новый Основной закон предусматривал предоставление парламенту и правительству дополнительных полномочий, назначение на пост премьер-министра только руководителя победившей на выборах партии, заметное расширение прав женщин и смягчение языковой политики. Марокко стало второй после Ирака страной в арабском мире¹, где помимо арабского допущен второй государственный язык – в Ираке это курдский, а в Марокко берберское наречие тамазигт. По официальным данным, 98% явившихся на референдум избирателей одобрили новый Основной закон.

¹ В данном случае за скобки вынесены три государства-члена Лиги арабских государств – Сомали, Джибути и Коморские острова.

На референдуме речь шла не о глубинных демократических преобразованиях, а скорее о «косметической операции на фасаде марокканского государства». Тем не менее, на новых парламентских выборах, проведенных 25 ноября 2011 г., явную победу одержали умеренные исламисты из Партии справедливости и развития: ПСР, ранее имевшая в однопалатном парламенте 47 мест из 325, теперь получила 107 мест из 395 в его нижней палате. Она намного опередила занявшую второе место националистическую и консервативную партию «Истикляль» (независимости), набравшую 60 мандатов. Прочие продворцовые партии Марокко – блок из восьми партий во главе с либеральным Национальным объединением независимых (НОН) – показали скромные результаты: само НОН получило 52 места, Конституционный союз (КС) – 23 места, берберская этническая партия Народное движение (НД) – 32 места, Партия подлинности и модернизма (ППМ), специально созданная для отвлечения голосов консервативно настроенных избирателей, – 47 мест. Не развили свой успех и левые: так, ведущая партия этого фланга Социалистический союз народных сил (ССНС) набрала 39 мест, а бывшие коммунисты (Партия прогресса и социализма) – 18 мест. Явка избирателей составила 57%, хотя протестное «Движение 20 февраля», равно как три левых партии, не относящиеся к продворцовым, призывали марокканцев к бойкоту выборов (IPU 2011).

Что предопределило успех Партии справедливости и развития? Пожалуй, на поверхности просматривается региональный контекст выборов 2011 г. Ведь избирательная кампания началась в середине ноября – менее чем через месяц после победы на парламентских выборах в Тунисе исламистской партии «ан-Нахда» и за несколько дней до первого тура парламентских выборов в Египте, победу в которых наблюдатели отдавали «Братьям-мусульманам». Однако залогом победы ПСР стало и недоверие избирателей к возможностям решения социально-экономических проблем населения, предлагаемым традиционными партиями, будь они правыми, центристскими или левыми. Недовольство марокканцев вызывали низкие темпы роста доходов, сохраняющееся социальное неравенство (пятая часть населения страны живет за чертой бедности), высокий уровень безработицы в целом и особенно среди

молодежи (Подцероб 2012). Наконец, авторитет исламистской партии в глазах населения во многом объяснялся тем, что она еще не была запятнана коррупцией.

В итоге уже 29 ноября 2011 г. король назначил лидера ПСР Абд аль-Илаха ибн Кирана премьер-министром. Для Мухаммеда VI это было вынужденным шагом, поскольку победа ПСР на выборах почти автоматически делала ее вождя главой правительства. В то же время свое правительство Ибн Кирану удалось сформировать только в январе 2012 г. Такая задержка объясняется тем, что ПСР не могла создать собственное правительство и ей пришлось вступить в альянс с рядом партий, чтобы обеспечить себе большинство в Палате представителей. Ее естественным союзником сразу же заявила себя «Истикляль», пожелавшая разделить ответственность за судьбы Марокко с исламистами. Другими партнерами Ибн Кирана согласились быть Народное движение и Партия прогресса и социализма. Кроме того, фактическое управление делами страны осуществляла и продолжила осуществлять королевская администрация, по сути, являющаяся «теневым правительством» Марокко. Достаточно упомянуть о постах так называемых дворцовых министров или «министров суверенитета», обычно назначавшихся монархом без согласования с парламентом и подотчетных лично ему, а не премьер-министру. Речь идет о главах МИД, МВД и еще двух министерств – юстиции, а также хабусов и по делам ислама. Ранее эти четыре министра принадлежали либо к Алаутитской семье, либо к придворным кланам. Теперь же ПСР формально получила 12 министерских портфелей из 30 (в том числе министром иностранных дел стал бывший председатель ПСР Саад ад-Дин аль-Усмани, министром юстиции – видный адвокат-исламист Мустафа Рамид, а министром информации – член руководства ПСР Мустафа аль-Хальфи). Другие партии получили меньше постов. Так, «Истикляль» руководила 6 министерствами, НД – 4 (правда, лидер партии Моханд Лаенсар возглавил министерство внутренних дел), и ППС – также 4 министерствами и ведомствами.

Еще до формирования исламистско-коалиционного правительства Марокко было очевидно, что главные проблемы, которые ожидают Ибн Кирана, связаны с экономикой. Перед выборами агитаторы ПСР обещали в случае прихода к власти

поднять показатель темпов экономического роста страны до 7% в год, снизить уровень бюджетного дефицита с 6 до 3%, а также кардинально сократить уровень безработицы (Подцероб 2009). Увы, темпы роста экономики Марокко по итогам 2010-2011 гг. не превысили 4,5%. Что касается уровня безработицы, то сейчас он составляет 9,6%, а среди марокканцев моложе 34 лет – 31,4 % (в том числе среди выпускников вузов – 27%). В целом же Марокко возможно расположить в середине прогнозной шкалы структурно-демографических рисков дестабилизации (подробнее см.: Коротаев, Ходунов и др. 2012: 28-76).

Возникает законный вопрос – насколько угрожает Марокко с победой ПСР на выборах насильственный переход на «исламский путь развития»? Думается, что такой ход событий крайне маловероятен. Во-первых, союзники ПСР по коалиции отнюдь не склонны к этому. Партия «Истикляль» действительно всегда обращалась к религиозной риторике, а одним из ее создателей был видный теолог-салафит Аллаль аль-Фаси, заявлявший, что «Коран – это лучшая конституция и лучший трактат политической экономии, способный с успехом заменить современному мусульманину “Декларацию прав человека” и “Капитал”» (Gaudio 1972). Тем не менее, националистические принципы никогда не давали «Истикляль» переходить на явно исламистские позиции. Раскол в правительстве и выход «Истикляль» из коалиции 11 мая 2013 г. подтверждают эту оценку. Еще менее склонны к исламистским порядкам другие партнеры ПСР в правительстве (НД и ППС) – первые отстаивают интересы берберов, далеко не любезные исламистам, а вторые скорее могут быть отнесены к социал-демократическому спектру. Правительство же по итогам выборов 2011 г. не может не быть коалиционным еще несколько лет, что будет постоянно воссоздавать проблемы между ПСР и ее союзниками. Кроме того в нижней палате парламента Марокко сложилась устойчивая антиисламистская группа депутатов, в том числе 60 женщин-парламентариев (Подцероб 2012), которые в контакте со светскими партиями вряд ли позволят ПСР законодательно ограничить их права.

Во-вторых, нельзя сказать, что программа и установки ПСР во власти являются исламистскими. Ведь, по сути, это прагматическая и к тому же безальтернативная «политика выживания»,

направленная на удержание власти и освоение парламентско-политической культуры (Орлов 2011а: 409-421). В таких задачах Ибн Кирана, как увеличение темпов экономического роста, создание сотен тысяч рабочих мест, снижение уровня государственного вмешательства в экономику или улучшение жилищных условий рядовых марокканцев, ничего специфически исламского нет. Показательно, что еще в 1990-х гг., рассуждая о роли социальной ипотеки в жизни Марокко, Ибн Киран ссылаясь не на запрет процента (*риба*) в Коране, а на опыт применения низкого ипотечного процента во Франции (Орлов 2007: 42-52). Сходным образом ПСР аргументирует необходимость борьбы с коррупцией.

Наконец, деятельность ПСР никак не направлена против интересов Запада в арабо-мусульманском мире. Так, правительство ПСР выступает за создание зон свободной торговли с Европейским союзом и привлечение европейских инвестиций в экономику страны. Отношение лидеров ПСР к западным геополитическим установкам проявилось в ходе развертывания США и их союзниками необъявленной войны против баасистского режима в Сирии. Так, 26 февраля 2012 г. в Касабланке тысячи марокканцев по призыву ПСР вышли на манифестацию, главным требованием которой было непризнание власти Башара аль-Асада, а на VII съезде ПСР, открывшемся 14 июля 2012 г., Ибн Киран дал оценку событиям в Сирии и выразил уверенность в том, что «народ Сирии» покончит с властью ПАСВ. 16 июля видный деятель ПСР и министр иностранных дел Марокко Саад ад-Дин аль-Усмани объявил «персоной нон грата» посла Сирии в Марокко Набиха Исмаила.

В-третьих, пропагандистские и юридические инициативы ряда министров от ПСР, направленные на подчеркнутую исламизацию нравов, вызывают негативную реакцию союзников по коалиции. Так, в апреле 2012 г. министр юстиции Мустафа Рамид при посещении марракешской коранической школы осудил туристов, приезжающих в южную столицу Марокко с тем, чтобы «безудержно предаваться греху и отдаляться от Аллаха». То, что министр юстиции приравнял любые виды туризма к разврату, немедленно вызвало встречное коммюнике министерства туризма, в котором утверждалось, что Марокко гарантирует туристам «уважение индивидуальных свобод и свободы культа» (Куделев 2012а). Не меньше отличился в 2012 г. и министр информации от

ПСР Мустафа аль-Хальфи, потребовавший от государственных телеканалов обязательной передачи пятикратного призыва на молитву и перехода на преимущественное вещание на арабском языке (до 80% эфирного времени). Эти планы вызвали негодование как среди марокканских франкофонов, так и в берберских кругах. Большого успеха добились блюстители исламской морали в борьбе за права единомышленников, нарушавших закон. Так 4 февраля 2012 г. в связи с религиозным праздником *маулид ан-наби*² король Мухаммед VI помиловал 458 человек. Среди них, в частности, оказались три радикальных проповедника, ранее состоявших в группировке «Воинствующие салафиты» (*ас-салафийя аль-джихадийя*). Странники этой группировки подвергались преследованиям за последнее десятилетие по обвинениям в попытках нанести ущерб безопасности государства (см.: Орлов 2009). Что касается упомянутых проповедников, то Хасан аль-Каттани, Мухаммед ар-Рафики и Умар аль-Хаддуши были осуждены в сентябре 2003 г. на 25, 20 и 30 лет соответственно, после исламистских терактов в Касабланке в мае 2003 г. (Куделев 2012а).

Наконец, в-четвертых, исламистские воззрения Ибн Кирана последовательно критикуют все конкуренты ПСР – и ветераны-исламисты из «Справедливости и благодеяния», и левые силы, и берберские националисты. Так, по мнению видного берберского политика и публициста Ахмада Ассида, «исламисты показали, что они использовали демократические нормы для прихода к власти, но они отвергают их содержание» (Куделев 2012б). Что же касается радикальной, но терпимой властями исламистской ассоциации «Справедливость и благодеяние», число явных и скрытых сторонников которой оценивается в 200 тыс. человек (Поддероб 2012), то в 2011 г. она призывала марокканцев бойкотировать избирательный процесс. Не исключено также, что если бы она была допущена к выборам, то получила бы большинство мест в парламенте. Поэтому лидеры «Справедливости и благодеяния» после парламентских выборов постоянно критиковали кабинет Ибн Кирана. Уже 8 января 2012 г. ассоциация обратилась к премьер-министру с открытым письмом, упрекающим ПСР в

² День рождения Пророка Мухаммеда.

прислужничестве дворцу. До этого ее руководители отвергли предложения Ибн Кирана принять участие в работе правительства. Кроме того, в 2012 г. ассоциация дистанцировалась как от ПСР, так и от «Движения 20 февраля». Можно предположить, что в первом случае исламисты не желали разделять ответственность за судьбы страны с ограниченным в своих действиях правительством Ибн Кирана. Во втором же случае вожди «Справедливости и благоденствия» пытались избежать критики со стороны двора за то, что они якобы манипулируют протестным движением в своих целях. Осуждение ассоциацией промонархической и прозападной позиции Ибн Кирана несколько ослабила только кончина 13 декабря 2012 г. основателя и духовного лидера ассоциации – Абд ас-Салама Ясина (Куделев 2012*в*).

Если суммировать приведенные факты и обстоятельства, то напрашивается вывод: под воздействием революционных событий в ряде арабских стран Мухаммед VI инициировал принятие более демократической конституции, а также уступил давлению исламистов в вопросе их доступа к власти. В этом смысле справедливы замечания западных и марокканских политологов о том, что если бы у власти в стране к 2010 г. оставался прежний шерифский правитель – Хасан II (ум. в 1999 г.), то Марокко могла бы ожидать судьба Туниса и Египта. Однако следует признать оперативность, гибкость и политический прагматизм Мухаммеда VI и его окружения. В заслугу королевскому административному аппарату можно поставить и быстрое принятие новой конституции, и преодоление прежних табу марокканской политики. В частности, Мухаммед VI в 2007 г. предложил проект автономии для Западной Сахары, что категорически отрицал его отец (El Ouali 2008), в 2003 г. реформировал семейный кодекс «Аль-Мудававана», заметно укрепляя права женщин (см. напр.: Malka, Alterman 2006; Papi 2006: 429-454), в 2004 г. признал право на культурное самовыражение для берберов-амазигов. Наконец, в союзе с правозащитными структурами двор в значительной мере урегулировал проблемы наследия «свинцовых годов» (*аавам ар-расас*) правления Хасана II, последовательно проводившего репрессии против несогласных с его волей (Ottaway, Riley 2008: 161-186).

Нельзя сказать, что все политические проблемы Марокко решены, но королевский двор открыт для их обсуждения. В

результате большинство населения требует постепенных реформ, а не радикальных изменений. Кроме того, положение рядовых марокканцев двойственно. Большинство населения желает демократических и хозяйственных перемен. В то же время, видя перед собой опыт Туниса и Египта, экономика которых рухнула в результате протестного движения, они боятся подобных потрясений. Поскольку Марокко еще далеко не вышло из критической ситуации, возникшей в регионе на фоне Арабской весны, угроза неопределенности будущего удерживает горожан от массового участия в протестных демонстрациях. Многие же сельские, и без того консервативно настроенные, опасаются не столько беспорядков, сколько потери доходов и рабочих мест. Особенно этот вывод относится к регионам, где развит туризм и есть возможность заработать на предоставлении услуг (Берг 2011). Однако туристический сектор после нескольких удачных лет показал довольно скромные результаты в 2011-2012 гг. Число зарубежных туристов не увеличилось, а период проведенного ими времени в Марокко даже сократился.

Что касается перемен в политическом ландшафте шерифского королевства, то следует признать, что формирование в январе 2012 г. нового коалиционного кабинета министров во главе с Ибн Кираном не изменило давно сложившийся в Марокко порядок вещей, когда реальную исполнительную власть в стране осуществляет Дворец. Партия справедливости и развития всегда условно относилась к оппозиции, поскольку она никогда не оспаривала (в отличие от радикальных исламистов) религиозно-политических прерогатив монарха, и, в частности, его закрепленного в конституции статуса «повелителя верующих» (Arefi 2011). По большому счету, она с момента своего создания в 1998 г. была продворцовой партией и осталась таковой, войдя в состав правительства.

Зато у королевского махзена в связи с победой ПСР на парламентских выборах появилось ценное приобретение – свобода идейно-политического маневра. Ранее, на протяжении 2000-х гг., долговременный альянс с ПСР позволял королевскому режиму присвоить лозунги социальной защиты, популярные у левых партий, и в то же время расколоть ряды исламской оппозиции (Орлов 2011б: 170-171). Теперь, в случае обострения каких-либо

проблем социально-экономического плана он может отправить правительство Ибн Кирана в отставку, обвинив его в неспособности разрешить проблемы марокканцев – право отставки правительства сохранилось за монархом и по конституции 2011 г. В целом, выживание кабинета Ибн Кирана зависит от того, насколько успешно он сможет улучшить социально-экономическое положение страны. А работать ему придется с оглядкой, поскольку в случае любой неудачи он даст повод махзену переложить на него ответственность за отсутствие кардинальных положительных сдвигов.

Поэтому главная интрига в такой ситуации будет заключаться в следующем – согласится ли правительство во главе с ПСР с уготованной ему ролью статиста, и насколько на руку Дворцу будет деятельность светских протестных движений. Если король и его администрация пожелают продемонстрировать беспомощность исламистов в делах государственного управления, то демократические протестные движения могут стать временным союзником монархии. Стратегическая же цель союза трона с левыми, демократами или либералами бесспорна: она состоит в том, чтобы показать недееспособность «исламистского проекта» в Марокко и перехватить инициативу (тем более, что исламисты в Египте и Тунисе уже проявили явное бессилие в разрешении трудностей развития своих стран). Двор может не только заставить Ибн Кирана и его команду стать более сговорчивыми, но даже сократить период нахождения ПСР в сфере исполнительной власти (например, за счет досрочных парламентских выборов). В политических реалиях Марокко власть остается в руках «теневое правительство» советников Мухаммеда VI. В таком раскладе сил расчеты монархии и протестная активность демократов могут парадоксальным образом оказаться единственным инструментом воздействия на дальнейший курс правительства Ибн Кирана.

Библиография

Берг И.С. 2011. История и реалии «арабской весны» в марокканском формате: мнения экспертов // *Институт Ближнего Востока*. URL: <http://www.iimes.ru/?p=12844>.

Васильев А.М. 2011. Цунами революций // *Азия и Африка сегодня*, № 3.

Видясова М.Ф., Орлов В.В. 2008. *Политический ислам в странах Северной Африки: история и современное состояние*. М.

Долгов Б.В. 2012. Причины подъема протестных движений в арабских странах // *Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола»* / Отв. ред. И.В. Следзевский, А.Д. Саватеев. М.

Коротаев А.В., Ходунов А.С., Бурова А.Н., Малков С.Ю., Халтурина Д.А., Зинькина Ю.В. 2012. Социально-демографический анализ Арабской весны // *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года* / Отв. ред. А.В. Коротаев, Ю.В. Зинькина, А.С. Ходунов. М.

Куделев В.В. 2012а. Ситуация в Марокко: апрель 2012 г. // *Институт Ближнего Востока*. URL: <http://www.iimes.ru/?p=14717>.

Куделев В.В. 2012б. Ситуация в Марокко: август 2012 г. // *Институт Ближнего Востока*. URL: <http://www.iimes.ru/?p=15512>.

Куделев В.В. 2012в. Ситуация в Марокко: декабрь 2012 г. // *Институт Ближнего Востока*. URL: <http://www.iimes.ru/?p=16451>.

Левин З.И. 2011. *Восток: модернизация в человеческом измерении (опыт системного подхода)*. М.

Орлов В.В. 2007. Опыт взаимодействия монархии и умеренных исламских движений в Марокко (90-е годы XX в.) // *Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение*, № 4.

Орлов В.В. 2009. Марокканская модель: монархия и ислам в условиях многопартийности // *Современная Африка: метаморфозы политической власти* / Отв. ред. А.М. Васильев. М.

Орлов В.В. 2011а. Умеренные исламские партии на арабской политической сцене: пробы сил и оценки 2000-х годов // *Исламский фактор в истории и современности* / Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, И.В. Зайцев, Н.Ю. Ульченко. М.

Орлов В.В. 2011б. Марокканское государство и умеренные исламские партии в 2000-х годах: союзники или соперники? // *XII Конференция африканистов Африка в условиях смены парадигмы мирового развития. Тезисы*. М.

Орлов В.В. 2012. Марокко на фоне арабских революций: факторы устойчивости власти // *Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола»* / Отв. ред. И.В. Следзевский, А.Д. Саватеев. М.

Подцероб А.Б. 2009. *Ислам во внутренней и внешней политике стран Магриба*. М.

Подцероб А.Б. 2012. Марокко: исламисты во власти // *Институт Ближнего Востока*. URL: <http://www.iimes.ru/?p=14080>.

Arefi A. 2011. Maroc: les islamistes de Sa Majesté // *Le Point*. 28.11.2011. URL: http://www.lepoint.fr/monde/maroc-les-islamistes-de-sa-majeste-28-11-2011_24.php.

El Ouali A. 2008. *Saharan conflict. Towards territorial autonomy as a right to democratic self-determination*. London.

Gaudio A. 1972. *Allal El Fassi, ou l'histoire de l'Istiqlal*. Paris.

IPU. 2011. *Inter-Parliamentary Union database: Morocco (Majliss an-Nouwab)*. Last elections. URL: http://www.ipu.org/parline-e/reports/2221_E.html.

Malka H., Alterman J. B. 2006. *Arab reform and foreign aid: lessons from Morocco*. Washington.

Minitier R. 2011. Don't fear Morocco's Islamists // *Forbes*. 28.11.2011. URL: <http://www.forbes.com/sites/richardminiter/2011/11/28/dont-fear-moroccos-islamists.html>.

Ottaway M., Riley M. 2008. Morocco: top-down reform without democratic transition // *Beyond the façade: political reform in the Arab World* / M. Ottaway, J. Choucair-Vizoso, eds. Washington.

Papi S. 2006. Islam et droit musulman au Maghreb: une référence centrale, mais d'application limitée. *L'année du Maghreb. 2004*. Paris.

Раздел III

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ АРАБСКОГО КРИЗИСА

Нарастание геополитического кризиса в регионе Большого Ближнего Востока¹

Регион Ближнего и Среднего Востока (Большого Ближнего Востока) принадлежит к числу наиболее сложных, неоднородных и конфликтных зон современного мира. Сложность и неоднородность региона лучше всего выражает нестабильность его геополитического пространства, наличие множества факторов, тормозящих экономическую и политическую интеграцию стран этого района. Геополитическую ситуацию в регионе отличает наличие многочисленных, в том числе равнозначных по силе и влиянию государств, что существенно затрудняет выделение какой-либо страны в качестве геополитического центра, способного эффективно влиять на ситуацию в регионе.

Историческим и политическим препятствием к объединению региона остаются разнообразные этноконфессиональные и этнополитические противоречия, носящие трансграничный характер и способные менять расстановку сил в регионе. Стабилизации геополитической ситуации ощутимо препятствует слабо развитая система коллективных договоров о международной безопасности стран региона. В то же время действует налаженная система переброски боевиков и активистов радикальных движений в любую страну региона, как только эта страна втягивается в крупномасштабный политический кризис. Богатые природные ресурсы и ключевое геост-

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 году.

ратегическое положение Ближнего Востока между Европой и Азией превращают регион в сферу непрекращающейся экспансии ведущих международных игроков. Самый продолжительный конфликт XX века – арабо-израильский – одновременно объединяет страны региона и разделяет их в плане выбора союзников, практических действий по обеспечению собственной безопасности.

Тем не менее, ситуацию в регионе долгое время отличало отсутствие острых военно-политических конфликтов между собственно мусульманскими государствами, стабильность их территориального положения и общей конфигурации геополитических сил. Этому способствовало равновесие сил четырех геостратегических центров Ближнего Востока (Ирана, Турции, Саудовской Аравии и Египта) и стабилизирующая роль, которую эти государства играли в пространстве этноконфессиональных и этнополитических противоречий. Политическим символом достигнутой в арабском мире геополитической стабильности стала Лига арабских государств (ЛАГ), а живым воплощением интенций арабского единства – фигуры Г.А. Насера, С. Хуссейна, М. Каддафи, Х. Аль-Асада.

Но стабилизация неустойчивого пространства Большого Ближнего Востока во второй половине XX века, как кажется, имела и более широкую культурно-политическую, геочивилизационную основу. Сужению рамок потенциальных региональных конфликтов в большой степени способствовало распространение идей арабского национализма, арабизма как формы культурно-политической идентичности арабских стран (Труевцев 2004). Возникнув еще в 20-30-е гг. XX в. на волне революционных, антизападных настроений, идеология арабизма смогла объединить в одно целое образы и ценности общей арабской идентичности и новоевропейские идеи национализма и социализма. Сложилась специфическая арабская модель национал-социализма, которая заняла место традиционной идеологии панисламизма, освящавшей власть и влияние Османской империи.

Достаточно высокий интеграционный потенциал, которым обладала в период своего расцвета геокультурная модель арабизма, хорошо виден на примере одной из ее главных разновидностей – идеологии насеризма. Лозунг «мы все – арабы», провозглашенный в Египте после прихода к власти Г.А. Насера, ясно обозначил принадлежность всех арабских стран и народов к единому, номиналь-

но неделимому региону на фоне (в противовес) идеологии сионизма. Таким образом, создавалась возможность слияния в единой арабской идентичности локальных, исторических и этноконфессиональных составляющих египетского самосознания. Аналогичная тенденция наметилась и в ряде других арабских стран: Сирии, Ираке, Ливане, Палестине, Йемене. Этому способствовало организационно-политическое оформление идей арабского национализма в деятельности партии «Баас» и ее национальных ветвей. Показательно, что среди основателей и деятелей партии «Баас» видную роль всегда играли представители этноконфессиональных меньшинств: сирийские и ливанские христиане, алавиты, друзы и др.

Однако в последней четверти XX века геополитическая обстановка в регионе Большого Ближнего Востока начала быстро изменяться – и не в пользу идеологии арабского национализма и связавших с ним свою судьбу авторитарно-националистических режимов. Уже в 1960-е гг. «Баас» утратила роль региональной идеологической силы и превратилась из общерабской организации с двумя региональными центрами – в Сирии и Ираке в поле соперничества и непримиримой вражды сирийской и иракской ветвей партии и связанных с ними военно-бюрократических режимов этих стран. Политический и идеологический кризис арабского национализма ясно проявился в Сирии, где в 1964 г. вспыхнуло антибаасистское восстание, и правящий режим смог удержать власть только при помощи армии, офицерский состав которой в значительной степени был представлен алавитами и друзами. Геополитическим «провалом» арабизма стало недолговечное существование Объединенной Арабской Республики (ОАР) в составе Египта и Сирии (1958-1961 гг.). В Египте прогрессивность правящего режима поставило под сомнение возникновение левого, мятежного полюса арабского национализма, сложившегося после поражения насеровского Египта в арабо-израильской войне 1967 г. Внезапный и унижительный характер этого поражения заставил значительную часть арабской интеллигенции пересмотреть прежнее критическое отношение к исламу. В прогрессивной части арабского мира возник идеологический вакуум, который очень быстро начал заполнять исламизм. Идеологический сдвиг обозначился после того, как А. Садат отказался от монополии государства на идеологию и предоставил свободу идейно-политической пропаганды исламист-

ским лидерам, чтобы укрепить собственные позиции после «майского исправительного движения» 1971 г., а также ослабить позиции близких к марксизму левых кругов студенчества и интеллигенции. В качестве базовой составляющей арабской идентичности стала предлагаться принадлежность к исламской общине (*умме*).

Но главный удар по геополитическим и геокультурным позициям арабизма нанесли два события 1970-х гг., положившие начало изменению геополитической конфигурации сил в регионе и укреплению позиций исламизма. Первое событие – война 1973 г., начатая Египтом и Сирией, но принесящая экономический и политический успех Саудовской Аравии и другим консервативным арабским государствам – экспортерам нефти в результате объявления эмбарго на поставки нефти западным союзникам Израиля. Последствия этого события открыли дорогу пропаганде исламского фундаментализма (в его ваххабитской интерпретации) среди масс суннитов. Таким образом, в геополитическое пространство региона вошло движение, ориентированное одновременно на ценности саудовского фундаментализма и на геополитическую идею превращения ислама в самостоятельную и в перспективе доминирующую международную силу.

Новую, геополитическую роль исламского фундаментализма закрепило возникновение исламистской (саудовской) коммуникационной системы, внедрившейся в отношения между обществом и государством в большинстве мусульманских стран Арабского Востока, в Афганистане, Бангладеше и Пакистане (Гуль 2011: 63-65). Влияние этой системы закрепили и расширили начавшиеся с середины 1970-х гг. массовые миграции в нефтедобывающие государства Персидского Залива представителей самых различных социальных слоев из стран мусульманского мира.

Вторым главным событием международного масштаба и значения стала исламская революция 1979 г. в Иране. Свержение прозападного монархического режима в Иране и приход к власти сторонников имама Хомейни создали конкурирующий центр радикального исламизма за пределами суннитского мира.

В результате этих событий уже к началу 1980-х гг. в регионе сложилась новая, сложная и во многом неопределенная конфигурация геополитических сил. Ее определило, во-первых, перемещение факторов легитимности (или нелегитимности) и стабильности

(или нестабильности) правящих режимов из сферы господства идеологии арабизма в более широкое и неустойчивое пространство исламизма и, во-вторых, начало внутриисламского геополитического и идеологического конфликта, обусловленного попытками Ирана использовать шиитов для укрепления своих позиций на Ближнем и Среднем Востоке (Васильев 2012). Признаками усиления геополитической неустойчивости и неопределенности в регионе стало формирование в начале 1980-х гг. вокруг Ирака антииранской коалиции из большинства арабских государств (исключая Сирию – традиционного соперника Ирака) и кратковременная поддержка странами Запада режима С. Хуссейна в ходе ирано-иракской войны.

Но в полной мере сложность и неопределенность новой геополитической ситуации в регионе проявились в 1980-90-е гг., когда, с одной стороны, режим С. Хуссейна превратился в главного врага арабских государств Персидского залива и поддерживавшего их Запада, а с другой – под прямым влиянием иранской революции наметилась исламизация двух конфликтов, которые до этого служили воплощением «арабской идеи» и единого «арабского фронта»: палестино-израильского и ливанского. Исламизация палестино-израильского конфликта выразилась в образовании радикального движения «Исламский джихад», начавшего открытое восстание против Израиля в конце 1987 г. В Ливане исламизация внутренних конфликтов проявилась в политической консолидации шиитской общины и создании на ее основе движения «Хизбалла», быстро ставшей «государством внутри государства».

Оценивая в целом изменения в геополитическом пространстве Большого Ближнего Востока, можно сделать вывод о том, что победа исламской революции в Иране, с одной стороны, и возникновение исламистской саудовской системы, основанной на соединении верности фундаменталистским ценностям и доступа к потокам нефтедолларов, – с другой, практически разрушили то хрупкое геополитическое равновесие, которое сложилось в регионе в эпоху правления арабских авторитарно-националистических режимов.

Именно в этом контексте, как кажется, необходимо рассматривать и геополитическое значение оппозиционной волны в арабских странах. В объяснении причин подъема этой волны основной упор делается обычно либо на объективные факторы внутренней соци-

альной нестабильности (быстрый рост в социально-демографической структуре удельного веса и роли молодежи, рост безработицы и усиление социальных контрастов, системная коррупция, концентрация власти в руках авторитарных правителей), либо на первостепенное значение субъективного фактора в лице заинтересованных исламских организаций и либерально-демократических движений. Однако взрывной эффект совокупного действия всех этих факторов вряд ли приобрел бы региональные масштабы и достиг высокого уровня синхронизации, если бы уже раньше геополитическая арена региона Ближнего Востока не оказалась во власти разнородных международных игроков и практически неограниченного транзита конгломерата идей исламизма, либеральной демократии и гражданского неповиновения. Информационные и социальные сетевые технологии раздвинули границы и усилили психологическое воздействие этого анархически организованного и вместе с тем тесно взаимосвязанного пространства разнообразных международных игроков, финансовых и идеологических центров, этнических и религиозных сообществ.

Если исходить из логики организации подобного пространства, то важнейшим и, по-видимому, не очень отдаленным последствием оппозиционной волны в арабских странах станет передел сфер влияния в регионе Ближнего Востока с важными, но еще недостаточно определившимися геостратегическими результатами: перекройка существующих межгосударственных границ, возможность появления довольно большого числа квази-государств, опирающихся на этнические и этноконфессиональные общины и существующие при поддержке влиятельных геополитических центров региона, новая конфигурация таких центров и колебания их потенциального могущества (в региональных и мировых масштабах) и уязвимости.

В этой связи нельзя не обратить внимание на продолжающееся уже не первый год обсуждение в международном экспертном сообществе темы новых и «справедливых» границ на Ближнем Востоке (см., напр.: Наземройя 2008; Голд 2013). С одной стороны, подчеркивается «искусственный характер» границ всех государств Юго-Западной Азии, с другой – ставится вопрос о возможности проведения новых границ, которые обеспечили бы мир и стабильность на территориях, где разгораются межэтнические, межклановые и этнорелигиозные конфликты. Речь идет в первую очередь о

Сирии, Ливане и Ливии. С учетом вовлеченности в конфликты на территории этих стран ключевых государств региона, заинтересованности США в установлении стратегического контроля на Ближнем Востоке и Северной Африке, вопрос о перекройке границ нестабильных или распадающихся государств может довольно скоро войти в повестку дня всего мирового сообщества. Можно предвидеть и условия подобного развития событий. Если исламизация внутренних политических конфликтов в арабских странах будет нарастать и, особенно, если этот процесс будет использоваться как инструмент политики региональных и мировых держав, борющихся за контроль над регионом, то можно ожидать дальнейшего роста нестабильности, связанного с перекройкой политической карты Ближнего Востока.

В то же время возникает вопрос о возможностях геополитической интеграции стран региона или, по крайней мере, установления нового равновесия сил на базе конкуренции идей исламизма и либеральной демократии. Падение казавшегося прочным режима Х. Мубарака в Египте, вооруженные конфликты в Ливии и Сирии укрепили позиции консервативных монархических режимов, прежде всего Саудовской Аравии и Катара. Однако до некоторой степени усиление исламского (консервативного) геополитического центра уравнивается повышением роли в регионе Турции, допускающей диалог западных либерально-демократических и исламских ценностей. Турция ясно обозначила свою вовлеченность в конфликт в Сирии, а также в процесс политических преобразований в Египте и арабо-израильский конфликт. Препятствием на пути установления саудовской гегемонии служат также укрепление позиций в арабских странах шиизма, чье политическое влияние опирается на прямую поддержку Ирана.

На фоне ускоряющихся геополитических изменений в регионе возникает вопрос о влиянии новой расстановки сил на позиции арабских стран как регионального (группового) центра мировой политики. Кризис власти в странах, традиционно являвшихся оплотом арабизма (Египет, Сирия), бесспорно, ослабляет политические и – шире – геочивилизационные позиции этих стран в мире. Арабский социализм перестает быть важной культурно-идеологической составляющей в мировой конкуренции идей и региональных моделей развития. В то же время феномен роста самоорганизации араб-

ских обществ в его разных проявлениях привлекает внимание к арабскому миру и перспективам его развития. От идеологического и цивилизационного выбора арабских народов будет во многом зависеть и дальнейшая эволюция исламизма: соотношение его радикальных и умеренных течений. Позиции арабских стран, бесспорно, укрепляет и ключевое положение нефтедобывающих государств Персидского залива на мировом рынке энергоносителей. Мировое геостратегическое значение имеет открытое противостояние двух крупнейших держав региона – Саудовской Аравии и Ирана. В то же время можно с уверенностью предположить, что в ближайшей перспективе в регионе продолжится нарастание дестабилизирующих процессов, усилится связь региональных конфликтов с расстановкой мировых сил, нарастанием тенденций глобальной нестабильности и неопределенности. Вполне реальны перспективы территориального расчленения Сирии и Ирака (в связи с возможным выделением в самостоятельное государство Курдистана). Тяжелой проблемой (прежде всего для Ирака, но в плане перспектив региональной интеграции и для всего региона Ближнего Востока) остаются взаимоотношения между суннитами и шиитами. В большой степени геополитическое и геокультурное положение Арабского Востока зависит и от эволюции правящего режима в Иране.

Оппозиционная волна в арабских странах обостряет большинство этих проблем, не открывая ясной перспективы их разрешения. Арабский мир стоит перед проблемой предотвращения нарастания региональной анархии, смягчения крайностей радикального ислама и налаживания диалога различных политических сил и государств.

Библиография

Васильев А.М. 2012. Иран как «шиитская сверхдержава»: реальные и мнимые вызовы // *Геополитика*. URL: <http://www.geopolitics.ru/2012/10/iran-kak-shiitskaya-sverxderzhava/>.

Гуль И. 2011. Транснациональные исламистские сети // *Международный журнал Красного Креста*. №880-881. URL: <http://www.icrc.org/rus/assets/files/review/2010/05-gul.pdf>.

Наземроя М.Д. 2008. Карта «Нового Ближнего Востока» // *Геополитика*. URL: <http://www.geopolitica.ru/Maps/2/>.

Голд Д. 2013. Новый передел Ближнего Востока // *Zahav.Ru*. 11.06.2013. URL: http://mnenia.zahav.ru/Articles/2955/new_peredel_blyjnego_vostoka.

Труевцев К.М. 2004. Рождение и смерть панарабизма // *Политический журнал*, № 28(31). URL: <http://www.politjournal.ru/preview.php?action=Articles&dirid=67&tek=1765&issue=46>.

«Арабская весна» в контексте глобализации и регионализации мировой политики

Пошел уже третий год, как Большой Ближний Восток сотрясают события, чаще всего называемые «арабской весной». Однако, каких только наименований еще не надавали отечественные и зарубежные ученые, политики, журналисты-международники тому, что начиная с конца 2010 г. происходит в этом обширном и традиционно беспокойном регионе. Среди них – «протестная волна», «революция», «протестные движения», «пробуждение Арабского Востока», «цепная революция», «вызов арабского мира», «цунами революций», «революционный протест», «арабский бунт» и пр. Уже в самих этих терминах отражается широкий спектр взглядов, подходов и оценок того, как трансформируется арабское общество, арабские государственные структуры, формируется гражданское общество, меняются идеологические парадигмы стран, вовлеченных в этот бурный процесс, переформатируется внутреннее устройство и внешнеполитические ориентиры, происходят заметные сдвиги в конфигурации международных отношений.

Понравившееся экспертам сравнение происходящего на Арабском Востоке с весной стало распространяться и на текущие или предполагаемые сходные события в других районах мира: «казахстанская весна», «киргизская весна», «пакистанская весна», «турецкая весна», «курдская весна», «христианская весна» и т.д. При этом, при ссылках на «весну», видимо, забывают про половодье, подтопление зданий, гибель под мощными водотоками людей, ущерб имуществу, уход под воду целых селений и иные подобные природные катаклизмы. А, может быть, наоборот предсказывали тем самым неизменные стремительные обновленческие перемены. Тогда понятно, почему многие из наблюдателей и специалистов недоумевали, когда «арабовесенние ветры поутихли», подули не в

ту сторону, изменили свое направление или вообще наполнились теократическими идеями.

Не устоял и автор этих строк в этом активном терминотворчестве, поименовав крупномасштабные события второго десятилетия XXI века в арабском мире «арабской зимой». Ввиду имелся природный фактор: белый снег олицетворяет чистые помыслы участников, а сопровождающие эти погодные явления – морозы, перепады температуры, холода, мощные снегопады, бури – трудности, отступления от объявленных целей, невзгоды, столкновения и т.п.

Академик Е.М. Примаков отметил, что после «арабской весны» наступил период заморозков, усилились исламистские силы», при этом признавая, что «было бы неправильно всех их рассматривать как единое целое» (Примаков 2012). О завершении арабской весны заморозками пишет член Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при президенте Российской Федерации А.А. Игнатенко, по мнению которого, «арабские [суннитские – В.Я.] монархические режимы являются движущей силой опережающей контрреволюции» (Игнатенко 2011).

Термин «арабская зима» ныне прочно вошел в политическую практику и науку (Белянинов 2012). Он связан с периодом многочисленных потрясений в арабском мире и вокруг него, свидетельствующих о новых вызовах и угрозах, порожденных, как это не странно может показаться, «арабской весной» (Маргелов 2012), а точнее ее незавершенностью, подключением к ее светским сторонникам тех, кто видит возрождение величия арабов на основе возврата к мусульманским истокам, антагонистов Америки, Израиля и бывших колониальных империй, антидемократов и др. Любопытна, однако, позиция большинства египтян, убедившихся, что уже при президенте Мухаммеде Мурси, изменений, каких они ожидали, свершая 25 января 2011 г. революцию, почти не произошло. В стране накапливался протестный потенциал. По данным Каирского центра им. Ибн Халдуна, проведенного в январе 2013 г. опрос среди населения, 82% респондентов предпочитают возврат к военному правлению, чтобы начать все сначала (Мирский 2012). Это напоминает распространявшаяся молодежью в Эфиопии после свержения Хайле Селассие I фраза: «Один диктатор лучше тысячи новых». Таким образом, «арабская весна» как в Египте, так и в других странах, где она свершилась, не справилась с ликвидацией нако-

пившихся до нее противоречий, да к тому же создала и новые опасения – установления жесткого теократического режима).

Однако исламисты в Египте и Тунисе были избраны демократическим путем, и с этим должно считаться мировое сообщество. Сотрудничая с ними, можно добиться большего. И глядя на пребывание во власти исламистов, не стоит сразу говорить о кризисе арабской весны, объявляя ее «фальшивой весной», как это сделал сотрудник американского Института мира и Международного центра ученых им. В. Вильсона Робин Райт (Wright 2013). Не правы те, кто, говоря о кризисе «арабской весны», сводят все лишь к исламизму, понимая под ним только мракобесие и отвергая, таким образом, духовные, моральные, позитивные ценности ислама, его общечеловеческие и поступательные ориентиры.

Также следует подчеркнуть, что демократия требует и признания от оппозиции своего поражения на выборах. Чего не скажешь о Мухаммеде аль-Барадеи, руководителе Национального фронта спасения Египта и главе Конституционной партии. Показательна в этом отношении характеристика, данная Самером Шехата, политологом из Джорджтаунского университета: «Дилемма для нас в Египте состоит в том, что у нас есть демократы, которые, однако, не либералы, и либералы, не являющиеся демократами» (Wright 2013).

В антиправительственных протестах в арабовесенних странах велика роль толпы, требовавшей демократии, лучшей жизни и уважения со стороны властей. Толпа, участвующая в переменах в странах «арабской весны», содействовала формированию в регионе новой политической конфигурации. В нее органически встраиваются и те государства, где к власти пришли происламские силы. В этой связи следует признать правоту В.В. Попова, директора Центра партнерства цивилизаций МГИМО, утверждающего, что «практическую значимость приобретает верная оценка тех исламистов, которые приходят в настоящее время к власти. Жизнь заставляет их отказываться от крайностей и заниматься прежде всего вопросами социально-экономического развития, повышения благосостояния населения. Эти исламисты-реформаторы в дальнейшем во все более отчетливых формах будут отмежевываться от радикалов-салафитов, которые проповедуют насилие. Экстремисты в ислам-

ских движениях составляют всего сотые доли процента от общего числа мусульман» (Попов 2012).

Показательно, что в Египте и других странах арабского мира среди представителей высшего мусульманского духовенства (уже не говоря о низших чинах) есть те, кто выступает за отделение религии от государства. Так, уже в ходе «арабской весны» имам мечети аль-Азхар в Каире шейх Ахмед ат-Тайиб стал отстаивать необходимость прав человека для египтян, свободу и отделение религиозных институтов от государства. Таким образом, можно предположить, что в арабском мире политико-конфессиональная арена постепенно становится плюралистической и подвержена демократическому давлению, хотя сопротивление этим тенденциям значительно.

Еще одной проблемой, проявившейся после «арабской весны», стало обострение и появление новых очагов вооруженных столкновений и откровенных религиозных войн. Разворачивающееся в настоящее время вооруженное противостояние шиитов и суннитов – тому подтверждение (Волков 2012). Сирийский конфликт, в котором, с одной стороны, участвуют сирийская вооруженная оппозиция, Лига арабских государств, практически все арабские страны, особенно Саудовская Аравия и Катар, США, европейские государства, включая Великобританию и Францию, Турция, и, с другой стороны, сирийский режим президента Башара аль-Асада, поддерживаемый Ираном, ливанской организацией Хизбалла, а также Ираком, как пишет Е. Николаева, «расширяет пропасть на Ближнем Востоке между двумя основными течениями ислама и становится полем битвы региональных держав» (Новикова 2013).

В самой Сирии, как в зеркале, отразились негативные и позитивные аспекты «арабской весны», а именно: раскол населения по этноконфессиональной принадлежности, вмешательство внерегиональных держав, бессилие ООН, противостояние арабских государств, слабость демократических структур, агрессивность Израиля, гегемонистские устремления Египта, Саудовской Аравии, Катара, Ирана, Турции, рост транснационального, регионального и внутристранового терроризма, переформатирование Большого Ближнего Востока и т.д. Налицо – геополитическое единение Запада и арабских государств, в том числе не подвергшихся напрямую событиям «арабской весны». Скрытые и явные удары, интриги и

давление в отношении официальной Сирии – все это также предупреждение Ирану, Палестинскому движению сопротивления при очевидной демонстрации Америкой линии защиты Израиля.

Именно последнее является главной задачей США, да и Запада в целом, в политике использования всего многообразия позитивных и негативных перемен в ходе «арабской весны». Именно Израиль и никто другой находится в центре ближневосточных интересов США и их союзников. Опасаясь региональной изоляции и пытаясь сбить волну критики определенных кругов ЕС израильских антипалестинских действий, Вашингтон пошел даже на беспрецедентный шаг, уговорив израильского премьера извиниться перед Турцией за убийство девяти турок на мирном судне, везшим гуманитарный груз в блокированный Сектор Газа. Это было сделано для того, чтобы, удовлетворив, таким образом, амбиции Анкары, стабилизировать израильско-турецкие отношения, обезопасив тем самым Тель-Авив от роста напряженности еще с одним государством, тем более членом НАТО, что нарушало планы американцев по смене режима Башара аль-Асада.

С начала лета 2013 г. США вместе с другими участниками «антиасадовского альянса» усилили свое вмешательство в гражданскую войну в Сирии на стороне оппозиции. Обеспокоенность развитием характера военных действий на сирийском направлении связана с тем, что в Вашингтоне предполагали, что «в случае революции или гражданской войны [в Сирии – В.Я.] ситуация может радикально поменяться и тогда у Израиля будет напряженность и на юге, и на севере, угроза новой интифады на Западном берегу плюс разногласия с Турцией по поводу газовых месторождений в Восточном Средиземноморье» (Сурков 2011). Думается, что в Израиле и в США предпочли добиться безопасности другим путем, т.е. путем свержения Б. аль-Асада, замирения Тель-Авива с Турцией и углубления межстрановой конкуренции в арабском мире, а также усугублением внутрисламской враждебности.

Политическое противоборство за влияние в регионе переплетается с религиозными противоречиями, усиливая напряженность, стимулируя терроризм и раскол арабских народов. Сложились две военно-конфессиональные линии противодействия: первая – это «шиитская дуга» государств и территорий, включающая Иран, Ирак, часть Сирии с находящимися у власти почти столетия

алавитами, близкими к шиитам, шиитонаселенные районы Бахрейна и Йемена (большинство населения), восточная провинция аль-Хаса в Саудовской Аравии, а также север Ливана. Идет геополитическое слияние этого пространства, против чего предпринимаются активные действия Саудовской Аравией, Катаром и другими арабскими странами, где проживают в основном сунниты – «суннитская дуга» государств, стремящихся во что бы то ни стало не допустить доминанции шиитских соседей.

В результате этого религиозного противостояния разрушается, как полагает М.Б. Пиотровский, единство арабской нации (Пиотровский 2012). А это ведет к перестройке этноконфессиональной и лингвополитической картины мира, внося в нее противоречивость, сложность и непредсказуемость в случае зарождения и развития конфликтных ситуаций.

Израиль предлагает воевать против Сирии Башара аль-Асада только руками арабов (Эггерт 2012). Но в этом случае положение Израиля станет еще более опасным, проблематичным и угрожающим. И не только из-за Ирана, который приумножает свою активность в Сирии. Уже после июньских выборов президента и победы Рухани в Тегеране объявлено о направлении в Дамаск четырех тысяч стражей Исламской революции, отборных частей иранских вооруженных сил. В условиях религиозного фанатизма и чуть ли не генетической неприязни к Израилю, возникшей в результате постоянной агрессии Тель-Авива в отношении своих арабских соседей, не исключено, что противники в сирийской гражданской войне, получив мощную поддержку из-за рубежа, обратят свое оружие против Израиля, впитавшем в себя еврейский национализм (см.: Пиотровский 2012) и не терпящем никакой критики в свой адрес.

Израиль также не упускает возможности влиять на развитие политической и военной ситуации на Большом Ближнем Востоке. В новой обстановке его главные враги – Иран, Сирия, Хизбалла и по-прежнему палестинское сопротивление, особенно ХАМАС в Секторе Газа. Уничтожение режима аль-Асада в Сирии означает для Тель-Авива крупную, (если не крупнейшую) победу в многодесятилетней войне с арабами: Сирия в арабском мире в настоящее время последний и пока самый надежный оплот палестинцев (см., напр.: The Economist 2013).

Война против Ирана, на чем настаивает Тель-Авив, призывая Вашингтон согласиться со своими очередными агрессивными планами из-за угроз, исходящих из Тегерана, включая его стремление обладать ядерным оружием, будет возможна только после устранения режима Башара аль-Асада, что хорошо понимают в Тегеране. Не случайно безымянный автор статьи под очень красноречивым названием «Другая ближневосточная война?» пишет: «Возможно, аль-Асад не хочет войны с Израилем, но у Тегерана могут быть иные намерения» (The Wall Street Journal 2013). Иран, со своей стороны, многократно заявлял, что нападение на Сирию будет рассматриваться как нападение на Иран.

В США же, отговаривающих, по крайней мере пока, еврейское государство от нанесения массированного удара по Ирану, и прежде всего по его ядерным объектам, по-прежнему, оправдывая агрессивные планы и действия в соответствии с ними, ссылаются на право Тель-Авива на самооборону, притом исключая наличие такого же права у арабов и Ирана. Теряя лидерство в мировой политике и экономике, не справляясь с решением проблем собственного долга, не будучи в состоянии преодолеть трудности экономического кризиса, Вашингтон надеется за счет Сирии, Ирана, да и всего Большого Ближнего Востока поправить свои дела в мировом сообществе.

Таким образом, после «арабской весны» палестино-израильские отношения занимают стержневое место, а сам Израиль, обладающий, по мнению многих, ядерным оружием и потакаемый Западом и США практически во всем, представляет собой мощный центр силы в многополярном мире. Для него сейчас главные противники – это Сирия и Иран с их шиитскими союзниками в Ливане и в других ближневосточных районах, вместе составляющих геополитическую «шиитскую дугу» противоборства за доминацию в Большом Ближнем Востоке.

Гражданская война в Сирии, разразившаяся в рамках Арабской весны, добавила лидерам Ближнего Востока и Северной Африки, США, Западной Европы, России и Китая немало пищи для размышлений. Москва, убедившись в провале договоренностей «Женева-1», рассчитывает на успех переговоров «Женева-2». Учитывая, что совместные позитивные заявления Дж. Керри и С. Лаврова о желательности «Женева-2» и подготовительной работы по созы-

ву этой международной конференции сопровождаются активной антиасадовской деятельностью группы «Друзья Сирии», созданной по аналогу с «Друзьями Ливии», имевшей ярко выраженный антикаддафистский характер, можно с уверенностью сказать, что это все не вселяет оптимизма в успешный исход «Женевы-2», даже если эта конференция состоится.

Остро стоит вопрос, что будет с Сирией в случае ликвидации режима Башара аль-Асада, который, как и его коллега в Ливии Муаммар Каддафи, ожесточенно сопротивляется вооруженной оппозиции, всему Западу и практически всему арабскому миру. Распространено мнение, что Сирия распадется по этноконфессиональным признакам на ряд микросоударств, которые будут соперничать друг с другом, вплоть до применения военной силы. В случае устранения режима Башара аль-Асада не исключена значительная перекройка политической карты Ближнего Востока: могут появиться новые государства, измениться границы существующих стран, дезинтеграционные процессы могут затронуть Турцию, Иран, Азербайджан и прочие страны. Произойдет катастрофический коллапс уже сложившейся системы государственно-территориального размежевания на Большом Ближнем Востоке и прилегающем к нему пространстве. Не случайно и Россия, и США, и Турция, и некоторые другие страны-акторы конфликта в Сирии постоянно заявляют, что они – против распада страны и не допустят этого.

Однако, опасения остаются. Так, бывший министр иностранных дел ФРГ Йошка Фишер допускает, что в регионе в результате прихода к власти в Сирии иных политических сил произойдет региональное перераспределение влияния между Турцией, Ираном и Саудовской Аравией, а также возникнут перспективы далеко идущих последствий в виде региональных конфликтов, отчасти таких, в которые вовлечены Палестина, Хизбалла в Ливане и где станет реальностью ядерная программа Ирана. Но самый главный вывод, к которому пришел Йошка Фишер, проанализировав ситуацию с возможными результатами упразднения режима Башара Асада, состоит в том, что смена власти в Сирии не изменит основные параметры конфликта Израиля с соседями, в первую очередь в вопросе признания Палестинского государства, а также признания права Израиля на существование (Önal 2012).

Турецкий обозреватель газеты «Санди Заман» Джумали Онал не исключает, что Сирия может превратиться во второе Сомали, где вот уже пошло третье десятилетие, как отсутствует единая государственная территория с четко функционирующими структурами и соподчиненностью административных единиц (Саватеев 2011).

Все приведенные выше прогнозы свидетельствуют о том, что во второе десятилетие XXI века ожидается самый разрушительный территориальный передел региона. Балканизация, которая, несомненно, охватит и Северную Африку и выйдет далеко за пределы Большого Ближнего Востока, приведет еще к большему хаосу, неуправляемости, к новым рискам и вызовам.

«Арабовесенние» события имеют аналогии и в истории Запада. По мнению Фариды Закария, события в Тунисе и Египте, приобретшие глобальный мировой характер и гальванизовавшие население по всему Ближнему Востоку, напоминают народные восстания 162-летней давности на Сицилии и во Франции. Он находит сходство и с революциями 1848 г. в Европе. Как и тогда, так и сейчас наблюдались рецессия, повышение цен на продовольствие, дряхлость монархий и власти, выход на авансцену молодежи, информационные новшества (в середине XIX века таковым было распространение газет).

Журнал «Тайм» опубликовал картосхему расходов на продовольствие по странам. Так, в Тунисе они составили 36% семейных доходов, в Египте – 38%, в странах Аравийского полуострова – до 25% (Friedman 2011). Среди причин «арабской весны» на рост цен на продовольствие указывают также Т. Фридман (Friedman 2011) и О. Никифоров (Никифоров 2011).

Напоследок хотелось бы отметить ведущую роль молодежи (около 60% лиц до 30 лет) в событиях «арабской весны»: ее неудовлетворенность застойным характером общественных, экономических и политических процессов, отсутствием социальных лифтов карьерного продвижения, огромной безработицей, не востребованностью молодых людей с высшим образованием, недовольство определенной репрессивностью режимов, ограниченностью международной деятельности (см.: напр.: Ghosh 2011). Понимая большое значение молодежи в судьбах Большого Ближнего Востока в недавней ретроспективе и в перспективе, журнал «Тайм» на своей титульной обложке в качестве человека года поместил групповой

портрет арабских юношей и девушек под надписью «Поколение, меняющее мир». Тем самым было подчеркнуто мирополитическое значение «арабской весны» и ее включенность, при всех региональных особенностях, в процессы глобализации.

Конечно, арабская молодежь не представляет единое идеологическое и политическое целое: одна ее часть отвергает исламские традиции, стремится к внедрению в жизнь западных стандартов, ей свойственно политическое нетерпение, желание получить социальные блага и общественное признание мгновенно, невзирая на возможности страны; другая - это сторонники мусульманских и в целом традиционных арабских ценностей, хотя ею вовсе не отрицаются определенные, но не выходящие за рамки ее обычных консервативных представлений, идеалы. Между этими полярными сегментами молодежи – множество групп, сочетающих разнообразные взгляды и с одной, и с другой стороны. Неизменно одно: и те, и другие группы молодежи – активные участники событий «арабской весны», и от них вольно или невольно зависят судьбы этого обширного региона.

Небывалая активность молодежи, юношей и особенно девушек в «арабовесенних» событиях может рассматриваться как важный элемент цивилизационного сдвига в мусульманском мире. Цивилизационные перемены связаны также с движением в сторону демократии, которая «пробивает себе дорогу» с трудностями, то отступая, то возвращая прежние позиции или даже усиливая их. Словом, и здесь просматривается линия на включенность «арабской весны» в глобальный демократический процесс.

Библиография

Белянинов К. 2012. США готовится к «арабской зиме» // *Коммерсантъ*. 17.10.2012. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2024115>.

Видясова М.Ф. 2012. *Джихад без войны. Тунисский опыт модернизации и политическое наследие Хабиба Бургибы (1903-2000)*, Т. 2. М.

Волков К. 2012. Ближний Восток ожидают религиозные войны // *Известия*. 20.08.2012. URL: <http://izvestia.ru/news/533182>.

Игнатенко А. 2011. Арабская весна завершается заморозками // *НГ-Религии*. 05.10.2011. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2011-10-05/5_arabian_spring.html.

Маргелов М. 2012. Арабская весна породила новые угрозы // *Независимая газета*. 19.10.2012. URL: http://www.ng.ru/world/2012-09-19/8_spring.html.

Мирский Г. 2012. Вирус всеобщей войны // *Независимая газета*. 05.09..2012. URL: http://www.ng.ru/ideas/2012-09-05/5_total_war.html.

Никифоров О. 2011. Голод как альтернатива биотопливу // *НГ-Энергия*. 11.09.2011. URL: http://www.ng.ru/ng_energiya/2012-09-11/15_hunger.html.

Новикова Е. 2013. Конфликт в Сирии шейхи превращают в религиозную войну // *Независимая газета*. 21.06.2013. URL: http://www.ng.ru/world/2013-06-21/8_siria.html.

Пиотровский М. 2012. Уроки арабского в нашей Пальмире // *Санкт-Петербургские ведомости*. 07.03.2012. URL: http://www.spbvedomosti.ru/article.htm?id=10286135@SV_Articles.

Попов В. 2012. Исламисты у власти // *Независимая газета*. 14.08.2012. URL: http://www.ng.ru/world/2012-08-14/3_kartblansh.html.

Саватеев А. 2011. Культурный код арабской смуты // *НГ-Религии*. 05.10.2011. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2011-10-05/5_smuta.html.

Сурков Н. 2011. США опасаются изоляции Израиля // *Независимая газета*. 04.10.2011. URL: http://www.ng.ru/world/2013-06-21/8_siria.html.

Эггерт К. 2012. Шимон Перес: «Интервенция в Сирии может быть только арабской» // *Коммерсантъ*. 06.11.2012. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2060904/print>.

Friedman T. 2011. If not now, when? // *The New York Times*. 24.02.2011. URL: http://www.nytimes.com/2011/02/23/opinion/23friedman.html?_r=0.

Ghosh B. 2011. Rage, rap and revolution: inside the Arab youth quake // *Time*. 28.02.28. URL: <http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,2050022,00.html>.

Önal C. 2012. Will Israel pursue same policy in Syria as Ethiopia's in Somalia? // *Sunday's Zaman*. 26.08.2012. URL: <http://www.todayszaman.com/columnist-290370-will-israel-pursue-same-policy-in-syria-as-ethiopias-in-somalia.html>.

The Economist. 2013. Israel and Palestine. Could the peace dove fly again? // *The Economist*. 11-17.05.2013. URL: <http://www.economist.com/news/middle-east-and-africa/21577374-more-flexible-arab-league-trying-bring-wider-array-mediators-together>.

The Wall Street Journal. 2013. Another Mideast war? // *The Wall Street Journal*. 1-3.05.2013. URL: <http://online.wsj.com/article/SB10001424127887324610504578274373605167036.html>.

Wright R. 2013. False Spring // *Time*. 13.05.2013. URL: <http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,2142397,00.html>.

«Арабская весна»: что после?¹

Событиям «арабской весны» посвящено уже столь значительное число публикаций, что на первый взгляд может показаться, будто этот процесс изучен до малейших подробностей. Однако это далеко не так. Многие аспекты этого процесса и особенно его последствий по-прежнему нуждаются в пристальном внимании и скрупулезном анализе, особенно с точки зрения ближайших последствий этих событий, причем не только в локальном и региональном, но и в глобальном масштабе.

Прежде всего стоит напомнить, что «арабская весна» была не изолированным явлением, а кульминационной точкой мировой турбулентности, охватившей в целом 84 страны (см.: Труевцев 2011: 3-4; Труевцев 2012: 21-23). Эта политическая турбулентность, связанная с новым этапом процесса глобализации, отнюдь не завершилась в 2011 г., а принимает иные формы, впрочем, продолжая развитие и ряда тенденций, выявленных в ходе упомянутых событий.

В этой связи в конце концов не столь важно, назовем ли мы события 2011 г. новой волной демократизации или как-то иначе, хотя демократический элемент в них несомненно присутствовал. Он выразился не только в направленности против авторитарных режимов в арабских странах (причем далеко не только там, где такие режимы были свергнуты), но и в массовых выступлениях против коррупции в Индии, и в противоборстве с финансовой олигархией Уолл-стрит в США, и в волнениях в Китае, и в многотысячных манифестациях в странах Южной Европы против действий брюссельской бюрократии, и в демонстрациях и митингах на Болотной площади и проспекте Сахарова в Москве.

Вторым моментом, связанным с нынешним этапом глобализации, стала роль социальных сетей в обеспечении критической массы выступающих, обеспечивавшей во всех случаях успех выступ-

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 году.

ления (а в египетском и тунисском случаях – восстания) против существующих порядков. Об этом тоже уже написано довольно много материалов (см., напр.: Труевцев 2011; Труевцев 2012), однако появившиеся позже свидетельства заставляют более пристально проанализировать этот аспект политического процесса в арабских (и других) странах. Среди таких свидетельств важное место занимает книга старшего менеджера по маркетингу «Google» на Ближнем Востоке В. Гонима «Революция 2.0» (Гоним 2012) – того самого блогера, который создал на сайте Facebook страницу «Все мы – Халеды Саиды», посвященную рядовому гражданину Египта, зверски замученному и убитому полицией. Эта книга прежде всего примечательна тем, что в ней пошагово показывается накопление критической массы противников режима сначала в виртуальном пространстве Интернета, а затем процесс перехода этого виртуального протеста в реальное накопление критической массы выступающих против режима уже на улицах египетских городов (см.: Гоним 2012: 82-228).

Это обстоятельство заставляет обратить внимание на фундаментальную роль социальных сетей как наиболее современного, оперативного и эффективного канала массовой коммуникации, овладение которым имеет историческое сходство с овладением коммуникациями индустриального века для успеха вооруженного восстания или государственного переворота прошедшего периода (см. ленинский план вооруженного восстания: Ленин 1981: 242-247), с той, однако, разницей, что объекты коммуникации индустриальной эпохи носили пассивный характер, в то время как Интернет и социальные сети носят интерактивный характер, обладая свойствами ускорения и усиления мобилизации населения.

Результатом интерактивной мобилизации протестных масс в Египте в январе 2011 г. стало то, что была не только в корне подорвана монополия авторитарной власти на становящиеся уже традиционными средства массовой коммуникации (телевидение, радио, периодические печатные издания), но произведенный овладением интерактивными средствами опережающий эффект мобилизации фактически парализовал возможность адекватных действий правящего режима и толкнул его в «воронку катастрофы»².

² Один из наиболее распространенных сценариев концепции катастроф предполагает попадание объекта на край воронки с вращающимся эпицентром и, тогда лю-

Кстати говоря, этот сценарий развития событий, кажется, начинает повторяться в Египте уже летом 2013 г.: во всяком случае, противникам режима «Братьев-мусульман» удалось мобилизовать массы своих сторонников гораздо эффективнее, чем избранному от исламистов президенту, что фактически вызвало «паралич» режима, а затем и его устранение поддержавшей противников исламистского президента М. Мурси армией.

Еще одним важным уроком политического процесса, продолжающегося развиваться на Ближнем Востоке, в Северной Африке и регионах, соседних с арабским миром, стало то, что этот политический процесс развивается вовсе не по «сценариям, написанным где-либо извне». В этой связи чрезвычайно важно отметить, что выводы относительно смены парадигмы панарабизма исламистской парадигмой как ведущей силы и главным вектором политических изменений оказались по меньшей мере преждевременными.

Разумеется, стало уже историческим фактом, что арабский национализм, как и предшествовавший ему турецкий, исчерпал себя, а выстроенные на его основе популистские режимы со временем выродились в политически неэффективные и погрязшие в коррупции диктатуры.

Вместе с тем, вряд ли следует забывать и о том, что арабский национализм сыграл историческую роль национально консолидирующей силы, благодаря которой оказалась возможной модернизация, выведшая эти страны на относительно высокий уровень экономического и социально-политического развития. И, как это довольно часто бывает в истории, именно достижение такого уровня и привело в конечном итоге к исчерпанности данной политической (или идейно-политической) модели.

Однако вопрос о том, сможет ли исторический антипод турецкого и арабского национализма – панисламизм стать его полноценной заменой в качестве идейной платформы дальнейшего вектора политического развития, кажется, близок к своему разрешению.

Как видно из уже упомянутой книги В. Гонима, революционная молодежь Египта видела в «Братьях-мусульманах» часть освободительного, демократического движения и сама стремилась установить с ними контакт, вовлечь их в процесс противостояния дикта-

бое действие, равно как и бездействие, равным образом ведет к попаданию внутрь воронки.

туре (Гоним 2012). Нечто подобное происходило чуть ранее и в Тунисе, когда исламисты, возглавляемые М. Ганнуши, влились на первых порах в качестве довольно органической части в общее освободительное движение.

Но довольно скоро стало выясняться, что что-то идет не так. Это в первую очередь проявилось в Ливии, где противостояние приняло крайне ожесточенный характер, причем не только со стороны режима, но и его противников. Ливийские исламистские и племенные группировки, противоборствовавшие с режимом М. Каддафи оказались весьма далеки от идеалов просвещенного, умеренного исламизма. Началось с чудовищного убийства бывшего лидера страны и ряда его соратников и членов семьи, а закончилось убийством американского посла, фактическим распадом страны и распространением терроризма на территории сопредельных государств.

Не так пошло и в Сирии, где один из секторов оппозиции, в основном ее левая и курдская часть, готов был пойти на переговоры с режимом, а часть либерально-демократической оппозиции оказалась заложником радикальных исламистских сил и таких режимов как Саудовская Аравия и Катар, которые никак не укладываются в понятие представительной демократии.

Но все же надежды на демократическое развитие связывались прежде всего с Египтом и Тунисом, где исламистские силы, прежде всего «Братья-мусульмане», определенное время позиционировали себя в качестве умеренных, просвещенных сил, выступающих с позиций либерально-демократического развития.

И здесь пример Турции казался эталонным в свете несомненных успехов демократизации, который связывался с правящей партией умеренных исламистов во главе с Р. Эрдоганом, добившейся к тому же и впечатляющих успехов в экономическом и социальном развитии страны за период своего правления.

Появились казавшиеся весьма реалистичными надежды на то, что со временем эта модель умеренного исламизма может эволюционировать в системную консервативную силу, некий аналог христианской демократии итальянского или немецкого образца.

Однако дальнейшее развитие событий породило по крайней мере весьма серьезные сомнения в реальности подобной перспективы. Даже в этой умеренной модели исламизма выявились такие мо-

тивы интерпретации политического ислама, которые вели к нетерпимости в отношении иноконфессиональных и секулярных секторов общества, гендерной сегрегации и дискриминации. Эти тенденции никак не могли вести к консолидации общества, формированию единого поля политической культуры.

Уже оформившимся результатом этих тенденций стал наметившийся вектор раскола общества. Ирония истории здесь метафорически выразилась в названии площадей: «тахир превратился в таксим»³.

Первые признаки явного раскола общества появились еще зимой 2013 г. в Тунисе, когда исламистами был убит один из лидеров демократического движения. Однако кульминационным пунктом (по крайней мере, на определенный момент) стали события в Турции, которые, как и события «арабской весны», стали неожиданными и по своему размаху, и по своим последствиям: они обнажили глубокую линию раскола общества на исламистскую и секулярную части, иначе говоря, на исламистов и кемалистов (сторонников ценностей и норм светского характера, установленных во время правления Ататюрка). Эта главная линия раскола вскрыла и другие противоречия: национальное – на турок и другие народности страны, прежде всего курдов; и конфессиональное – в частности, в том, что стал явным прежде не бросавшийся в глаза факт существования десятиmillionной алавитской общины, что сыграло особую роль в свете противоборства с Сирией, в котором Турция играет далеко не последнюю (и не самую благородную – *ред.*) роль.

Впрочем, настоящей кульминацией раскола стали каирский Тахир лета 2013 г., когда раскол между египетскими секулярными силами и исламистами достиг точки невозврата, и армия встала на сторону секулярных сил, осуществив военный переворот в пользу последних (ИТАР-ТАСС 2013). Следует лишь отметить, что военный переворот, который, очевидно, носил во многом превентивный характер, все же не отвел египетское общество от грани гражданской войны, и ее сполохи бушуют в разных частях страны, унося человеческие жертвы и угрожая принять тотальный характер.

³ Центральная площадь Каира «Тахир» (пер. с араб. – *освобождение, свобода*) стала символом египетской демократической революции. События, происходившие в Стамбуле в 2013 г., своим эпицентром имели площадь «Таксим» (пер. с араб. – *раскол*).

Раскол уже вышел за национальные рамки отдельных стран и принял отчетливый региональный характер, грозя преодолеть теперь уже и рамки ближневосточного региона.

Эпицентром регионального раскола стала Сирия. Видимым парадоксом сирийского конфликта стало то, что его регионализация и в известном смысле интернационализация привели к такому повороту в пользу существующего режима, который, возможно, приобретает стратегический характер. Поначалу недовольство режимом здесь носило характер, едва ли уступающий по своей глубине и размаху тому, которое ранее отмечалось в других странах, захваченных процессом «арабской весны». Однако зверства исламистов, их насилие по отношению к мирному населению привели к тому, что они постепенно стали восприниматься значительной частью населения как чуждая, инонациональная сила, причем такое отношение формировалось не только в алавитском и христианском населении, но и в его суннитской части. Тем более, что группировками, наиболее отличавшимися зверствами, зачастую командовали не сирийцы, а выходцы из других стран, в том числе неарабских. Именно это оказалось главным фактором, обозначившим поворот во внутрисирийской борьбе и одновременно привело к постепенному росту авторитета армии и ее поддержке со стороны значительной части населения.

Другим фактором, способствовавшим перелому стратегической ситуации, стало то, что вмешательству арабских и международных террористических сил в дела Сирии, все больше носившее отчетливо конфессиональный, суннитский облик, был дан шиитский ответ, тоже приобретший интернациональный характер. Прежде всего было замечено участие в сирийском противостоянии ливанской Хизбаллы, затем в помощь Асаду последовало Иран направил четырехтысячный отряд Корпуса стражей исламской революции (КСИР).

Менее известно об участии в сирийском конфликте Ирака. Обычно в этой связи упоминается подразделение аль-Каиды в Ираке, выступающее на стороне антиправительственных сил. Но внутрииракский конфликт, выплескивающийся теперь и на сирийскую арену, имеет вовсе не одну только эту, суннитскую сторону. Более того, вовсе не сунниты, несмотря на террористическую активность их наиболее экстремистски устремленных группировок, являются

бенефициарами внутрииракского конфликта. Ответом на их террористические действия является неуклонно идущее их выдавливание из стратегически важных районов, включая и столицу страны, осуществляемое отрядами шиитского большинства.

Было бы, вероятно, странным, если бы в этой обстановке, учитывая растущее шиитское доминирование внутри Ирака, включая усиление их политических позиций в правительстве и парламенте, иракские шииты остались бы в стороне от сирийского конфликта. Периодически поступающие сообщения свидетельствуют об их все более активном участии в боевых действиях в этой стране на стороне официального Дамаска. Так, в конце июня 2013 г. министр иностранных дел Ирака Хошияр Забари сообщил об участии иракских шиитов в боевых операциях на стороне правительственных сил Сирии (Мальцев 2013). Как отмечала в этой связи «Независимая газета», речь, скорее всего, идет об «Армии Махди» имама Муктады ас-Садра (Мальцев 2013), бойцы которой по своей отваге и отчаянности вряд ли уступают наиболее боеспособным отрядам суннитских исламистов.

Иракское участие в сирийском конфликте на стороне правительственных сил не ограничивается участием отрядов М. ас-Садра, занимающего, как известно, особые позиции, далеко не всегда совпадающие с курсом премьер-министра Нури аль-Малики. Вместе с тем очевидно, что участие Ирана в сирийском конфликте, включая поставки оружия, да и направление своих ударных отрядов вряд ли стало возможным без согласования с Ираком, через территорию которого только и возможно осуществление подобных действий. Одновременно с этим поступают сообщения и о том, что Ирак непосредственно участвует в поставках вооружения сирийской армии.

Таким образом, вполне уместно говорить о реальном формировании «шиитской оси» Сирия – Ирак – Иран – Хизбалла, которая является ответом на складывание «суннитской оси» Саудовская Аравия – Катар – Турция – радикальный исламистский интернационал. Причем тактический перевес, имеющий и возможный стратегический вектор, складывается сейчас в пользу первой.

Из складывавшегося суннитского альянса выпал Египет почти сразу же после того, как египетский президент предпринял решительные шаги в активизации своего участия в нем, вызвавшиеся, в

частности, в разрыве официальных отношений с сирийским режимом, что открывало путь не только для легального участия в военных действиях египетских боевиков, (и так уже задействованных в конфликте), но и для организации дополнительного маршрута снабжения сирийских исламистов через египетскую территорию. Последовавшее вскоре свержение М. Мурси положило конец планам бывшего президента. Это не значит, конечно, что египетские террористы прекратили участие в действиях в Сирии, но основные их силы будут задействованы теперь на египетской территории, признаки чего уже проявились в столкновениях исламистов с египетской армией на Синайском полуострове.

В весьма двойственном положении оказывается Турция, где значительная часть населения, причем не только алавиты, откровенно сочувствующие сирийскому режиму, но и значительная часть представителей основной конфессии не разделяет политику правящего режима активного вмешательства на стороне сирийской вооруженной оппозиции.

Особое значение в этих условиях приобретает курдский фактор. У курдов теперь появились широкие возможности для реализации планов по объединению разьединенных страновыми границами курдских территорий. Практически три государства – Ирак, Турция и Сирия – в условиях происходящего противостояния полностью или почти полностью утратили возможность контроля над границами сопредельных между собой курдских районов. Сирия практически отдала контроль над значительной частью пограничных с Турцией районов отрядам курдской самообороны. А учитывая тот факт, что восточная граница сирийского Курдистана, практически открыта для перемещения иракских и сирийских курдов, а иракский Курдистан уже давно живет самостоятельной политической и экономической жизнью, лишь номинально входя в иракскую федерацию, то линия контроля со стороны Турции на территорию турецкого Курдистана оказывается легко преодолимой через пограничные с Сирией области.

В этом контексте на переговорах, которые турецкое правительство начало с курдским руководством по поводу возможной формы автономии и даже, возможно, федерации Курдистана с Турцией, курды объективно оказываются в более выигрышном положении

по сравнению с турецкой стороной, особенно учитывая при этом последние события в самой Турции.

Расползание конфликта затрагивает не только все упомянутые страны, но также Иорданию, Израиль, Палестинскую Автономию и прямо или косвенно почти все страны Аравийского полуострова и Персидского залива, за исключением Омана, да и то лишь на данном этапе.

Это превращает Ближний Восток, как это уже было не раз, в самый опасный регион мира, с той, однако, разницей, что еще никогда в современной истории внутренний конфликт в регионе не был столь многомерен и трудно предсказуем по своим возможным последствиям. Такая ситуация позволяет поставить вопрос и о возможном более широком расползании конфликта.

Сегодня в мире, по мнению автора, можно обозначить пять конфликтных зон, в той или иной степени связанных между собой, из которых Ближний Восток является наиболее опасным регионом конфликта.

Второй зоной потенциальной опасности, все более грозящей превратиться в реальную, является регион Северной Африки, включающий арабские страны этого континента от Египта и Судана на Востоке до Марокко и Мавритании на Западе. Практически все эти страны в той или иной мере были затронуты «арабской весной». Некоторое время казалось, что обстановка в регионе начала вступать в полосу относительной стабилизации. Единственным исключением была Ливия, где обстановка полураспада государства создавала питательную среду для расползания терроризма и бесконтрольного распространения разных видов вооружения на сопредельные страны, о чем красноречиво свидетельствовал инцидент с захватом террористами значительной части территории Мали и распространением террористической опасности на территорию Алжира. Впрочем, казалось, подобная опасность может быть успешно локализована, а затем и устранена, что подтверждалось успешными действиями французского экспедиционного корпуса и силовых структур Алжира. Это мнение подтверждала относительная стабилизация ситуации в Мали была относительно стабилизирована.

Однако изменение положения в Египте кардинальным образом трансформировало общую обстановку в регионе, расширяя потенциал распространения конфликта практически на весь регион.

Третьей зоной конфликта является регион, расположенный к югу от Сахары. По сути дела он почти весь период после получения африканскими странами независимости является зоной неугасающих конфликтов – военных переворотов, межэтнических и межконфессиональных войн. Если рассматривать этот регион с точки зрения регионального конфликтного потенциала, имеет смысл анализировать его как единую зону, начинающуюся от атлантического побережья Африки, включая весь регион Сахеля, а также страны, расположенные южнее и восточнее него, включая такие государства как Нигерию, и вплоть до Южного Судана, Эфиопии, Эритреи и Сомали на Востоке и Центрально-Африканской Республики на Юге. Принципиально новая опасность разрастания конфликта в этом регионе заключается в его возможной тотализации и превращения конфессионального фактора в главный источник конфликта.

Четвертой зоной конфликта является афгано-пакистанский регион с эпицентром в районе Вазиристана⁴, расположенным по обе стороны линии Дюранда⁵, обозначающей официально установленную, но практически не контролируруемую никем, кроме воинственных пуштунских племен (напрямую связанных с Талибаном и аль-Каидой), территорию. Несмотря на многолетние усилия оккупационных войск стран НАТО совместно с правительственными силами Афганистана, им удалось лишь на время «приглушить», но отнюдь не подавить этот очаг конфликта, и он неминуемо вспыхнет с новой силой после вывода коалиционных сил из Афганистана в 2014 г.

Эта перспектива развития ситуации была четко отмечена на совещании Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) весной 2013 г. Причем очевидно, что одной из главных тенденций развития этого конфликта станет его распространение на страны Центральной Азии, что также затронет интересы сопред-

⁴ Район на северо-западе Пакистана на границе с Афганистаном с административным центром в г. Вана.

⁵ Индо-афганская граница, установленная в 1893 г. по соглашению Мортимера Дюранда с эмиром Афганистана Абдурахман-ханом.

дельных стран – России, Китая, Ирана и Закавказья. Сюда же неминуемо будет вовлечена Индия в связи с общим возрастанием террористической опасности в регионе.

Наконец, пятой зоной конфликта стал в последнее время тихоокеанский регион в связи с обострившимися пограничными конфликтами, вызванными главным образом спорами из-за принадлежности отдельных островов между Китаем и практически всеми его соседями, расположенными вдоль побережья Тихого океана: Японией, Южной Кореей, Филиппинами и Вьетнамом. Это единственная конфликтная зона, не связанная напрямую ни с исламским миром, ни с теми последствиями «арабской весны», которые вызваны усилением фактора политического ислама и возникновением благоприятной обстановки для активизации террористической деятельности радикальных исламистских группировок. Однако здесь можно выявить определенную связь, заключающуюся в том, что, учитывая завязанность мировых держав в исламском регионе, Китай, возможно, попытается использовать изменившееся в этом контексте соотношение сил для решения своих региональных проблем, используя угрозу военной силы.

За исключением этого особого случая регионального конфликта, все остальные конфликтные зоны прямо соприкасаются друг с другом, поэтому дальнейшее расползание конфликтов в этих зонах грозит превращением всего обширного пространства от западных границ Индии до Атлантического океана практически в единый конфликтный узел. Такая угроза приобретает уже глобальный характер, чреватый самыми серьезными последствиями для судеб всего человечества.

Библиография

- Труевцев К.М. 2011. *Год 2011 – новая демократическая волна?* М.
- Труевцев К.М. 2012. «Арабская весна»: ход, акторы, технология, промежуточные результаты // *Полития*, №1.
- Гоним В. 2012. *Революция 2.0*. СПб.
- Ленин В.И. 1981. Марксизм и восстание. Письмо Центральному комитету РСДРП (б) // *Полное собрание сочинений*, Т. 34. М.
- ИТАР-ТАСС. 2013. Смена власти в Египте: реакция мирового сообщества // *ИТАР-ТАСС*. 04.07.2013. URL: <http://news.mail.ru/politics/13772503/>.
- Мальцев В. 2013. Сирия смертельно рассорила мусульман // *НГ-Религии*. 03.07.2011. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2013-07-03/3_siria.html.

Формирование «афразийской» зоны нестабильности¹

В предыдущем разделе были выделены пять главных зон нестабильности, которые условно можно обозначить как: Центральноазиатскую (включающую Афганистан и Пакистан), Ближневосточную, Североафриканскую, регион Сахеля и Тихоокеанскую. При этом последняя явно выделяется из общего списка, распространяясь исключительно вдоль границ Китайской Народной Республики и являясь скорее следствием китайских внешнеполитических приоритетов и амбиций.

Что же касается остальных регионов, то они в совокупности представляют собой единую непрерывную «афразийскую макрозону нестабильности». Напомним, что конфликтогенность этих зон связана со следующим.

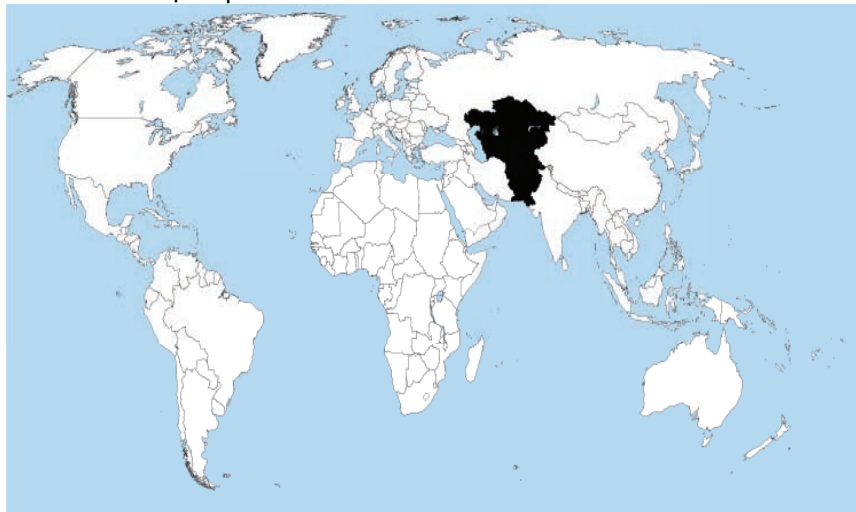
Центральноазиатский регион (Рис. 1) на протяжении последних десятилетий является зоной распространения нестабильности с центром в Афганистане, где даже длительное пребывание коалиционных войск НАТО не смогло полностью разрешить конфликт. Существенно усугубилась ситуация и в соседнем Пакистане, где после ухода президента Первеза Мушаррафа лишь усилились риски возникновения социально-политической нестабильности. А после распада СССР заметно ухудшилось положение дел и в бывших советских центральноазиатских республиках, подтверждением чему могут служить гражданская война в Таджикистане, восстание в Андижане и беспорядки в Жанаозене.

При этом события «арабской весны», обнажившие кризис авторитарных режимов старого типа, выполнивших свои, «теологические функции – первичную модернизацию и национальную консолидацию» (см.: Труевцев 2011), – грозят и республикам бывшего Советского Союза, где с проблемой передачи власти в ближайшее время столкнутся Н. Назарбаев и И. Каримов, а также Э. Рахмон. Таким образом, центральноазиатская зона нестабильности является

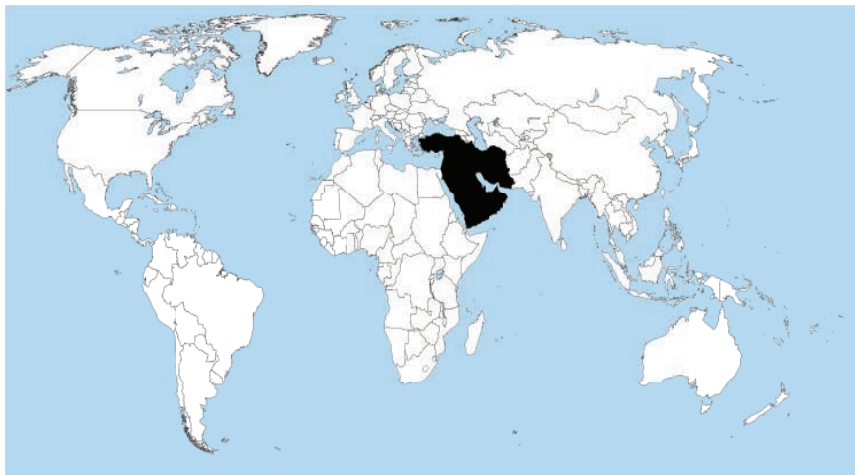
¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 году.

наиболее взрывоопасным регионом мира, что приобретает особую актуальность для Российской Федерации, имеющей весьма протяженную границу с Казахстаном.

Рис. 1. Центральнаяазиатская зона нестабильности.

Второй зоной нестабильности является Ближний Восток (Рис. 2) – традиционно одно из самых конфликтогенных мест в мире. Помимо, ставшего уже перманентным, Ближневосточного конфликта после событий «арабской весны» ситуация заметно усложнилась гражданской войной в Сирии, способной оказать влияние на соседние страны, прежде всего, Ливан, Ирак, Иран и, не исключено, как показывают последние события в Стамбуле, на Турцию. Конфликт опасен тем, что представляет собой не просто противостояние режима президента Башара аль-Асада с повстанцами, но способен привести к межнациональной войне, особая роль в которой отводится курдам, самой крупной из ныне существующих национальностей в мире, не имеющих собственного государства.

Рис. 2. Ближневосточная зона нестабильности.

Однако еще более разрушительные последствия может принести противостояние, носящее межконфессиональный характер. На политической карте Ближнего Востока вновь становится заметным противостояние двух «полумесяцев»: шиитского и суннитского (подробнее см.: Исаев 2011). На сегодняшний день опасность аналогичного противостояния между шиитами и суннитами снова актуализировалась. В качестве «шиитского полумесяца» выступают Иран, Ирак, Сирия и Ливан, при этом «суннитский полумесяц» простирается вдоль североафриканского побережья от Марокко до Египта, захватывая далее монархии Аравийского полуострова, Сирию и Турцию. Таким образом, становится очевидным, что Сирийская Арабская Республика в заметной степени оказалась ареной противостояния между двумя направлениями в исламе, чем и можно объяснить столь принципиальную позицию соседних государств в отношении сирийского конфликта.

Следующий зоной является Северная Африка (Рис. 3), где ситуация заметно осложнилась в ходе и после свержения режима М. Каддафи, подтверждением чему стал конфликт в Мали и наметившаяся тенденция к превращению Ливии, по сути, в конгломерат независимых друг от друга территорий.

Рис. 3. Североафриканская зона нестабильности.

Здесь важно отметить, что при всех перегибах правления М. Каддафи, ему удавалось выступать в качестве гаранта стабильности в регионе, поддерживая хорошие отношения с кочевыми племенами на южных границах стран Магриба. Аналогичное можно сказать и о египетском президенте Х. Мубараке, приложившем немало усилий для сохранения мира и безопасности на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Однако очередная революционная волна в Египте и, последовавшее за этим свержение демократически избранного президента М. Мурси, лишь усугубили политический кризис в стране, являющейся ключевой в регионе, и, скорее, способствовали дальнейшему пребыванию североафриканских стран в зоне политической турбулентности. При этом не исключено, что на этот раз уже пример египетской молодежи послужил катализатором для тунисцев, проявивших недовольство установившемся исламистским режимом в лице партии ан-Нахда² (см., например: Исаев 2013б).

Наконец, четвертая зона нестабильности простирается в районе т.н. Сахеля и Африканского Рога (Рис. 4): от стран Магриба на севере до Нигерии и ЦАР на юге и от Сомали на востоке до Сенегала на западе.

² В чем-то похожие процессы прослеживаются и в Турции (см., например: Коротаев 2013), однако потенциал социально-политической дестабилизации, связанной с данными процессами, здесь заметно меньше чем в Египте и даже Тунисе.

Рис. 4. Сахельская зона нестабильности.

С момента получения независимости большинство из этих стран стали зоной неутрачивающих противостояний. Ситуация здесь особенно усложняется конфликтом в Ливии, возникшем в ходе событий «арабской весны», а также многолетним противостоянием между Южным и Северным Суданом, превратившемся в источник одной из наиболее масштабных катастроф на всем Африканском континенте в последние десятилетия.

Нетрудно заметить, что все четыре описанные выше зоны образуют единую непрерывную макрону нестабильности, которую можно обозначить как «афразийскую» (Рис. 5); очевидно, что это макрону в настоящее время является основной областью концентрации внутренней социально-политической напряженности. Мир за пределами этой макроны выглядит сейчас намного более спокойным.

Рис. 5. «Афразийская» макророна нестабильности.

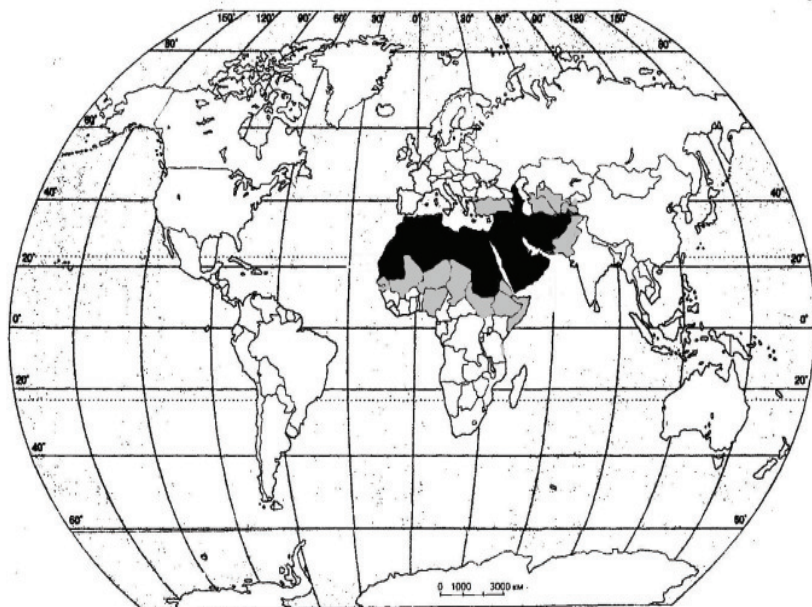
А теперь сопоставим «афразийскую» зону нестабильности с зоной распространения ортокузенного брака. В целом кузенные браки (т.е. браки между двоюродными братьями и сестрами) имеют самое широкое распространение в традиционных культурах мира (см., например: Ember 1983: 83; Pasternak, С. Ember, М. Ember 1997: 133). Но в подавляющем большинстве случаев речь идет о кросс-кузенном браке (т.е. о женитьбе на дочери брата матери или дочери сестры отца). Дело в том, что кросс-кузены (т.е. дети брата и сестры) принадлежат к разным родам, и поэтому брак между ними обычно не считается кровосмесительным, так как он не нарушает принципа родовой экзогамии (т.е. запрета брать себе брачного партнера изнутри собственного рода), в то время как экзогамия была характерна для родовой организации подавляющего большинства народов мира, такую организацию имевших (см., например: Коротаяев, Оболонков 1989, 1990).

Другой основной тип данной формы брака, ортокузенный брак, встречается значительно реже. Ортокузенный брак может быть подразделен на два подтипа: матрилатеральный (с дочерью сестры матери) и патрилатеральный (с дочерью брата отца). Первый из этих подтипов особенно редок: собственно говоря, нам известен лишь один такого рода этнографический случай: туареги Сахары, среди которых подобная форма брака традиционно являлась предпочтительной (см., например: Першиц 1998: 543). Второй подтип

имеет значительно более широкое распространение; тем не менее, он засвидетельствован в качестве предпочтительного лишь у нескольких десятков (из нескольких тысяч) этнических групп мира, и при этом картина пространственного распределения этих культур имеет довольно определенный характер.

Ниже (Рис. 6) приводится карта традиционного распространения ортокузенного брака. Черным залиты страны/области, где ортокузенный брак традиционно имел очень широкое распространение, серым – те страны/области, где он традиционно имел заметное (но не очень широкое распространение).

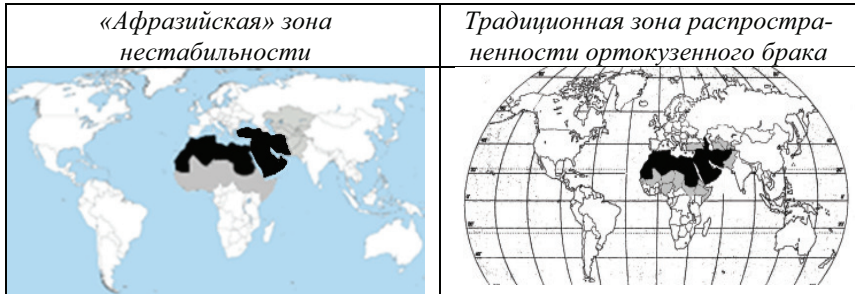
Рис. 6. Традиционная зона распространности ортокузенного брака.

Источники данных для составления данной карты: Murdock 1967; Murdock et al. 1990, 1999–2000; Толстов и др. 1963: 110, 552, 595, 606, 616; Кисляков 1969: 58–59; Андреев 1949: 10; Моногарова 1949: 106; 1972: 127; Андреев 1953: 121–122; Ишанкулов 1972: 24; Шаниязов 1964: 141.

Теперь сопоставим зону традиционного распространения ортокузенного брака с «афразийской» макрозоной социально-политической нестабильности (см. Рис. 7).

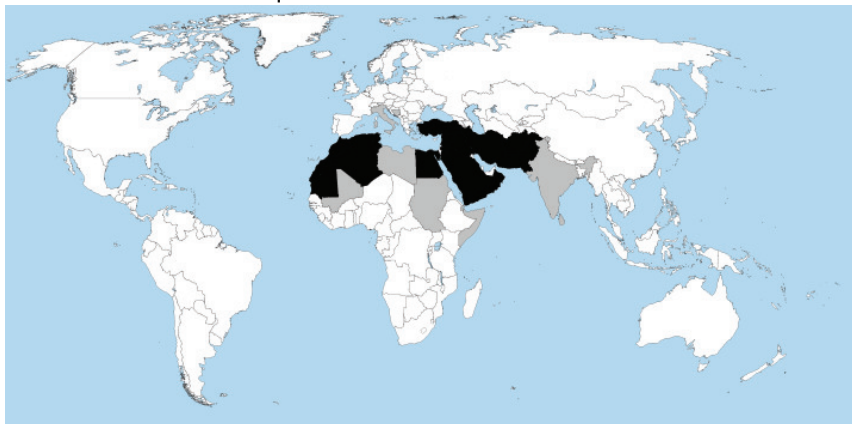
Рис. 7. «Афразийская» зона нестабильности и традиционная зона распространности ортокузенного брака в сопоставлении.

Нетрудно видеть, что пространственные границы обеих зон совпадают практически идеально (хотя, естественно, и не на сто процентов).

Вместе с тем, мы не думаем, что между двумя этими переменными (ортокузенный брак и социально-политическая нестабильность) есть причинно-следственная связь, хотя С. Курц (Kurtz 2007) и выдвигал гипотезу о наличии такого рода связи со ссылкой на статью одного из авторов этого раздела (Коротаев 2000). Мы уверены, что за ними стоит некая третья – более глубокая – переменная – судя по всему цивилизационного порядка. Это соображение подтверждается и тем, что «афразийская» макрозона нестабильности, а соответственно и зона традиционного распространения ортокузенного брака, почти идеально (лишь со считанным числом исключений) совпадает и с зоной сверхнизкой долей экономически активных женщин (см. Рис. 8). На этом рисунке черным цветом залиты страны со сверхнизким (< 29%) процентом экономически активных женщин в общей численности взрослого женского населения (≥ 15 лет), а серым – страны с очень низкой (29–38%) долей.

Рис. 8. Страны с наименьшим соотношением экономически активных женщин.

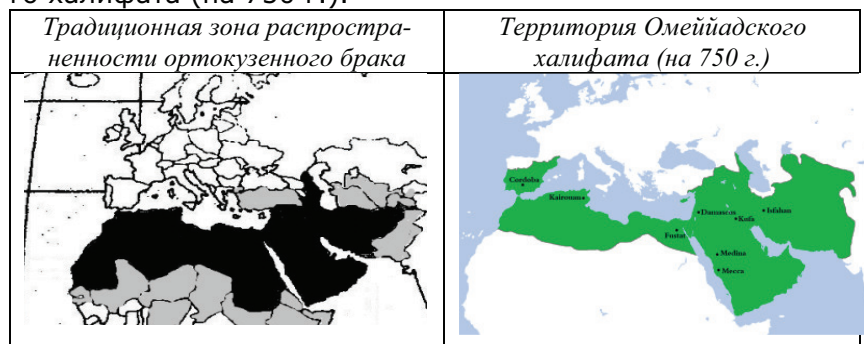
Источник данных для составления данной карты: World Bank 2013.

Как мы видим, и зона крайне низкой женской занятости оказывается чрезвычайно близко совпадающей, как с зоной традиционного распространения ортокузенного брака, так и с «афразийской» макрзоной социально-политической нестабильности. При этом в данном случае функциональная связь с социально-политической нестабильностью более наглядна. Скажем, в Египте явным предвестником египетских событий 2011 г. была начавшаяся 6 апреля 2008 г. забастовка ткачей на текстильной фабрике в городе аль-Махалла аль-Кубра. Именно в ходе нее в сети «Фейсбук» возникла группа «Движение молодежи 6 апреля», которая в дальнейшем явилась одним из главных организаторов «революции 25 января» в Египте (см., например: Wolman 2008). Практически в любых других странах за пределами «афразийской» зоны на ткацких фабриках работают женщины, а там мужчины. Если бы на текстильной фабрике аль-Махаллы аль-Кубры работали женщины, а не мужчины, то мы очень сомневаемся, что их бы удалось «вывести на улицу». Однако вполне понятно, что речь здесь идет хоть и о значимом, но отнюдь не об одном из самых выжних факторов, генерирующих социально-политическую дестабилизацию.

Отметим, что наше прошлое исследование феномена ортокузенного брака (см.: Korotayev 2000) показало, что наиболее тесная корреляция здесь наблюдается с включением той или иной терри-

тории в состав Омеййадского халифата. Действительно именно в этом случае наблюдается особенно тесная корреляция³ (см. Рис. 9).

Рис. 9. Традиционная зона распространности ортокузенного брака в сопоставлении с территорией Омеййадского халифата (на 750 г.).

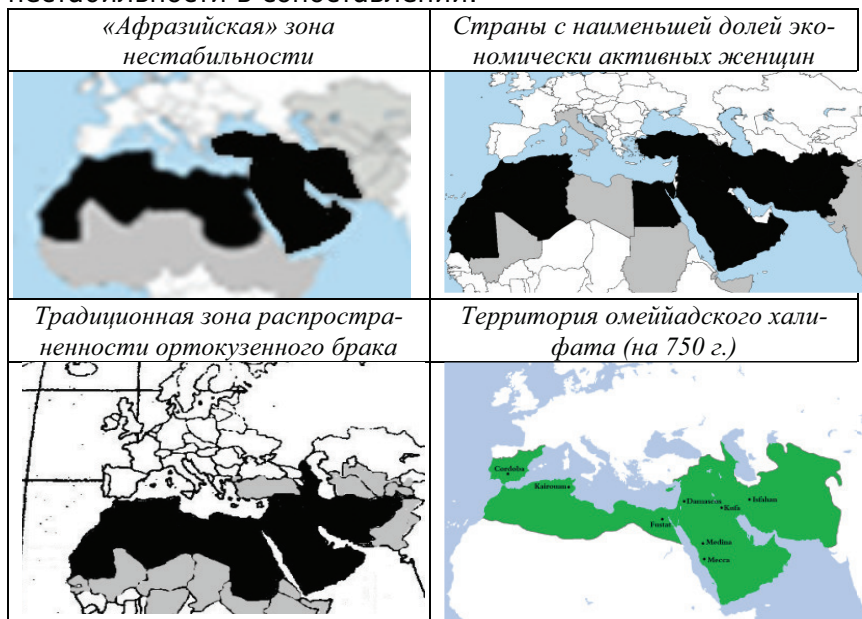
В целом же, достаточно очевидно очень тесное совпадение всех рассмотренных зон (см. Рис. 10).

Как мы видим, территории «афразийской» макрзоны нестабильности, зоны распространения ортокузенного брака, Омеййадского халифата и зоны сверхнизкой женской занятости крайне близки между собой.

Чем же объясняется столь тесная корреляция? Начнем нашу попытку ответа на этот вопрос с рассмотрения вопроса о том, почему границы зоны традиционного распространения ортокузенного брака столь близки к границам Омеййадского халифата.

³ Что было показано нами и при помощи формальных статистических процедур (Korotayev 2000).

Рис. 10. Традиционная зона распространения ортокузенного брака, территория Омеййадского халифата, зона сверхнизкой женской занятости и Афразийская макрорегиона нестабильности в сопоставлении.

С одной стороны, по-видимому, трудно отрицать наличие определенной функциональной связи между исламом и предпочтительным патрилатеральным ортокузенным браком. В самом деле, подобная форма брака оказывается высоко адаптивной именно в традиционном исламском контексте. Как хорошо известно, важной чертой исламского права является то, что оно настаивает на том, что дочь должна иметь свою долю в наследстве (хотя доля эта и оказывается в два раза меньшей, чем доля сына). Более того, она должна иметь твердую долю в наследовании всех видов собственности, остающихся после смерти ее отца. «...Коранические аяты, посвященные проблемам наследования (4:7, 11–12, 176)..., даровали права наследования дочерям в патриархальном обществе, в котором все права такого рода традиционно принадлежали лишь наследникам мужского пола. На Западе женщины были лишены такого рода прав вплоть до XIX века» (Esposito 1998: 95; см. также:

Schacht 1964; Esposito 1982). Исламские религиозные власти обычно уделяли большое внимание обеспечению соблюдения этих норм, расценивая любые попытки лишить дочь ее доли во всех видах причитающейся ей собственности как ясную манифестацию, «Сатанинского права» (*tāghūt*) (см.: Dresch 1989).

Данная норма, по всей видимости, не создавала каких-либо серьезных проблем в несельскохозяйственной торговой Мекке. Однако эта норма зачастую создавала самые серьезные проблемы в патрилинейном экзогамном патрилокальном контексте среди интенсивных земледельцев.

Представим себе в подобном контексте расширенную семью плужных земледельцев, живущую в однородном поселении и обладающую большим, компактным и удобным для эксплуатации массивом земли. Для подобной семьи соблюдение вышеописанных исламских норм без изменения брачных практик имело бы следующие последствия.

В каждом поколении заметная часть земли будет наследоваться дочерьми. Однако при экзогамном патрилокальном браке дочери должны будут выходить замуж за мужчин из других деревень. Напомним, что речь здесь идет о традиционных плужных земледельцах, которые к тому же мусульмане (с характерной для них в традиционных условиях той или иной степенью затворничества женщин). В подобном контексте обрабатывать и контролировать землю реально будет скорее муж дочери, но не сама дочь. Соответствующий участок земли, таким образом, должен будет перейти под фактический контроль большесемейной общины мужа дочери. В результате, на протяжении жизни всего лишь нескольких поколений большой, компактный и удобный для эксплуатации массив земли превратится в «лоскутное одеяло» из мелких участков земли, находящихся под фактическим контролем разных домохозяйств, принадлежащих к тому же к различным общинам-поселениям. Мужчины, входящие в состав рассматриваемой нами расширенной семьи, конечно, получают в свою очередь контроль над различными мелкими участками земли, унаследованными их женами. Но мозаика этих мелких участков, разбросанных по окрестностям деревни, вряд ли сможет послужить адекватной компенсацией за утрату большого, компактного и удобного для эксплуатации массива земли, когда-то контролировавшегося данной расширенной семьей.

В подобного рода социально-юридическом контексте патрилатеральный ортокузенный брак мог бы действительно эффективно решить описанную выше проблему. Если твоя дочь выходит замуж за сына твоего брата, земля, которую она унаследует, останется под контролем твоей семьи, которая не столкнется в этом случае ни с одной из вышеописанных проблем (см., например: Rosenfeld 1957). Таким образом, наличие значимой корреляции между исламизацией культур и наличием в них предпочтительного патрилатерального ортокузенного брака не представляется ни в какой степени удивительным.

Здесь, однако, необходимо обратить внимание на следующие моменты. Исламское право не запрещает патрилатеральный ортокузенный брак. Но оно его ни в какой степени и не предписывает (см., например: Schacht 1964; аль-Джазири 1990/1410: 60–61). Однако большинство традиционных культур имеет совершенно отчетливое представление об инцестуозном характере связи между женщиной и дочерью брата ее отца. Это очевидно уже из того факта, что в большинстве языков мира термин для обозначения дочери брата отца (как, впрочем, и дочери сестры матери) идентичен термину, обозначающему родную сестру. Это обычно подразумевает, что брак с дочерью брата отца (или дочерью сестры матери) рассматривается как аналогичный женитьбе на родной сестре (Коротаев 1999). Таким образом, здесь мы имеем дело со своего рода «когнитивной проблемой»⁴.

В рамках такого рода контекста само по себе разрешение жениться на дочери брата отца оказывается недостаточным для преодоления вышеупомянутой «когнитивной проблемы», даже если подобная женитьба может принести определенные экономические преимущества жениху и его семье (что и наблюдается, например, среди большинства исламских обществ Африки к Югу от Сахары). Очевидно, в дополнение к исламизации должен действовать и еще какой-то фактор, который мог бы вместе с исламизацией привести к распространению предпочтительного патрилатерального ортокузенного брака. На наш взгляд, этот фактор как раз и присутствовал в арабо-мусульманском Халифате VII–VIII веков (как минимум до

⁴ Данный термин был предложен Д. Кроненфельдом в ходе 29-й ежегодной конференции Общества кросс-культурных исследований (Новый Орлеан, штат Луизиана, 24.02.2000).

750 г.). Что же это был за фактор?

Исламская цивилизация у нас нередко обозначалась как «арабо-мусульманская» (что нередко встречало серьезные возражения со стороны наших коллег из Средней Азии, см., например: (Ахмаджонзода 1988). Подчеркнем, тем не менее, что обозначение это представляется в некоторых отношениях довольно удачным. Дело в том, что эта цивилизация (в особенности в пределах территории первой исламской империи) инкорпорировала в себя многие арабские неисламские элементы (и не может быть понята, если это обстоятельство не принимать во внимание).

Здесь необходимо отметить то положение, что в рамках арабо-мусульманского Халифата арабы представляли собой доминирующий этнос как минимум вплоть до «Аббасидской революции», произошедшей в середине VIII века, а арабская культура в целом (включая и ее неисламские компоненты, к числу которых, на наш взгляд, стоит отнести и предпочтительный патрилатеральный ортокузенный брак) приобрела высочайший престиж и распространилась по территории всей Империи.

«После завоеваний арабы оказались контролирующими гигантское неарабское население. Немусульманской его части можно легко было дать статус, похожий на статус клиентов в Аравии, так чтобы они сохраняли свою собственную самоорганизацию в обмен на уплату налогов... Но неарабы, принявшие ислам, представляли собой новую проблему из-за того, что, с одной стороны, их нужно было инкорпорировать в арабское общество, а не просто контролировать; но, с другой стороны, они “ЗАБЫЛИ СВОИ ГЕНЕАЛОГИИ”, испытали поражение и зачастую порабощение, так что они не могли представлять собою полноценных *халифов* (полноправных союзников); единственными неарабами, получившими подобный статус, были *hamra'* и *asawira*, персидские солдаты, перешедшие на сторону арабов во время завоевательных войн последних в обмен на привилегированный статус... Именно для решения этой новой проблемы и был разработан исламский институт *wala'* [т.е. система включения неарабов в исламское общество в качестве зависимых неполноправных *mawali* – прим. авт.]» (Crone 1991: 875).

Все-таки не может не впечатлять тот факт, что такой высокопрофессиональный специалист по раннеисламской истории, как П. Кроун умудрилась не заметить другого (и несравненно более существенного!) исключения – йеменцев. Дело здесь, видимо, в

том, что усилия йеменцев, стремившихся убедить арабов, что южноаравийцы являются такими же арабами как и они⁵, или даже более чистыми арабами (*al-`arab al-`airibah* в отличие от *al-`arab al-musta`ribah* [см., например: Пиотровский 1977: 20, 23, 29; 1985: 67; Robin 1991 и т.д.]), чем сами арабы, и что они всегда были арабами, оказались столь успешными, что они убедили в этом не только самих арабов (см., например: Ibn al-Kalbī 1966: 40-41), но и арабистов.

Однако для того, чтобы быть признанными арабами (а значит, и полноправными членами раннеисламского общества) йеменцы должны были перенять заметное количество собственно арабских практик, и при этом даже таких, которые прямо с исламом никак связаны не были. Хорошим примером здесь может служить заимствование йеменцами арабской генеалогической традиции.

Древние южноаравийские общины были «*ша`бами*», подчеркнуто территориальными сообществами, не располагавшими сколько-нибудь разработанными генеалогиями:

«В резком контрасте с североаравийской практикой составления длинных генеалогических списков (зафиксированной в сафаитских надписях и для доисламского периода) древняя южноаравийская идентификация человека состояла просто из его собственного имени плюс обозначения принадлежности к определенной социальной группы (обычно *байта*) с необязательным добавочным упоминанием имени отца, но никогда с указанием каких-либо предков более высокой степени. Здесь трудно не вспомнить приписываемое халифу Умару высказывание (“Изучайте свои генеалогии и не будьте подобны <<набатейцам>> Месопотамии, которые, когда их спрашивают, кто они, отвечают <<Я из такой-то деревни>>”), которое Ибн Халдун цитирует с крайне примечательным комментарием, согласно которому утверждение это верно и по отношению к земледельческому населению Аравии... *Кабила*... это кровнородственное в основе свой объединение, и этим оно по сути своей отличается от *ша`ба*... В Коране (49:13) *ja`alna-kum shu`uban wa-qaba`ila* совершенно определенно относится к двум различным типам социальной организации, и Ибн Халдун, когда он говорит об оседлых жителях Аравии, строго употребляет слово *shu`ub*, а не *qaba`il*, которое он использует только для

⁵ А старания эти были не безосновательными, ибо часть арабов все-таки какое-то время отказывалась признавать арабами йеменцев (см., например: Пиотровский 1985: 67).

обозначения социальных объединений кочевников» (Beeston 1972a: 257–258; см. также: Beeston 1972b: 543; Ryckmans J. 1974: 500; Robin 1982a; 1982b; Пиотровский 1985: 53, 69; Коротаев 2000 и т.д.).

В раннеисламскую эпоху под влиянием приобретшей в мусульманском мире высокий статус культуры североаравийских кочевых племен южноаравийские «*ша`бы*», продолжая оставаться в основе своей территориальными (Dresch 1989; Serjeant 1989), трансформировались в «*qabā`il*», племена, построенные формально по генеалогическому признаку.

Трансформация территориальных «*ша`бов*» в генеалогические племена в свою очередь явилась результатом упорного труда южноаравийцев по разработке своих собственных генеалогий, а также их упорной (и вполне успешной) борьбы за признание этих генеалогий арабским миром (и по интеграции, таким образом в арабский этнос, господствовавший в раннеисламском государстве [VII – середина VIII вв.], на довольно высоких позициях – Пиотровский 1977; 1985).

Все это показывает, что в Омеййадском халифате существовало хотя и неформальное, но исключительно сильное социальное давление на исламизированные группы неарабов, фактически заставлявшее их перенимать арабские нормы и практики, даже если они и не имели прямого отношения к исламу (это касалось, например, генеалогии и предпочтения патрилатеральному ортокузенному браку). С другой стороны, после того как подобные культурные эттерны получили распространение, неминуемо должна была обнаружиться высокая функциональная ценность некоторых из этих практик (и в частности, ортокузенного брака), что должно было обеспечить их устойчивое воспроизводство в последующих поколениях. В этом историческом контексте (когда арабы представляли собой доминирующий этнос Халифата) их нормы и практики заимствовались исламизирующимися неарабскими этническими группами, стремившимися к достижению полноправного социального статуса. Таким образом, систематический переход к практике предпочтительного патрилатерального ортокузенного брака наблюдался там, где исламизация сообществ сопровождалась и их «арабизацией». Именно такая ситуация и наблюдалась в Омеййадском халифате вплоть до самого конца его существования, 750 г., когда в результате т.н. «Аббасидской революции» неполноправное

положение мусульман-неарабов было радикальным образом ликвидировано (см., например: Shaban 1970). И именно данное обстоятельство, по-видимому, и является главной причиной той сильнейшей корреляции, которую мы выше обнаружили между распространением в этнографическом ареале практики предпочтительного патрилатерального ортокузенного брака и входением ареала в состав Омейядского халифата.

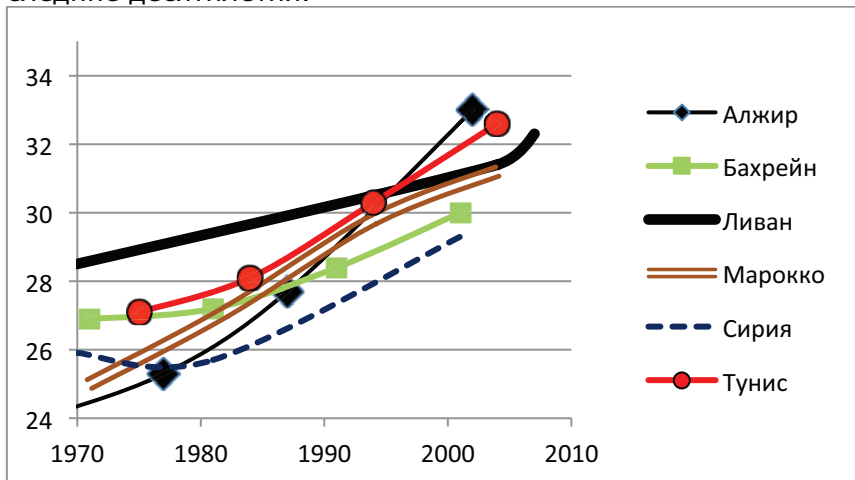
Таким образом, ортокузенный брак выступает, по сути, совсем неплохим маркером принадлежности к арабо-исламской цивилизации. Таким образом, имеются основания предполагать, что какие-то характеристики этой цивилизации в современных условиях оказались способствующими социально-политической дестабилизации. В рамках данной работы мы остановимся лишь на некоторых из таких характеристик.

По-видимому, одной из таких характеристик можно считать сочетание жестких запретов на внебрачные половые связи с целым набором брачно-семейных обычаев, которые в условиях модернизации привели к резкому росту возраста вступления в брак для мужчин (см. ниже Рис. 11, а также, например: Rashad, Osman, Roudi-Fahimi 2005: 6; Marks 2011a: 5, 25; Marks 2011b; Puschmann, Matthijs 2012: 15, 19).

«На традиции пышного празднования арабских свадеб наложились растущая модернизация региона и стимулирование потребительского интереса, что сделало бракосочетание и сопутствующие церемонии весьма дорогим удовольствием. В арабских странах молодые люди в возрасте от 20 лет обычно говорят, что экономят деньги для того, чтобы иметь возможность жениться через несколько лет в будущем» (Rashad, Osman, Roudi-Fahimi 2005: 6).

«Рост цен на вступление в брак является важной причиной его отсрочки. К концу 1990-х гг. средние затраты на вступление в брак в Египте составляли примерно 6 000 долл. США, в то время как ежегодный ВВП на душу населения составлял всего 1 490 долл. США (Singerman, Ibrahim 2001). Это объясняет тот факт, что молодые люди и их семьи в течение многих лет экономят деньги для свадьбы» (Puschmann, Matthijs 2012: 19).

Рис. 11. Динамика среднего возраста первого вступления в брак (лет) у мужчин некоторых арабских стран в последние десятилетия.

Источник данных: UN Population Division 2013.

В связи с этим ещё в 2005 г. Б. Менш, С. Сингх и Дж. Кастерлайн отмечали:

«Разумным кажется, что отсрочка вступления в брак, после определенного момента, не может считаться универсально положительной, даже если она была вызвана завышенными ожиданиями, а не ухудшающимися экономическими обстоятельствами. Действительно, поздний возраст вступления в брак, вытекающий из ограниченности ресурсов, не может рассматриваться как желательный для молодых людей – он может быть источником разочарования, особенно в тех регионах, где добрачные половые связи не допускаются» (Mensch, Singh, Casterline 2005: 26).

В этой связи крайне актуальным выглядит тезис о том, что неженатые мужчины значительно более склонны к радикализму и экстремистским политическим действиям (вплоть до прямого терроризма), чем женатые мужчины аналогичного возраста, что было показано с использованием прямых эмпирических данных по Египту (см.: Marks 2011a: 9–17). Таким образом, наблюдавшийся в последние десятилетия в большинстве арабских стран значительный рост среднего возраста вступления в брак среди мужчин можно

считать значимым фактором социально-политической дестабилизации в этой части Земного шара.

«Увеличение возраста вступления в брак становится источником фрустрации в семьях. Брак остался одной из самых высоких целей молодых людей в арабском мире, и хотя нынешнее поколение молодежи инвестировало больше времени, энергии и денег в образование, чем предыдущие, доступ к браку стал более затрудненным, поскольку в настоящее время этот процесс занимает больше времени, чтобы удовлетворить экономические требования вступления в брак. Несмотря на то, что невступление в брак в течение длительного времени может иметь некоторые преимущества, оно ограничивает молодежь, особенно в случае с женщинами, и провоцирует конфликты между родителями и детьми. Это также может иметь негативные психологические последствия, поскольку отсрочка вступления в брак означает задержку в переходе к взрослой жизни. Кроме того, соблюдение требования оставаться девственницами до брака для женщин стало более сложным с увеличением возраста вступления в брак. Это становится еще одной формой стресса, вызванной изменениями брачности. Более того, мы считаем, что не состоящие в браке люди более склонны к протестам и массовым беспорядкам и применению насилия против существующего порядка, нежели женатые. В конце концов, женатые люди имеют больше обязанностей. Они должны заботиться о своих супругах и о детях, если они есть. Это делает их менее готовыми идти на риск, который может привести к травмам, смерти или наказанию, а также иметь серьезные негативные последствия для их семей» (Marks 2011a: 9–17).

Действительно, существует несколько исследований, которые подтверждают, что насилие и социальная неустроенность выше среди (молодых) неженатых мужчин (Courtwright 1998; Daly, Wilson 1990; Sampson, Laub, Wimer 2006). М. Маркс свидетельствует о том, что незамужние мужчины в Египте в большей степени готовы проявлять политическую активность с высоким риском, чем женатые (Marks 2011a). По нашему мнению, есть достаточно оснований для того, чтобы рассматривать изменения брачности в качестве одного из факторов, ставших причиной «арабской весны»: такого рода изменения вызывают фрустрацию, психологические проблемы и конфликты внутри арабского общества. Все это склоняет людей к протестам и бунтам. Более того, рост числа неженатых мужчин (и,

возможно, незамужних женщин) повышает количество тех, кто готов принять участие в политических действиях с высоким риском.

Библиография

Аль-Джазири. А. 1990/1410. *Китаб аль-фикх ала-л-мазхахиб ал-арбаа. Ал-Джуз ал-салас. Китаб ал-никах, китаб ал-талак* (Книга права в соответствии с четырьмя мазхабами. Часть четвертая. Книга брака, книга развода). Бейрут.

Андреев М.С. 1949. К характеристике древних таджикских семейных отношений // *Известия АН Таджикской ССР*. Т. 15. С. 3–24.

Андреев М.С. 1953. *Таджики долины Хуф*. Т.1. Сталинабад.

Ахмаджонзода А. 1988. О проблеме так называемой мусульманской культуры // *Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке*. М. С. 3–4.

Ibn al-Kalbī. 1966. Ibn al-Kalbī, Hisha'm Muhammad. *Jamharat al-Nasab* / Ed. Werner Caskel. Vol. 1–2. Leiden: Brill, 1966.

Исаев Л. М. 2011. Лига арабских государств: история создания // *Восток*, №3. С. 87–94.

Исаев Л. М. 2013а. «Арабская весна» и Лига арабских государств: между Багдадом и Каиром // *Восток*, №3.

Исаев Л. М. 2013б. После Арабской весны: на пути к исламской республике? // *Неприкосновенный запас*, №5.

Ишанкулов Х.Г. 1972. *Брак и свадьба у населения Ходженга в Новое время*. Душанбе.

Кисляков Н.А. 1969. *Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана*. Ленинград.

Коротаев А.В. 1999. О соотношении систем терминов родства и типов социальных систем: опыт количественного кросс-культурного анализа // *Алгебра родства*, №3, С. 117–147.

Коротаев А.В. 2006. *Социальная история Йемена*. М.

Коротаев А.В. 2013. Таксим: взгляд с Тахрира // *Полит.ру*, 29.06.2013. URL: <http://polit.ru/article/2013/06/29/revolutions/>.

Коротаев А.В., Оболонков А.А. 1989. Родовая организация в социально-экономической структуре классовых обществ // *Советская этнография*, №2. С. 36–45.

Коротаев А.В., Оболонков А.А. 1990. Род как форма социальной организации в работах дореволюционных русских и советских исследователей // *Узловые проблемы истории докапиталистических обществ Востока* / Ред. Ашрафян К.З., Ким Г.Ф. М. С. 3–52.

Моногарова Л.Ф. 1949. Язгулемцы Западного Памира // *Советская этнография*, №3, С. 101–116.

Першиц А.И. 1955. Из истории патриархальных форм брака (Нахва – ортокузенный брак у арабов) // *Краткие сообщения Института этнографии*, №24. С. 43–54.

Першиц А.И. 1998. Туареги // *Народы и религии мира* / Ред. Тишков В.А. М. С. 542–543.

Пиотровский М.Б. 1977. *Предание о химйаритском царе Ас`аде ал-Камиле.* М.

Пиотровский М.Б. 1985. *Южная Аравия в раннее средневековье. Становление средневекового общества.* М.

Толстов С.П., Жданко Т.А., Абрамзон С.М., Кисляков Н.А. 1963. (Ред.). *Народы Средней Азии и Казахстана.* Т.2. М.

Труевцев К.М. 2011. *Год 2011 – новая демократическая волна?: препринт WP/14/2011/05.* М.

Шаниязов К.Ш. 1964. *Узбеки-карлуки.* Ташкент.

Beeston A. 1972a. Kingship in Ancient South Arabia // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, No 15, Pp.: 256–268.

Beeston A. 1972b. Notes on Old South Arabian Lexicography VII // *Le Muséon*, No 85, Pp.: 535–544.

Bergsten C. et al. 2008. *China's Rise.* Washington D.C., 2008.

Courtwright D. 1998. *Violent Land: Single Men and Social Disorder from the Frontier Land to the Inner City.* Cambridge, MA.

Crone P. 1991. Mawla // *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*, No 6, Pp.: 874–882.

Daly M., Wilson M. 1990. Killing the Competition. Female/Female and Male/Male Homocide // *Human Nature*, No 1(1), Pp.: 81–107.

Dresch P. 1989. *Tribes, Government, and History in Yemen.* Oxford.

Ember M. 1983. On the Origin and Extension of the Incest Taboo // *Marriage, Family, and Kinship* / Ed. by Ember M., Ember C. New Haven, CT. P. 65–108.

Esposito J. 1982. *Women in Muslim Family Law.* Syracuse, NY.

Esposito J. 1998. *Islam: the Straight Path.* 3rd ed. New York – Oxford.

Korotayev A. 2000. Parallel Cousin (FBD) Marriage, Islamization, and Arabization // *Ethnology*, No 39/4. Pp.: 395–407.

Kurtz S. 2007. Marriage and the Terror War // *National Review Online*, 02.16.2007. URL: <http://www.eppc.org.previewdns.com/publications/marriage-and-the-terror-war/>.

Marks M. 2011a. *The Hazard Posed by and Determinants of Delayed Male Marriage in Egypt.* Master Thesis of Stanford University.

Marks M. 2011b. Determinants of Delayed Male Marriage in Egypt // *The Stanford Journal on Muslim Affairs*, No 2(1). Pp.: 22–29.

Mensch B., Singh S, Casterline J. 2005. *Trends in the Timing of First Marriage Among Men and Women in the Developing World.* New York, NY.

Murdock G. 1967. *Ethnographic Atlas: A Summary.* Pittsburgh.

Murdock G., Textor R., Barry III H., White D. 1990. *Ethnographic Atlas // World Cultures*, No 6(3).

Murdock G., Textor R., Barry III H., White D., Divale W. 1999–2000. *Ethnographic Atlas // World Cultures*, No 10(1), Pp.: 24–136.

Pasternak B., Ember M., Ember C. 1997. *Sex, Gender, and Kinship. A Cross-Cultural Perspective.* Upper Saddle River, NJ.

Puschmann P., Matthijs K. 2012. *The Janus Face of the Demographic Transition in the Arab World. The Decisive Role of Nuptiality.* Leuven.

Rashad H., Osman M, Roudi-Fahimi F. 2005. *Marriage in the Arab World.* Washington, DC.

Robin C. 1982a. *Les Hautes-Terres du Nord-Yémen avant l'Islam*. Istanbul.

Robin C. 1982b. Esquisse d'Une Histoire de l'Organisation Tribale en Arabie du Sud Antique // *La Péninsule Arabique d'Aujourd'hui. Etudes par pays* / In Bonnenfant P. (Ed.). Paris.

Robin C. 1991. La Pénétration des Arabes Nomades au Yémen // *L'Arabie Antiquie de Karib'il à Mahomet. Nouvelles Données Sur l'Histoire des Arabes Grâce aux Inscriptions* / Ed. by Robin C. Aix-en-Provence. Pp.: 71–88.

Rosenfeld H. 1957. An Analysis of Marriage Statistics for a Moslem and Christian Arab Village // *International Archives of Ethnography*, No 48. Pp.: 32–62.

Ryckmans J. 1974. Himyaritica (4) // *Le Muséon*, No 87. P.: 493–521.

Sampson R., Laub J., Wimer C. 2006. Does Marriage Reduce Crime?, A Counterfactual Approach to Within-Individual Causal Effects' // *Criminology*, No 44(3). Pp.: 465-508.

Schacht J. 1964. *An Introduction to Islamic Law*. Oxford.

Serjeant R. 1989. Introduction // *Gazetteer of Historical North-West Yemen in the Islamic Period to 1650 (pp. IX–XII)* / Ed. by Wilson R. Hildesheim.

Shaban M. 1970. *The Abbasid Revolution*. Cambridge.

UN Population Division. 2013. *World Marriage Data 2012* (POP/DB/Marr/Rev2012).

Wolman D. 2008. Cairo Activists Use Facebook to Rattle Regime // *Wired Magazine*, No 16/11. URL: http://www.wired.com/techbiz/startups/magazine/16-11/ff_facebookegypt.

World Bank. 2013. *World Development Indicators Online*. Washington, DC: World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator>.

Протестные движения в современном мире: новые пути или старые заблуждения?

Российские политологи уделяют значительное внимание исследованию протестных движений современности, расширяющих устои ряда государств Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока и грозящих перекинуться на сопредельные страны. Автор этой статьи предпринял попытку подвергнуть протестные движения в указанных регионах психологическому анализу в контексте возникновения новых геополитических и геокультурных проектов переустройства мира, придерживаясь при этом мнения о важности принципа историчности, вполне уместном в исследовании, носящем прогностический характер.

Протестные движения подвергаются психологическому анализу в контексте возникновения новых геополитических и геокультурных проектов переустройства мира. С этой точки зрения выделяются следующие опорные положения, которые будут подробнее рассмотрены ниже. Во-первых, все протестные движения современности вызваны реальными проблемами. Во-вторых, лидеры движений, как правило, предлагают решения, которые, будучи выношены в недрах современной либеральной мысли, по мнению автора, заведомо обречены на провал. В-третьих, все радикальные исламские и другие движения в современном мире тоже пока не смогли доказать свою созидательность.

Нет сомнений, что в каждом регионе протестные движения имеют свои, прежде всего, культурно-исторические особенности (Данилевский 1991). Тем не менее у всех протестных движений есть один общий и существенный признак: их участники отвергают, а иные даже призывают к полному разрушению всех базовых принципов современного мироустройства. Для понимания

причин подобных негативистских взглядов на цивилизационные основы мира, что наиболее убежденно, открыто и ярко демонстрируют современные салафиты, необходимо по-новому осмыслить понятие «революционная ситуация», введенное в свое время В.И. Лениным (Ленин 1915: 218).

В работе «Крах II Интернационала» он впервые определил три признака революционной ситуации: верхи не могут управлять по старому; низы не хотят жить по старому; до предела обостряются нужды и бедствия угнетенных классов. Все это в итоге приводит к повышению политической активности общества. Но чтобы революционная ситуация завершилась революцией, необходимо наличие партии или руководящего центра, способного направить возмущение масс в нужное ему русло (Ленин 1915: 218). Египетский и тунисский сценарии антиавторитарных выступлений и в 2011, и в 2013 г., завершившийся свержением законно избранного президента М. Мурси, в принципе не противоречит выводам вождя русской революции.

Либерализм. Мир очень изменился (прежде всего психологически) с исчезновением СССР, представлявшего принципиально иной тип мироустройства. Провозглашался даже «конец истории» (Фукуяма 2004). При этом «конец истории» подразумевался, конечно же, не в эсхатологическом, а в идеологическом смысле: коммунизм, по его мнению, оказался нежизнеспособным, а «единственно верным» и последним идеологическим учением, доказавшим свою правоту, становился либерализм. При этом подразумевалось, что все трудности будут успешно преодолены эволюционным путем на основе принципов демократии и свободного рынка. Однако уже ближайшая реальность серьезно поколебала концепции либерального толка и заставила пересмотреть свои взгляды и самого Фукуяму. Прошло уже более двадцати лет после исчезновения СССР, а проблемы не только не были решены, но их глубина и количество увеличиваются с каждым годом. Поэтому, на наш взгляд, появились и продолжают возникать различные концепции революционных изменений. Это явление характерно для всего XXI в. Корни революционного сознания очень точно указал А. Камю в 1951 г.:

«Что же представляет собой бунтующий человек? Это человек, говорящий “нет”. Но, отрицая, он не отрекается: это человек, уже первым своим действием говорящий “да”... Таким образом, порыв к бунту коренится одновременно и в решительном протесте против любого вмешательства, которое воспринимается как просто нетерпимое, и в смутной убежденности бунтаря... Бунт не происходит, если нет такого чувства правоты» (Камю 1990: 127).

Подводя итог, следует сказать, что либеральная цивилизация, если придерживаться классификации О. Шпенглера, переживает несомненный упадок. С этой точки зрения интересны слова одного из руководителей итальянского психологического общества при закрытии XIII Европейского психологического конгресса в Стокгольме в 2013 г.: «Кризис в современной Европе имеет не экономическую, а психологическую природу». Нет сомнений, что либерализм потерял «стержень» или «духовную силу», которая явственно просматривалась в XIX в. и которую Р. Киплинг выразил в «Бремени белого человека»: «Неси это гордое бремя не как надменный король – к тяжелой черной работе как раб себя приневожь» (Киплинг 1976: 377).

Можно ли ожидать, что неолиберализм сумеет не только излечиться сам, но и предложить человечеству созидательную программу? В этой связи интересно мнение норвежского исследователя неолиберализма С. Скирбекка:

«Мечта о победе нового либерального мирового порядка основывается на ряде парадоксов. Чтобы идеология возобладавала, она должна ограничить свободу всем, кто ей противостоит. Это само по себе парадокс для идеологии, которая использует свободу, чтобы быть легитимной... На карту может быть поставлена жизнеспособность западной цивилизации, если не развивать другие принципы политического руководства, чем исходящие от либерализма в старых или новых видах... Если новая либеральная идеология будет доминировать, она столкнется со смертельным противником – с собой» (Скирбекк 2003: 266-267).

Анархизм. В XXI в. мы наблюдаем возрождение и обновление двух идеологий века минувшего, оказавшихся на периферии общественно-политической жизни: анархизма и национализма. Фундамент всех анархических теорий заключается в утверждении,

что государство в любой его форме – зло, и потому должно быть в высшей степени ослаблено, т.е. лишено своих функций.

В этом вопросе классический анархизм в значительной мере сходится с классическим либерализмом, при том, что мотивы ограничения роли государства разные: для либералов – невмешательство в сферу накопления и инвестирования капитала, а также предельное ограничение функции государства в области поддержки неимущих, поскольку бедный сам виноват, что оказался в таком положении; для анархизма – максимальное ограничение насильственных и управляющих функций государства.

Однако современный анархизм, вобравший в себя идеи «новых левых» и молодежных движений протеста конца 1960-х гг., совершенно лишен созидательного потенциала в отличие, например, от анархической концепции П.А. Кропоткина (Кропоткин 1919). Если учение князя-революционера не лишено ценных идей, например, возрождение общинных форм взаимопомощи, суть которых состоит в поддержке общиной всех своих членов (на что, в частности делают упор как приверженцы тарикатистского ислама, так и сторонники радикальных течений, включая тех же «Братьев-мусульман»), то его современная версия, реализуемая в движении «антиглобалистов», перевоплощается в индивидуалистическую, даже паразитическую идеологию: продолжение в новых социально-психологических условиях «Парижа 1968 г.». Для характеристики лидеров и идеологов этого движения вполне применимы слова, сказанные более тридцати лет тому назад в отношении контркультуры 1960-х гг.:

«Паразитический характер контркультурных устремлений становится с полнейшей отчетливостью видимым даже невооруженным глазом в тот момент, когда мы сталкиваемся с требованием защитников контркультуры, обращенном к государству, не просто признать право людей, не желающих трудиться, на праздное существование, но финансировать этот способ существования... Этот “оборот мысли”, заложенный в основаниях контркультурного сознания, возрождает в нашей памяти одну из ранних контркультурных моделей поведения и образа жизни, предложенную в раблезианской картине Телемского аббатства с его знаменитым принципом “делай, что хочешь”» (Давыдов, Роднянская 1980: 175-176).

Невольная аналогия (хотя и неполная) возникает здесь в связи с поведением большей части образованной египетской и тунисской молодежи, явно следовавшей образцам западной, прежде всего американской, модели в оценке действительности и поведения (Фитуни 2012; Саватеев 2012а). И, напротив, исламисты выступают с прямо противоположных позиций, требуя в самых жестких формах соблюдения, так сказать, «цивилизационной дисциплины», отвергая любые попытки внесения иноцивилизационных компонентов (Саватеев 2012б).

Национализм. Смысл всякого национального вопроса остается неизменным последние двести лет, т.е. с эпохи появления современных государств и полиэтнических наций:

«Сущность национального вопроса состоит в том, чтобы устроить в современных многонациональных государствах судьбу отдельных наций, какие выработать нормы для их взаимоотношений и для их отношений с государственной властью для того, чтобы социально-экономическая жизнь страны получила нормальное течение, чтобы государство, как определенная организация для борьбы человека за существование, могла служить своим целям (Шаумян 1978а: 146).

Послевоенный либерализм, основанный на «разумном эгоизме», «свободном рынке» и «культуре потребления» не придал национальному вопросу большей значимости, хотя в истекшие полвека «лицо» современных обществ изменилось. Если исключить «истерические концепции» будущего, то можно выделить две концепции «пассивного» и «активного» национализмов.

Концепция толерантности в сфере национальных отношений есть вовсе не стратегия интеграции или даже взаимной терпимости. Это идеология «пассивного» национализма, корни которого следует искать в новом прочтении концепции «национально-культурной автономии» конца XIX в. «Везде, говорит новый национализм, где бок о бок в пределах одного государства живет несколько национальностей, каждая из них должна быть автономна в национально-культурных делах» (Шаумян 1978б: 423). Можно согласиться с цитируемым автором и в том, что «отмежевание, изоляция, отчуждение усиливают, а не ослабляют национальные столкновения и вражду» (Шаумян 1978б: 426). Толерантность в

психологическом смысле сходна с постулатом буддийской философии: «быть всегда равнодушным и никогда не демонстрировать своего отношения – положительного и тем более отрицательного – к чему бы то ни было». Данное понимание толерантности прямо противоположно представлениям в исламе, провозглашающим *джихад* (отстаивание принципов и содержания веры всеми способами, вплоть до вооруженных) обязанностью мусульманина. Что отчасти и имеют целью антиправительственные выступления в арабском мире. Во всяком случае, ссылки на эти положения в выступлениях мусульманских духовных авторитетов и рядовых мусульман, особенно салафитского толка, встречаются постоянно.

Примеры «активного» национализма многочисленны: это и возрождение фашизма в Европе, наличие партий националистического толка в России и бывших республиках СССР, и подчеркивание Пекином своего культурного превосходства над западной цивилизацией, и концепция «индеанизма» в Новом Свете и т.п. Добавим к этому, что, если национализм почему либо возобладает в ведущих мировых державах, это неминуемо приведет к росту как внутренних, так и международных конфликтов. Если же осмысливать путь пройденный человечеством, используя понятие «культурно-исторического типа» (Данилевский 1991), становится ясным, что наивысшие достижения были достигнуты в полиэтнических империях. Обычно их государственная идеология строилась на основе высших духовных ценностей, суть которой точнее всего может быть выражена словами Апостола Павла из его послания Колоссянам: «нет ни эллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа (Послание Колоссянам 3:8-11). Неизбежным следствием такой стратегии всегда и везде – синтез культур: примеры этого и эпоха эллинизма, начавшаяся после объединения Востока и Запада Александром Македонским, и Второй Рим, и Арабский халифат, и Россия времен Петра Великого и СССР в 1930-60 гг.

Религия и идеология. В последнее время все чаще можно услышать, что поскольку кризис современной цивилизации носит системный характер, его преодоление невозможно без коренного изменения духовно-нравственного сознания личности и общества. Поэтому необходимо восстановление религиозной картины мира,

тем более, что современное религиозное сознание имеет синкретический характер и чрезмерно наполнено мирской «суестью». Особенно эти взгляды получили распространение в исламском мире и в особенности в регионах Магриба и Ближнего Востока, характеризующимися в последние годы ростом протестных выступлений.

Главное во всякой мировой религии – спасение души и путь ее в потусторонний мир, в Вечность. Соответственно, земные условия важны настолько, насколько они содействуют или препятствуют этому. Именно в этом смысле следует понимать Евангельские слова, что «удобнее верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царствие Божие» (Лук.18:16-27).

В современном религиозном возрождении нельзя не заметить две тенденции. Первая – насыщение политическим содержанием, вторая – повышенное внимание к внешней стороне религиозной жизни. Эти замечания относятся в значительной степени к традиционным религиям. Достаточно подвергнуть простейшему контент-анализу религиозные СМИ, чтобы убедиться, что значительное число текстов посвящено анализу тех или иных политических событий, а большинство вопросов, задаваемых верующими, посвящено обрядовой стороне.

Как мы уже говорили, большинство протестных движений, требующих переустройства мира на основе религиозных ценностей сосредоточены в исламском мире. За исключением Ливии, причина политических конфликтов в Египте, Тунисе и Сирии в следующем: Коран или либеральная «Хартия прав человека» должна быть положена в основу коренных изменений общества. Не вдаваясь в глубокий анализ причин, по которым буквальное перенесение шариата в современных условиях невозможно, ограничимся кратким замечанием: если даже будет проведена такая «революция сверху», ее итогом будет автаркия и усугубление всех существующих проблем.

Также, по нашему мнению предметом глубокого изучения должно стать и следующее обстоятельство. Почему лидерами игнорируются опыт самобытных протестных движений в мусульманском мире: карматов, создавших в 899 г. халифат в Бахрейне, основой идеями которых были равенство и справедливость, и бабидов в Иране, лидер которых Али Ширази

объявил себя в 1844 г. Бабом (врата мессии), открывающим новую эпоху – справедливости и равенства.

Другая, на наш взгляд, деструктивная тенденция состоит в пропаганде оккультных и эзотерических учений, преподносимых как незаслуженно забытая «мудрость древних» или как элитарная форма знаний о «мире небесном» в противовес традиционному религиозному знанию толпы. Предпринимаются попытки реанимации прежних ересей (главным образом в христианской традиции) под видом истинного вероучения.

Конечно, духовенство и верующие должны активно участвовать в общественной жизни и способствовать преодолению системного кризиса современной цивилизации, который в основе имеет моральный, духовный характер. Но неминуемо встает вопрос: какую стратегию должны избрать верующие в современном мире? Должны ли они вовсе устраниваться от политической активности, связать себя с той или иной действующей партией или создать собственную партию, как это, например, сейчас практикуется в охваченных смутой странах Магриба и Турции?

Одна из недавних попыток в России ответить на эти вопросы – сборник «Перелом», составленный Православными публицистами (Белжеларский и др. 2013). Его участники ставят своей главной целью оживить «тоску по сакральному» и создать синтетическую идеологию, в основе которой лежит идея справедливости. Заявляя, что они опираются на традицию вообще, они противопоставляют себя и «левым», и «правым», и «русскому коммунизму», и «западному либерализму» и тем не менее называют свое учение «левым консерватизмом». Важно отметить, что сама эта концепция эклектична, в ней отсутствуют описания конкретной стратегии реализации и, кроме того, очевидна политическая конъюнктура: создать «левый антикоммунизм».

В заключение хотелось бы привести выдержку из Нобелевской речи одного из самых незаурядных европейских мыслителей XX в. А. Камю, содержащую одновременно и предостережение, и призыв, и указание цели:

«Каждое поколение уверено, что именно оно призвано переделать мир... Но задача, быть может, на самом деле еще величественнее. Она состоит в том, чтобы не дать миру погибнуть... поколение, получившее в наследство изуродованную историю – смесь

разгромленных революций, обезумевшей техники... выдохшихся идеологий, историю, где нынешние заурядные правители, уже не умея убеждать, способны все разрушить, где разум опустился до прислуживания ненависти и угнетения... Перед лицом мира, находящегося под угрозой уничтожения, мира, который наши великие инквизиторы могут навечно превратить в царство смерти, наше поколение берет на себя задачу в сумасшедшем беге против часовой стрелки возродить мир между нациями, основанный не на рабском подчинении, вновь примирить труд и культуру и построить в союзе со всеми людьми ковчег согласия» (Камю 1990: 360).

Библиография

Белжеларский Е.А., Кантор М.К., Потапов И.Д., Третьяков В.Т., Тюренков М.А., Черняховский С.Ф., Щипков А.В. 2013. *Перелом. Сборник статей о справедливости традиций*. М.

Давыдов Ю.Н., Роднянская И.Б. 1980. *Социология контркультуры*. М.

Данилевский Н.Я. 1991. *Россия и Европа*. М.

Камю А. 1990. *Бунтующий человек*. М.

Киплинг Р. 1976. *Бремя белого человека*. М.

Кропоткин П.А. 1919. *Взаимная помощь как фактор эволюции*. Харьков.

Ленин В.И. 1915. Крах II Интернационала // *Полное собрание сочинений*. Т. 26. М.

Саватеев А.Д. 2012а. *Антиавторитарные выступления в арабских странах в свете взаимодействия глобализации и исламской культуры. Протестные движения в арабских странах. Предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола»* / Отв. ред. Следзевский И.В., Саватеев А.Д. М.

Саватеев А.Д. 2012б. *Антиавторитарные выступления в арабских странах: глобализация, исламские традиции и уроки для России* // *Азия и Африка сегодня*. № 1.

Скирбекк С. 2003. *Неадекватная культура*. М.

Фитуни Л.Л. 2012. «Арабская весна» в глобальном и региональном измерениях // *Протестные движения в арабских странах. Предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола»* / Отв. ред. Следзевский И.В., Саватеев А.Д. М.

Фукуяма Ф. 2004. *Конец истории и последний человек*. М.

Шаумян С.Г. 1978а. Национальный вопрос и социал-демократия // *Избранные произведения*. Т. 1. М. 146

Шаумян С.Г. 1978б. О национально-культурной автономии // *Избранные произведения*. Т. 1. М. 423

Заключение

Материалы данного издания подтвердили большую часть выводов первого сборника «Протестные движения в арабских странах: Предпосылки, особенности, перспективы», подготовленного тем же авторским коллективом.

Во-первых, подтвердился вывод авторов первого сборника о том, что во многом политические перевороты в арабских странах имели стихийный характер. Во-вторых, оправдалось заключение о серьезном расхождении ожиданий населения арабских стран и реальных результатов происшедших потрясений, явно разочаровавших египтян, ливийцев, тунисцев и население других стран региона. В-третьих, сейчас, как и в первом сборнике, трудно с уверенностью утверждать, что «арабская весна» принесет столь ожидаемые плоды» (Ткаченко, Саватеев 2012: 115). Тем более что в этот смутный процесс активно включились внешние силы, вмешательство которых резко расширило вариативность результатов, спектр возможных исходов. В-четвертых, остается актуальным и существенным вывод о том, что сами эти социально-политические потрясения обусловлены глубокими, масштабными проблемами, коренящимися в самой природе власти арабских (и только ли их?!) режимов. Очевидно, что авторитарные режимы в условиях нынешней глобализации оказываются анахронизмом, они уже не в состоянии найти оправдание авторитарным методам правления, сколь бы формальной, с другой стороны, ни была демократическая организация власти. Авторы здесь практически единодушны: режимы, попирающие общественное мнение, использующие принуждение в качестве основного аргумента и инструмента, тем более в условиях принудительно насаждаемой демократизации, лишены будущего.

Встает вопрос, насколько совместимы с современным социально-политическим устройством общества и государства монархии Аравийского полуострова и зоны Персидского залива. Было бы, вероятно, наивно полагать, что их не постигнет

необходимость изыскивать способы самосохранения ввиду вздымающейся волны недовольства со стороны как крайних радикальных исламских организаций, так и прозападно настроенных слоёв местной интеллигенции и среднего класса. Пока подобные бунты затронули только Бахрейн и Саудовскую Аравию, и были немедленно и решительно подавлены. Но смогут ли и дальше королевские режимы опираться только на штыки? Способны ли они так же, как король Марокко, тонко сочетать дипломатию уступок и натиска, добиваясь нейтрализации влияния крайних исламистских кругов?

Вместе с тем материалы монографии позволяют сделать ряд новых выводов, либо вытекающих непосредственно из содержания, либо порождаемых аналогией анализируемых событий с событиями других исторических эпох, с историей других социально-политических кризисов и переворотов, оказавших влияние на мировое развитие.

Первое, что бросается в глаза, – интернационализация арабского кризиса, втягивающего в водоворот происходящих событий в той или иной степени европейские, американские, азиатские страны, порой на государственном уровне, в других случаях – на уровне конфессиональном или на уровне неправительственных организаций, общественного мнения. Но если одни страны оказываются как бы втянуты в арабскую смуту (как, например, Россия, Китай, Иран), то другие сами активно включаются в арабский кризис. Вторая группа государств, прежде всего Франция, Великобритания, Италия, США, Саудовская Аравия, Катар, сыграла решающую роль в разгроме Ливийской Джамахирии. Решение США нанести удар по Сирии под предлогом якобы имевшего место применения химического оружия правительственными силами этого арабского государства создавало реальную предпосылку для начала войны, которая, как отмечает ряд российских и западных экспертов и политиков, могла бы создать предпосылки для мирового конфликта. Арабский кризис из регионального способен перерасти в мировой, с трудно прогнозируемыми международными и внутренними последствиями.

Один из наиболее серьезных выводов состоит в том, что арабский кризис включает такую составляющую, как противоречие

между арабским национализмом (в основном секулярного характера) и исламским фундаментализмом, противопоставляющим идеологии национализма изначальные исламские нормы и ценности. Внедренный в политическую практику секулярными режимами Египта, Туниса, Сирии (Ливия – несколько в стороне от этого направления), арабский национализм в значительной степени опирался на поддержку СССР и его союзников, но в начале XXI века идеология арабизма уже не могла ответить на социально-культурные и экономические запросы общества, чем и воспользовались происламские круги. На волне гражданских протестных выступлений происламские группы и движения свергли секуляризованные национальные правительства и временно пришли к власти, опираясь на поддержку религиозной части населения. Кризис националистических режимов в Египте, Ливии, Тунисе, Сирии в большой мере усилили внешние силы. Вот почему эта международная схватка в средствах массовой информации России и западных стран нередко трактовалась как борьба республиканских и монархических режимов. Но в Сирии вооруженный конфликт так называемой «оппозиции» и официальной легитимной власти вылился в обширный международный конфликт.

В то же время минувшие три года арабской смуты показали, что при всей глубинной укорененности ислама и определенной народной поддержке народа мусульманские духовные и политические лидеры оказались не в состоянии предложить программу действий, способную объединить народ, добиться осязаемых позитивных результатов в экономике и социальной сфере, наконец, убедить народ в харизматичности возглавивших правительства религиозных авторитетов. В итоге египетские «Братья-мусульмане», оказавшиеся у кормила власти в результате вполне демократических выборов, уже через год были низвергнуты армией, которую поддержала значительная часть египетского общества. Не помогло и сопротивление «братьев», которое временами выливалось в вооруженные схватки с армией и силами безопасности.

Одновременно еще отчетливее проявились противоречия между двумя возможными путями эволюции арабских стран – консервативным и модернизаторским. Первый опирается на

традиционные ценности и нормы ислама как базового принципа существования общества и человека, второй ориентируется на модернистскую, западочентристскую систему либерально-демократических ценностей. В то же время и тот, и другой пути явно включают в себя элементы противостоящих культур: исламисты обращались к египетскому, тунисскому народу, используя дискурс, почерпнутый на Западе, стремились соответствовать светским нормам избирательного процесса, а их оппоненты из числа светских деятелей клялись в верности исламу, заповедям Пророка Мухаммада. Поэтому жесткие разграничения между сторонниками светского и религиозного пути развития государства и общества в том же Египте и Тунисе, еще недавно считавшимся самым светским государством из всех арабских стран, не очевидны. Вероятно, сказывается взаимодействие, с одной стороны, западной цивилизации, достигшей глобального уровня в своем распространении, а с другой – реализующего свой мировой проект исламского фундаментализма. Это культурно-цивилизационное противостояние – неустойчивое, зыбкое, оно не вписывается в систему жесткого классового антагонизма, примата отношений материальных, экономических.

В самой основе исламской цивилизации возникает еще одна группа противоречий. Они вызваны прозападным курсом правящих кругов Туниса и Египта и появлением, вследствие технических и информационно-технологических новшеств, нового социального слоя – офисных служащих. Одновременно выявилось псевдодемократическое содержание политики прежних президентов и имитационный характер якобы «демократических революций» в арабских странах. Неконституционное свержение избранного президента Мухаммада Мурси в Египте, бессудная расправа над Муамаром Каддафи в Ливии, боины, устраиваемые исламистами – якобы борцами за права народа в Сирии, жесткое подавление выступлений шиитов в Бахрейне очевидно свидетельствуют, что «арабские революции» далеки не только от идеалов, но даже от формальных демократических процедур.

В целом арабский кризис приобретает некоторые черты социально-политического хаоса, овладеть которым попытались было лидеры западного мира. Способствуя усилению турбулентности кризиса в надежде на «вывод из игры» непокорных

арабских лидеров и подрыв влияния своих геополитических соперников, они все же не достигли своих целей. И вынуждены были отказаться от своего намерения. Видимо, мир вступил в такую фазу эволюции, когда даже самое мощное на планете государство – США уже не в состоянии решиться на военную авантюру.

Нельзя не остановиться и на ряде конкретных выводов, сделанных в монографии. Заслуживает внимания концепция «афразийской зоны нестабильности». Между авторами монографии сохранились определенные расхождения в определении природы арабского кризиса. Некоторые авторы используют для его определения понятие «революция», которое имеет вполне устоявшееся содержание. Большинство предпочитает иные понятия: «кризис, восстание, протестные движения, бунт, смута», они предоставляют больше возможностей в истолковании многомерности арабских событий.

Все же очевидно, что реальность анализируемых авторами сборника сдвигов в общественно-политической жизни арабских стран не соответствует устоявшемуся классическому пониманию революции как явления прежде всего политического и социально-экономического. В то же время изменения, начавшиеся в арабском мире, оказались действительно глубокими, они затронули не только область социально-политических отношений, но сферу ментальную – коллективные установки и ожидания масс. Обнаружились изменения в отношении египтян, тунисцев, сирийцев к коренным вопросам организации жизни общества и государства, серьезные различия в культурной и религиозной самоидентификации арабов. И если по форме эти изменения вполне можно называть политическими переворотами, поскольку речь идет о смене политических групп на вершине власти, то в основе своей они охватывают социально-культурную сферу, область цивилизационного самосознания, самоопределения арабских народов в становящемся все более неустойчивом и неопределенном мире. В пользу этого тезиса свидетельствуют резко обострившийся антагонизм между шиитской и суннитской ветвями Уммы, становящийся важной частью глубокого арабского кризиса. Посеянные этим антагонизмом семена уже дали свои

ядовитые всходы в Ираке, Ливане, столкнув в вооруженной борьбе группы мусульман, принадлежащие к различным ветвям ислама.

В системном плане антиправительственные выступления в арабском мире свидетельствуют прежде всего о кризисе власти, оказавшейся неспособной предложить обществу (прежде всего секуляризованной части городского населения) привлекательный образ будущего стран этого региона, дать надежду на лучшее жителям крупных городов.

Показательно, что в небольших городах, как и в сельской местности, протестных выступлений практически не было. Обитатели арабской «глубинки» остаются «молчаливым большинством», склонным к поддержке действующей власти. Не исключено, что именно они сыграют главную роль в определении будущего своих стран, и значительная часть государств арабского Востока сдвинется все-таки в направлении консервативных, а именно исламских жизненных ценностей.

Не обходит стороной данная монография и роль новых информационных технологий в событиях «арабской весны». Можно констатировать, что, несмотря на значительную роль социальных медиа в мобилизации общества, обсуждении и подготовке акций протеста, они не только не явились первопричиной начала выступлений, но и не стали единственной движущей силой протестной активности. Особенно ярко это проявилось, пожалуй, во время массовых отключений Интернета и ограничения мобильной связи, которые лишь укрепили стремление арабов выйти на улицы и присоединиться к демонстрациям. К этому времени сетевые площадки коммуникации для них, по большому счету, были уже не важны, поскольку для координации дальнейших действий легко заменялись своими «аналоговыми» эквивалентами в виде плакатов, граффити или листовок с указанием времени и места сбора и т.д. Другими словами, революционный настрой в рассматриваемых странах был подогреваем за счет Интернета, но в конечном счете не стал полностью от него зависим.

Также очевидно, что международное воздействие арабских волнений далеко не исчерпано. Слишком многие политические лидеры стремятся извлечь «прибыль» из разворачивающихся в этом регионе конфликтов. Внутренние антагонизмы

выплескиваются за пределы государства, приобретая не просто международный масштаб, но межцивилизационный характер.

Современная ситуация в арабском мире пока мало предсказуема. Но она свидетельствует о том, что афро-азиатский мир, как и, очевидно, мир в целом, вступил в новую фазу развития. Она характеризуется неустойчивостью глобальной политической ситуации и мировой политики, дисбалансом ожиданий и реальных результатов восстаний, выходом на авансцену новых социальных групп, ассоциирующих себя с западным миром, несостоятельностью или ограниченностью возможностей политических институтов государств в их стремлении разрешить возникающие противоречия формальными, правовыми и силовыми методами, переделом собственности в рамках международных и внутренних отношений, обострением противоречий между ветвями Уммы, кризисом ответственности лидеров США и Европы.

В силу масштабности, глубины, опасности развития сценариев арабского кризиса, отечественная научная мысль должна с особым вниманием отнестись к усилению роли цивилизационной идентичности, знаменующему новый период развития не только арабского мира, но всего человечества. Комплексное, междисциплинарное исследование трагических событий в Арабском мире, их крайне противоречивых последствий поможет отечественной гуманитарной науке подняться на новую ступень теоретического и стратегического мышления, внести вклад в создание комплексной фундаментальной теории современного мира.

Сведения об авторах

Васильев Алексей Михайлович, доктор исторических наук, профессор, действительный член РАН, заслуженный деятель науки РФ, лауреат премии РАН им. Е.В. Тарле за 2003 г., директор Института Африки РАН, главный редактор журнала «Азия и Африка сегодня», член ряда комиссий при органах государственной власти и общественных советов. Исследователь в области социально-политической истории арабских и африканских стран в новое и новейшее время, проблем международной жизни, роли религии в политической борьбе, социальных сдвигов в странах Ближнего и Среднего Востока, роли этнопсихологических факторов в общественной жизни арабских стран. Автор 40 книг, включая обновленные издания и переводы, более 900 публикаций на 15 языках. Среди его монографии *Король Фейсал: личность, эпоха вера* (М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2010), *Египет и египтяне* (М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2008, 3-е изд., перераб. и доп.), *История Саудовской Аравии (1745 – конец XX в.)* (М.: Классика плюс, 1999, 2-е изд., перераб. и доп.), *Африка – падчерица глобализации* (М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2003), *Африка и вызовы XXI века* (М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2012), *Россия на Ближнем и Среднем Востоке: От мессианства к прагматизму* (М.: Наука, 1993), *Мост через Босфор* (М.: Мол. гвардия, 1989, 2-е изд., перераб. и доп.). Ответственный редактор более 50 научных монографий и сборников. E-mail: dir@inafr.ru.

Виницкий Дмитрий Игоревич, собственный корреспондент журнала «Азия и Африка сегодня» в Каире. Автор многочисленных публикаций, включая интервью с главой Партии свободы и справедливости АРЕ М. Мурси *Мы боремся за власть, но проповедуем мир* (Азия и Африка сегодня, No 12, 2011), *Египет: холодный экономический душ заливают жар «арабской весны»* (Азия и Африка сегодня, No 3, 2012), *Египетская конституция: исламское «да» светскому «нет»* (Азия и Африка

сегодня, No 3, 2013; в соавторстве с А.М. Васильевым). E-mail: divin2008@yandex.ru.

Винокуров Юрий Николаевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН. Автор более 150 научных работ по истории, политическим, идеологическим, культурным проблемам стран Тропической Африки, в том числе *Конго. Трудный путь к независимости* (М.: Наука, 1967), *Политические партии Африки* (М.: Наука, 1970; совместно с А.Б. Летневым и др.), *Заир* (М.: Мысль, 1976), *История национально-освободительной борьбы народов Африки в новейшее время* (М.: Наука, 1978; совместно с Г.А. Нересовым, Л.Н. Рытовым и др.), *История Заира* (М.: Наука, 1982; совместно с А.С. Орловой и В.А. Субботиным), *Африка: культура и общественное развитие* (М.: 1984; совместно с Р.Н. Исмагиловой и др.), *Демократическая Республика Конго. Власть и оппозиция* (М.: «Восточная литература» РАН, 2003). E-mail: uvin1412@gmail.com.

Долгов Борис Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН. Автор более 100 научных трудов, включая монографию *Исламистский вызов и алжирское общество* (М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004). Область научных интересов: современные социально-политические процессы в арабо-мусульманском мире и мусульманских диаспорах в Западной Европе. Демократия и политический ислам. E-mail: boris-dolgov@mtu-net.ru.

Исаев Леонид Маркович, старший преподаватель кафедры общей политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», научный сотрудник Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН. Автор и редактор более 60 научных трудов, включая монографии *Египетская смута XXI века* (М.: Либроком/URSS, 2012; совместно с А.Р. Шишкиной), *Сирия и Йемен: неоконченные революции* (М.: Либроком/URSS, 2012; совместно с А.Р. Шишкиной) и *Системный мониторинг*

глобальных и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны (М.: Либроком/URSS, 2013; ред., совместно с А.В. Коротаяевым и А.Р. Шишкиной), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Центральная Азия: новые вызовы* (М.: Либроком/URSS, 2013; ред., совместно с Б.А. Акаевой, А.В. Коротаяевым и А.Р. Шишкиной). Область научных интересов: политические системы, политический процесс и политическая культура арабских странах, Лига арабских государств, исламская политическая философия. E-mail: isleonid@yandex.ru. Интернет-сайт: www.hse.ru/user/staff/issaev.

Кисриев Энвер Фридович, социолог, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, заведующий Сектором сравнительной регионалистики Института Африки РАН. Сфера научных интересов: исследование воздействия традиционных социокультурных институтов на характер современных социальных и политических процессов. Автор около 250 научных публикаций, в том числе монографий: *Национальность и политический процесс в Дагестане* (Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 1998); *Республика Дагестан: модель этнологического мониторинга* (М.: ИЭА, 1999); *Ислам и власть в Дагестане* (М.: О.Г.И, 2004); *Ислам в Дагестане* (М.: Логос, 2007), *Dagestan: Russian Hegemony and Islamic Resistance in the North Caucasus* (Publisher: M.E. Sharpe, 2010; совместно с Р. Уэром). E-mail: kisriev.dagestan@mtu-net.ru.

Коротаяев Андрей Витальевич, доктор философии (*Ph.D.*), доктор исторических наук, профессор, заведующий Лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», заведующий кафедрой современного Востока Российского государственного гуманитарного университета, ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки и Института востоковедения РАН, координатор проекта «Комплексный системный анализ и моделирование мировой динамики» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Экономика и социология науки и образования». Автор более 350 научных трудов, включая такие монографии, как *Ancient Yemen*

(Oxford: Oxford University Press, 1995), *Pre-Islamic Yemen* (Wiesbaden: Harrassowitz, 1996), *Факторы социальной эволюции* (М.: ИВ РАН, 1997), *Социальная эволюция* (М.: Восточная литература, 2003), *Возникновение ислама* (М.: ОГИ, 2007, совместно с В. В. Клименко и Д. Б. Прусаковым), *Законы истории. Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография. Экономика. Культура* (М.: URSS, 2007, совместно с А. С. Малковым и Д. А. Халтуриной), *Макроэволюция в живой природе и обществе* (М.: URSS, 2008, совместно с Л. Е. Грининым и А. В. Марковым), *Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы* (М.: URSS, 2008, совместно с Л. Е. Грининым), *Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография. Экономика. Войны*. 3-е изд. М.: ЛКИ/URSS, 2010, в соавторстве) и *Законы истории. Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития* (изд. 3-е, испр. и доп. М.: ЛКИ/URSS, 2010, в соавторстве). E-mail: AKorotayev@mail.ru. Интернет-сайт: www.cliodynamics.ru.

Ланда Роберт Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Востоковедения РАН. Сфера научных исследований – история арабов и социология Востока. Автор более 400 научных трудов, включая 25 монографий, в том числе *История Алжира XX век* (М.: ИВРАН, 1999), *Политический ислам: предварительные итоги* (М.: Институт Ближнего Востока, 2005), *Социология современного Востока* (М.: Восточный Университет, 2008), *Россия и мир российского ислама* (М.: «Медина», 2011). E-mail: dusiak@yandex.ru.

Орлов Владимир Викторович, доктор исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Область научных интересов: исламские институты в истории и политической культуре стран Магриба. Автор более 70 научных трудов, включая монографии *Традиционная социальная организация алаутского Марокко. Концепции – структуры – взаимосвязи* (М.: Древо жизни, 1998) и *Политический ислам в странах Северной Африки. История и*

современное состояние (М.: Изд-во Московского университета, 2008; совместно с М. Ф. Видясовой). E-mail: alsavlor@post.ru.

Саватеев Анатолий Дмитриевич, доктор исторических наук, заместитель директора Филиала Института Африки РАН в Санкт-Петербургском университете, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН. Автор около 200 научных трудов, включая монографии *Мусульманские духовные ордены в Тропической Африке (Ученые записки Ин-та Африки. Вып.13)* (М.: XXI век – Согласие, 1999), *Мусульмане и христиане современной Танзании (Труды участников российской экспедиции)* (М.: Ин-т Африки РАН, 2005; ред. и соавт.), *Исламская цивилизация в Тропической Африке* (М.: Ин-т Африки РАН, 2006), *Ислам в Западной Африке* (М.: Глав. ред. вост. литературы, 1988; соавтор), *Ислам в Восточной, Центральной и Южной Африке* (М.: Глав. ред. вост. литературы, 1991; соавтор). E-mail: asavat@mail.ru.

Следзевский Игорь Васильевич, доктор исторических наук, заведующий Центром цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, главный научный сотрудник Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Автор более 200 научных трудов, включая монографии *Хаусанские эмираты Северной Нигерии. Хозяйство и общественно-политический строй* (М.: ГРВЛ, 1974), *Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций* (М.: URSS, 2008; совместно с Я.Г. Шемякиным, А.Д. Саватеевым и др.), *Диалог в полицентричном мире: философско-культурные, исторические, политические и коммуникативные проблемы* (М.: Институт Африки РАН, 2010; совместно с И.Г. Яковенко, И.Н. Ионовым и др.). E-mail: ivs1940@rambler.ru.

Сулейманиян Андраник Грантович, кандидат психологических наук, действительный член Русского географического общества, доцент Московского Городского Психолого-Педагогического Университета, специалист в области этнопсихологии и психологии больших групп. Автор около 30 научных трудов, составитель

хрестоматии *Этнопсихология и Этнопедагогика* (М.: МГППУ, 2008). E-mail: as@vsemirput.ru.

Ткаченко Александр Алексеевич, кандидат экономических наук, заведующий Центром изучения стран Северной Африки и Африканского Рога Института Африки РАН. Автор более 200 научных трудов, включая монографии *Аграрное развитие Египта, Ирака и Сирии* (М.: Наука, 1978), *Приватизация. Россия, Центральная Азия, Арабские страны. Сравнительный анализ* (М.: Восточная литература, 2002; совместно с А.М. Васильевым и В.Ю. Кукушкиным), *Мировой порядок или беспорядок* (М.: ПМЛ ИАФРАН, 2005; совместно с Ан.А. Громыко и др.), *Арабский мир в системе международных отношений* (М.: ПМЛ ИАФРАН, 2007), *ООН в начале XXI века* (М.: ПМЛ ИАФРАН, 2008; совместно с Ан.А. Громыко и др.), *Внешняя политика и дипломатия Российской Федерации* (М.: Восток-Запад, 2010; совместно с А.Н. Пановым, Е.П. Бажановым и др.), *Россия на Ближнем Востоке и в Северной Африке в эпоху глобализации* (М.: ПМЛ ИАФРАН, 2011; совместно с А.М. Васильевым и др.). E-mail: alexander.tkachenko@inafr.ru.

Труевцев Константин Михайлович, доцент кафедры общей политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Автор более 100 научных трудов, включая монографии *Политическая система современной России* (М.: Изд. дом. ВШЭ, 2004), *Год 2011 – новая демократическая волна?* (М.: Изд. дом. ВШЭ, 2011). Область научных интересов: теория политических систем, политическая система России и других постсоветских стран, их место в типологии мировых политических систем, политические системы арабских стран, глобализация как мировой политический процесс, ее воздействие на структуру миропорядка и политические структуры различных обществ, глобализация и исламский мир, авторитаризм как тип политической системы и политического режима, его современное состояние, Арабская весна, ее итоги и результаты. E-mail: hrrc@mail.ru.

Шишкина Алиса Романовна, младший научный сотрудник Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Автор более 20 научных трудов, в том числе монографий *Египетская смута XXI века* (М.: Либроком, 2012; в соавторстве с Л.М. Исаевым), *Сирия и Йемен: неоконченные революции* (М.: Либроком, 2012; в соавторстве с Л.М. Исаевым), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны* (М.: Либроком/URSS, 2013; ред., совместно с А.В. Коротаевым и А.Р. Шишкиной), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Центральная Азия: новые вызовы* (М.: Либроком/URSS, 2013; ред., совместно с Б.А. Акаевой, А.В. Коротаевым и А.Р. Шишкиной). Область научных интересов: права человека, демократический транзит, политические процессы в современном мире, социо-культурное развитие. E-mail: alisa.shishkina@gmail.com.

Ягья Ватаняр Саидович, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный профессор Санкт-Петербургского государственного университета, лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга за выдающиеся достижения в области науки в системе высшего и среднего профессионального образования за 2012 г., заведующий кафедрой мировой политики факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, основатель и главный редактор периодического издания «Актуальные проблемы мировой политики в XXI в.», автор более 400 публикаций в газетах и общественно-политических журналах, ответственный редактор 40 монографий и сборников научных трудов. В круг научных интересов входят история и современная политика Эфиопии, Турции, стран Балтийского региона и Африки в целом, лингвистическое и этноконфессиональное измерение мировой политики. E-mail: zokoevazv@sir.edu.